

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 5

**Гуманитарные науки.
Технические науки**

**№2(83)
2022**

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книта»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

№2(83) • 2022 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 5

Гуманитарные науки.
Технические науки

№ 2(83) • 2022

Сборник научных трудов

Книга
Луганск
2022

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5

В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Черных Л. А. – доктор психологических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор
Дейнека И. Г. – доктор технических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Темникова С. В. – кандидат технических наук, доцент

Редактор рубрики «Гуманитарные науки»

Дибас О. А. – кандидат исторических наук, доцент

Редактор рубрики «Технические науки»

Калайдо А. В. – кандидат технических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Авершина А. С.	– канд. техн. наук, доц.	Крысенко Д. С.	– д-р. ист. наук, доц.
Атоян А. И.	– д-р. филос. наук	Кудинов В. А.	– д-р. ист. наук, проф.
Бакаева Н. В.	– д-р. техн. наук, проф.	Лепа Р. Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Барышева Е. И.	– канд. психол. наук, доц.	Логиновский С. С.	– д-р. филос. наук, доц.
Беспалова Т. В.	– канд. полит. наук, д-р. филос. наук, доц.	Максименко Е. Г.	– д-р. психол. наук
Бредихин А. В.	– д-р. ист. наук, проф.	Михайловская О. Г.	– канд. полит. наук, доц.
Васюк А. Г.	– канд. психол. наук, доц.	Мортников В. В.	– д-р. экон. наук, проф.
Вербенко И. А.	– д-р. физ.-мат. наук	Муртузалиев С. И.	– д-р. ист. наук, проф.
Горбенко Е. Е.	– канд. физ.-мат. наук, доц.	Поцелуев С. П.	– д-р. полит. наук, доц.
Даренский В. Ю.	– д-р. филос. наук, доц.	Проскурнина Е. А.	– д-р. полит. наук, проф.
Дрозд Г. Я.	– д-р. техн. наук, проф.	Резниченко Л. А.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.
Дымарский Я. М.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.	Сильчева А. Г.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Ерхов Г. П.	– д-р. ист. наук, проф.	Скородод Н. Н.	– канд. экон. наук, доц.
Занка И. П.	– канд. экон. наук, доц.	Татаренко Т. М.	– д-р. полит. наук, проф.
Звонок Н. С.	– д-р. филос. наук, доц.	Чубова И. И.	– канд. психол. наук
Кагермазова Л. Ц.	– д-р. психол. наук	Швыров В. В.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Капустин Д. А.	– канд. техн. наук, доц.	Шевченко М. Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Киреева Е. И.	– канд. техн. наук, доц.	Шелютко В. М.	– д-р. филос. наук, проф.
Карпов В. В.	– канд. техн. наук, доц.	Шепко Л. Г.	– д-р. ист. наук, проф.

Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. /
гл. ред. Л. А. Черных; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. С. В. Темникова. – Луганск : Книта, 2022. – № 2(83): Серия 5. Гуманитарные науки. Технические науки. – 132 с.

Наственный сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами гуманитарных и технических наук.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 433 от 8 мая 2018 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного
педагогического университета (протокол № 3 от 28.10.2022 г.)

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5

© Коллектив авторов, 2022
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

- Даренская В. Н.** Социальный идеал в русской традиционной культуре.....4
Семенова О. Н. Концепция этической экономики П. Козловски....13

Исторические науки и археология

- Дибас О. А., Милокост Л. С.** Российско-польские отношения в 1991–1999 гг.21
Ковшарь М. К. Переход от насилиственной к ненасильственной фазе внутриполитического конфликта в Северной Ирландии (1969–1998 гг.) : предпосылки и процесс.....29
Новодран Е. М. Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в 1993–2011 гг.37
Хижняк А. В. Новая ближневосточная политика России: возвращение Москвы в «большую игру» в регионе.....45

Политология

- Литвин Л. А.** Основные цели внешней политики Франции в период Великой французской революции.....52

Психологические науки

- Марусенко Е. А., Ковалева А.В., Выдрина Л.А.** Модусы экологического сознания в разных возрастных группах.....60
Бернацкая Л. В. Игровая терапия как метод воспитательной практики в коррекции агрессивности и агрессивного поведения дошкольников....67
Бугакова Т.А. Ценностно-смысловые детерминанты брачных отношений в современных семьях.....74

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

- Дюбо Е. Н.** Особенности решения задач линейного программирования на активном множестве.....79
Нечаев Д. В., Техтелев Ю. В. Особенности калибровки узлов механического дилатометра.....84
Черняков В. Е., Техтелев Ю. В., Кара-Мурза С. В., Тихий А. А. Методы решения обратной задачи эллипсометрии.....90

Технические науки

- Швыров В. В., Гвоздюкова С. Н.** Категории рисков, связанных с киберпространством: характер убытков и бизнес-сектора.....96
Корнеева А. Н., Гузенко А. Л. Оценка негативного воздействия прилежащей транспортной инфраструктуры на территорию университета.....105

Экономические науки

- Скороход Н. Н.** Макроэкономическое равновесие в проекции бюджетной и денежно-кредитной политики.....111
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....122
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

УДК 101.1 :316.33

Даренская Вера Николаевна,
канд. филос. наук, доцент,
и. о. зав. кафедрой философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Социальный идеал в русской традиционной культуре

В статье рассмотрен феномен традиционного русского социального идеала, который П. И. Новгородцев предложил определять термином «агиократия». На примере отдельных элементов этого идеала, сформировавшихся в русской традиционной культуре, показаны исторические основы современных социальных ценностей. Для социального и исторического мышления народа современной России понятие «святынь» до сих пор намного важнее в обосновании ценности каких-либо явлений, чем другие факторы.

Ключевые слова: Россия, агиократия, идеал, социальность.

Для понимания любого общества очень важна реконструкция того социального идеала, который в нем разделяет большинство людей. Понятие «социальный идеал» в современной философии обычно относится лишь к гипотетическому будущему, а не к прошлому. Вместе с тем, это понятие может быть переосмыслено и с другой точки зрения – как поиск определенных исторических констант, которые сформировали в прошлом характер народа и его представление об оптимальном социальном устройстве. Естественно, старые исторические формы жизни не могут вернуться, однако в новых формах народ старается воплотить свои исторически сформировавшиеся образы «идеального» общества.

Русский православный социальный идеал можно определить как *агиократию*, то есть власть святынь. Агиократия – понятие, введенное П. И. Новгородцевым [8]. Слово «агиос» переводится с греческого как святой, и этот термин означает социальный строй, в основе власти лежит реализация высших христианских ценностей. Понятие агиократии выражает не внешнюю форму социального устройства, но самый существенный, онтологический аспект социального идеала, свойственного русскому традиционному обществу. В любом традиционном обществе вообще социальный идеал связывается в первую очередь не с внешними – политическими и экономическими – формами жизни, а с нравственным состоянием общества. По цели этот идеал можно определить как всеобщее стремление к праведности – жизни по заповедям Божиим. Внешние формы организации социальной жизни при этом тоже важны, но уже второстепенны.

В традиционном сознании понятие идеала всегда связывается с понятием праведности и святости. Как отмечают исследователи, у русских в массовой народной среде было намного больше, чем у европейцев, распространено молитвенное обращение к Богу, Богородице и святым во всяких случаях жизни, которое верующий человек понимал не только как просьбу о помощи, но, в первую очередь, как просьбу направить свои действия в благом направлении. А именно, «одним из основных действий в народной религиозности было постоянное обращение к святому миру за получением благословения буквально на все, что делал или собирался делать человек. Полученное свыше благословение освящало и самого человека, и все его деяния. Выходя утром из дома, говорили: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, Господи!»» [6, с. 326]. Фактически молитвенные обращения у большинства людей становились такой «автоматической» частью речи, которая, непрерывно воздействуя на сознание, постоянно углубляла религиозное восприятие жизни и определяла все поступки.

«В числе многих парадоксов русской жизни, – писал Н. О. Лосский, – один из самых замечательных тот, что политически Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе. Славянофил Хомяков говорил, что по своему характеру русские склонны к демократии. В русском обществе ярко выражена нелюбовь к условностям, иногда бывающая через край» [7, с. 67]. Крестьянское сословие в дореволюционный период фактически жило еще в состоянии догосударственной, «вольной» жизни, поскольку его контакты с государством были минимальными и опосредованными – не напрямую, а через общину. В свою очередь, сама община была целиком автономным коллективом, никак не контролировавшимся государством и жившим по своим внутренним обычаям и нравственным принципам: «Крестьянские общины в России на протяжении большей части периода своего существования рассматривались должностными лицами как своего рода устойчивые неформальные группы, не включенные в систему государственного управления. Вплоть до второй четверти XIX в. русское государство не располагало достаточно развитым административным аппаратом, чтобы установить какие-либо отношения с общиной каждого отдельного селения» [11, с. 12]. Современными учеными крестьянская община рассматривается как «институт непосредственной демократии» [15]. Такой тип «вольной» жизни, на который никак не влияло ни крепостное право, ни государство, и сформировало тот удивительный «русский характер», который, благодаря великой русской литературе, стал известен всему миру, и во всем мире до сих пор вызывает уважение и восхищение. К настоящему времени общепризнано, что самое глубокое и тонкое художественное исследование глубин и парадоксов человеческой свободы принадлежит Ф. М. Достоевскому. Мировым классиком он стал не столько за художественные достоинства его произведений, сколько как «апостол христианской свободы». Но это было бы невозможно, если бы писатель не нес в себе многовековой опыт нравственной свободы русского народа.

Так, Л. Н. Толстой в рассказе «Рубка леса» дал яркую классическую характеристику преобладающего в народе типа русского человека на примере

солдат: «Чаще других встречающийся тип – тип более всего милый, симпатичный и большею частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле Божией, – есть тип покорного вообще. Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем несокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, могущим постигнуть его» [13, с. 43]. Такой преобладающий в русском народе характер был сформирован, с одной стороны, православной верой, а с другой – вольной жизнью. К настоящему времени общепризнано, что самое глубокое в мировой литературе художественное исследование глубин и парадоксов человеческой свободы принадлежит Ф. М. Достоевскому. Мировым классиком он стал не только и не столько за художественные достоинства его произведений, сколько как «апостол христианской свободы». Но это было бы невозможно, если бы писатель не нес в себе многовековой опыт нравственной свободы русского народа. А. Герцен в «Былом и думах» писал: «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его suffisance [самодовольство – В. Д.] нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде. Я не думаю, чтоб люди всегда были здесь таковы; западный человек не в нормальном состоянии – он линяет» [5, с. 419]. В русском человеке по контрасту с западным он отмечал его разносторонность, которая и является следствием отсутствия самодовольства в его характере.

Кроме того, между крестьянами и дворянами в России не было и такого большого психологического барьера, как в Европе, поскольку по своему мировоззрению они составляли один народ. «Мужик, – отмечал известный писатель XIX века П. Д. Боборыкин, – совсем не представлялся нам как забитое, жалкое существо, ниже и несчастнее которого нет ничего. Напротив! Все рассказы дворовых – и прямо деревенских, и родившихся в дворне – вертелись всегда на том, как привольно живется крестьянам, какие они бывают богатые и сколько разных приятностей и забав доставляет деревенская жизнь. Мужицкой нищеты мы не видали. В нашей подгородней усадьбе крестьяне жили исправно, избы были новые и выстроенные по одному образцу, в каждом дворе по три лошади, бабы даже франтили, имея доход с продажи в город молока, ягод, грибов. Нищенство или голытьбу в деревне мы даже с трудом могли себе представить. Из дальних окрест приходили круглый год обозы с хлебом, с холстом, с яблоками, свиными тушами, живностью, грибами. Все это были барские поборы; но сами крестьяне от этого не падали в наших глазах. Мы на них смотрели как на очень почтенное сословие. Их говор, вся повадка, одежда, особенно женская, – все это нам нравилось. А некоторые личности из крестьянства внушали даже большое почтение. Это были те богатые мужики, которые ходили по оброку и занимались торговлей. Одного из них, старика тряпичника, господа принимали почти как “особу” и говорили о нем, как об умнейшем человеке, с капиталом чуть не в сто тысяч на ассигнации. Он на волю не желал выходить; но сыновей “выкупил”. Подрастая, каждый из нас останавливался на праве помещика владеть душой и телом крепостных. Протестов против такого порядка вещей мы не слыхали от взрослых, а недо-

вольство и мечты о “вольной” замечали всего больше среди дворовых. Но, повторяю, отношение к крестьянству как к особому сословию и к деревенской жизни вынесли мы отнюдь не презирающее или унизительно-жалостливое, а почтительное и заинтересованное в самом лучшем смысле» [3, с. 54].

П. Д. Боборыкин пишет и о том, что во многом он был воспитан своими крестьянами: «кроме старших из своего сословия и круга, учителей и губернаторов, развивали нас и дворовые. Это вовсе не парадокс и не выдумка <...> я говорю о дворовых, моих друзьях, от которых я многому научился, и вовсе не в дурном смысле» [3, с. 52]. В свою очередь, дворяне служили царю, как вассалы служили своему сузерену, но в то же время они делали общее с государем дело. Так «особенность» и избранность положения дворян была обусловлена чувством долга, чувством ответственности за общее дело, за судьбы родной страны. И такая служба являлась не только обязанностью, но и правом; ответственность за общеноциональное дело питала чувство гражданственности. Кодекс дворянской чести и благородства в первую очередь предполагал обязательность высоких нравственных качеств – верности, честности, храбрости, высокой ответственности за «службу» и за свои поступки. Согласно этому кодексу, дворянину предписывалось прежде всего думать об этическом значении поступка, в отличие от принципов буржуазной психологии, ориентирующейся на практические последствия. Выдающийся русский мыслитель А. С. Хомяков в своей статье «О старом и новом» отмечал более высокий уровень развития гражданских свобод и самоуправления в допетровской России, чем в Европе того же времени: «с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей. Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными. Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычье, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных» [14, с. 458].

Вот, например, как в изложении А. С. Пушкина происходило избрание царем Петра Первого на малом Земском соборе в Москве: «Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиные, и черных сотен, и иных имен люди единогласно избрали царем Петра. Патриарх говорил потом боярам и окольничим и думным и ближним людям, и они были того же мнения» [9, с. 22]. Как видим, на соборе царя избирали в том числе и простые горожане – «черные сотни». Однако уже в эпоху после Петра такое соборное избрание царя стало уже невозможным, поскольку «народная монархия» сменилась в России европейской «диктатурой бюрократии» (И. Солоневич).

И. Л. Солоневич создал гениальную концепцию русской «народной монархии» как исконной формы политической власти в России и показал,

что ее главным основанием является евангельское воспитание народа. В России на протяжении многих веков ее самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован русский идеал народной монархии, основанной на народном самоуправлении и главенстве царя в первую очередь в его религиозном статусе – как помазанника Божиего, несшего особую ответственность перед Богом за свой народ. Почитание народом царя поэтому было в первую очередь не политическим, а нравственным отношением и было признаком праведности народа. Однако позже, в послепетровскую эпоху, когда появилось «образованное сословие», этот идеал стал непонятен для этих людей, мысливших по европейскому шаблону: «моральные религиозные основы русского государственного строительства эта “наука” пытается уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права – в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В “возлюби ближнего своего, как самого себя” никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?» [12, с. 100]. В целом «народная монархия» реализовала русский социальный идеал «государства-семьи», который остается неизменным на протяжении всей русской истории вплоть до настоящего времени, а отступления от него приводят к разрушению государства. В свою очередь, сама монархическая власть в понимании русского традиционного человека имела очень высокое нравственное значение и смысл. Н. В. Гоголь восхищался, «как умно определял Пушкин значение полномочного монарха», передавая следующие слова великого поэта: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномочного монарха – автомат» [10, с. 174].

Современный исследователь А. Л. Юрганов хорошо разъяснил смысл основных политических понятий того времени: «каждый православный человек – раб Божий и холоп государев; но в отношении к самому себе он – владыка, господин. Иначе говоря, человек – “владыка себе”, потому что он – раб Божий, Его творение <...> В слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нем звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства» [16, с. 216]. Тем самым, очевидно, что политические понятия традиционной России были производны от понятий религиозных, и поэтому главным было в них понимание человека как «раба Божьего» – в *позитивном* смысле: как человека, трудящегося для Бога и творящего благо. Это означает высшее развитие христианской свободы – как преодоления собственного эгоизма. Западные путешественники удивлялись особому почитанию царя русскими людьми и усматривали в этом «рабство». Такая оценка говорит о том, что у западных людей к этому времени поли-

тические понятия уже были не христианскими, и их место занял неоязыческий эгоизм, который они наивно считали «свободой». Тем самым, здесь мы видим более высокое нравственное развитие русского народа по сравнению с европейцами как следствие более глубокой христианизации русского национального характера.

Кроме того, этот исследователь отмечает и различие утопических идеалов в Европе и в России, которое является показательным для общего понимания отличия этих обществ: «Чем же отличались утопические модели Западной Европы и России? В исходной модели “Утопии” Томаса Мора, современника Пересветова, главное – это представление о совершенном обществе, создающем идеальное государство <...> В сочинениях Пересветова же – представления об идеальном государстве, создающем православное общество. Публицист тоже рассчитывал на разумение читателя, который поймет, что само это наилучшее состояние государства недостижимо» [16, с. 228]. То есть, с одной стороны, русские видят идеальное состояние обществе не в удобствах жизни, а в его нравственном развитии, которое основано на православной вере. С другой стороны, они в силу своего смирения также хорошо понимают, что идеальное состояние всеобщей праведности в принципе недостижимо. Известный русский историк Г. В. Вернадский писал сто лет назад: «Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что все русское государство – такое же создание русского народа. В этом государстве видят много темных сторон – но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь <...> И с этой стороны русское государство – плод национального творчества русского народа» [4, с. 124]. И это «национальное творчество русского народа» было бы невозможным без православного монархического сознания.

В. Г. Белинский в 1834 году в статье «Литературные мечтания» писал: «просвещение не закоснит благодаря неусыпным попечениям мудрого правительства. Русской народ смыщен и понятлив, усерден и горяч ко всему благому и прекрасному, когда рука царя-отца указывает ему на цель, когда его державный голос призывает его к ней!.. Да! у нас скоро будет свое русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе Православия, самодержавия и народности» [2, с. 125–126]. Поэтому именно идеальная формула «Православие, самодержавие, народность» в то время благодаря инициативе министра народного просвещения графа С. С. Уварова внедрялась в образовательный процесс как основа патриотического воспитания.

Позднее, в статье «“Бородинская годовщина” В. Жуковского» критик даже сформулировал определенную историософию как обоснование принципа С. С. Уварова: «народное не в том смысле, как понимают это слово непризванные опекуны человеческого рода, заграничные крикуны. Для

нас, русских, нет событий народных, которые бы не выходили из живого источника высшей власти <...> Да, в слове “царь” чудно слито сознание русского народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения <...> И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя в истории народа русского. Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими: феодализм боролся с королевскою властью и, побежденный ею, ограничил ее, явившись аристократией; среднее сословие боролось и с феодализмом и с аристократией, демократия – с средним сословием; у нас совсем наоборот: у нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его высокому назначению; царская власть всегда была живым источником, в котором не иссыкали воды обновления, солнцем, лучи которого, исходя от центра, разбегались по суставам исполинской корпорации государственного тела и проникали их жизненною теплотою и светом. В царе наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь <...> И потому-то всякий шаг вперед русского народа, каждый момент развития его жизни всегда был актом царской власти <...> повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша народность, если под словом “народность” должно разуметь акт слития частных индивидуальностей в общем сознании своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознание вполне выражается и вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении к которому “отечество” есть понятие подчиненное <...> пора сознать, что мы имеем разумное право быть горды нашею любвию к царю, нашею безграничною преданностию его священной воле, как горды англичане своими государственными постановлениями» [1, с. 14–115].

Как видим, молодой В. Г. Белинский – еще вполне русский человек, не одурманенный западными «передовыми» идеями, но уже прошедший определенную философскую школу Гегеля – разворачивает здесь свою достаточно оригинальную историософию России, которая до настоящего времени также замалчивается и заслоняется его поздним, западническим мировоззрением. Суть этой историософии состоит не в смене господства одних социальных классов над другими, а в общем служении народа Божией правде, которое невозможно без верности царю как Помазаннику Божию. Историческая динамика состоит в чередовании периодов «смут» – т. е. отступлений от этого принципа – и нового единения народа на основе православного нравственного возрождения. В XX веке Россия пережила самую страшную из таких смут, а ныне, в соответствии с этим общим историческим законом, находится в стадии выхода из неё.

Трагический характер событий XX века и разрушение основ тысячелетней церковной традиции привели к ослаблению лучших качеств русского народа, которые были воспитаны православной верой. Тем не менее, даже в современных условиях эта традиция сохраняется и возрождается. Даже в случае полной утраты традиционного православного мировоззрения современные русские часто сохраняют те лучшие черты национального

характера, которые были свойственны их православным предкам. Именно на основе культивирования этих традиционных элементов национального характера в наше время и сохраняется жизнеспособность российского общества, его способность к развитию и мобилизации, и возрождение самой религиозной традиции на массовом уровне. Кроме того, социальный идеал агиократии также сохранился на уровне массовой психологии народа («коллективного бессознательного»). Именно исходя из этого внутреннего идеала, большинство современных россиян оценивает и текущие события, и направление исторического развития страны в будущем. Для социального и исторического мышления народа современной России понятие «святынь» до сих пор намного важнее в обосновании ценности каких-либо явлений, чем другие факторы. Сама Россия мыслится как «священная держава», как об этом поется в государственном гимне, Великая Отечественная война также именуется «священной» по названию главной её песни и т. д. Тем самым, предложенное П. И. Новгородцевым понятие «агиократия» по отношению к современному мышлению не потеряло своего эвристического значения и тем более является важным для понимания прошлого.

Список литературы

1. **Белинский, В. Г.** «Бородинская годовщина» В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду / В. Г. Белинский // Собр. соч. В 9-ти т. Т. 2. – М. : Худ. лит., 1977. – С. 109–118.
2. **Белинский, В. Г.** Литературные мечтания (Элегия в прозе) / В. Г. Белинский // Собр. соч. В 9-ти т. Т. 1. – М. : Худ. лит., 1976. – С. 47–127.
3. **Боборыкин, П. Д.** Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. За полвека (главы I–VIII) / П. Д. Боборыкин. – М. : Худ. лит., 1965. – 567 с.
4. **Вернадский, Г. В.** Национальное творчество русского народа (Таврический голос. 1919. 8 (21) декабря. № 112 (262)) // Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. – Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. – С. 124–126.
5. **Герцен, А. И.** Былое и думы. Ч. 1–5. – М. : Худ. лит., 1969. – 926 с.
6. **Листова, Т. А.** Мир святости в религиозном народном понимании / Т. А. Листова // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / сост. О. В. Кириченко. – М. : Наука, 2010. – С. 285–337.
7. **Лосский, Н. О.** Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М. : ДАРЬ, 2005. – 334 с.
8. **Новгородцев, П. И.** Восстановление святынь // П. И. Новгородцев // Соч. – М. : Правда, – 1991. С. 559–580.
9. **Пушкин, А. С.** История Петра. Подготовительные тексты / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. Т. 9. – М.-Л. : Изд. АН СССР, 1951. – С. 5 – 464.
10. **Разговоры Пушкина** / сост. С. Гессен, Модзальевский. – Л.-М. : Политиздат, 1991. – 337 с.
11. **Слепков, М. С.** Крестьянская община в системе государственного управления по материалам реформы 1861 г./М. С. Слепков//Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 12–19.

12. Солоневич, И. Л. Миф о Николае II / И. Л. Солоневич // Наша страна. XX век. – М. : Изд-во журнала «Москва», 2001. – С. 77–106.
13. Толстой, Л. Н. Рубка леса / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. В 9-та т. Т. 3. – М. : Худож. лит., 1928–1958. – С. 40–74.
14. Хомяков, А. С. О старом и новом / А. С. Хомяков // Соч. В 2-х т. Т. 1. – М. : МЕДИУМ, 1994. – С. 456–470.
15. Шнейдер, Ф. А. Крестьянская община как институт непосредственной демократии в системе социально-правовых отношений России, 1861–1918 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : ИГП РАН, 2001. – 186 с.
16. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 448 с.

Darenskaya V. N.

Social ideal in Russian Traditional Culture

The article considers the phenomenon of the traditional Russian social ideal, which P.I. Novgorodtsev proposed to define by the term “hagiocracy”. The historical foundations of modern social values are shown by the example of individual elements of this ideal formed in Russian traditional culture. For the social and historical thinking of the people of modern Russia, the concept of “shrines” is still much more important in substantiating the value of any phenomena than other factors.

Key words: Russia, hagiocracy, ideal, sociality.

УДК 101.1 : 316.33

Семенова Оксана Николаевна,
ассистент кафедры философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Концепция этической экономики П. Козловски

В статье анализируется концепция философии этической экономики Петера Козловски (1952–2012). Позиция этической экономики объединяет философские размышления о справедливости и конституционных основах рынка и размышления об этике экономики. Показано, что целью этической экономики является не только изучение этики рынка, но также рассмотрение социальных институтов государства всеобщего благосостояния и поиск правильных отношений между рынком и государством. Этим определяется ценность данной концепции.

Ключевые слова: философия экономики, этическая экономика, П. Козловски.

В современной философии экономики актуализировалась проблема возможности инкорпорации этических норм в современной экономической теории [1; 2]. Понятие этической экономики включает три уровня: микро-, мезо- и макроуровни; а также занимается философским анализом этических основ экономики. После обсуждения этих элементов этической экономики в статье представлены некоторые возможные темы для исследовательской программы по экономической этике или этической экономике. Обсуждение этики и экономики и акцент на идее экономической этики или этической экономики были основаны Петером Козловски (1952–2012), который на протяжении многих лет работал над соотношением этики и экономики. Целью данной статьи является анализ концепции этической экономики (*Wirtschaftsethik*) и соотношение между этикой и экономикой на основе работы немецкого этического экономиста Петера Козловски.

Петер Козловски – немецкий философ и учёный-экономист, специалист философии управления и организации и истории современной философии. Основная для автора сфера – этическая экономия, в то же время во многом касается именно прояснения методологических позиций автора в связи с разрабатываемой им теоретической концепцией. В частности, его интересовали принципы этической экономики, а позже он также применил это обсуждение к основам философии менеджмента и корпораций. Козловски хотел разработать философию этики и экономики или этическую экономику. В книге Петера Козловски «Принципы этической экономики» (2008) [7], мы находим основу для такого подхода к философии управление. Козловски утверждал, что этика и экономика должны принимать друг друга и объединяться в единую теорию рационального действия. Идей этической экономики Козловски внес свой вклад в определение контура обсуждения соотношение этики и экономики в немецкой политической экономии, праве и деловой этике.

Козловски был восходящей звездой деловой этики в Германии в 1980-х гг. Он сосредоточился на чисто этическом подходе к проблемам экономики и бизнеса. Его отправной точкой здесь были герменевтические позиции немецкой исторической школы, основанные на взглядах Вильгельма Дильтея и Шлейермахера, а также находился под влиянием идей Аристотеля. Козловски, говоря о деловом этическом подходе, рассматривал деловую этику с точки зрения религиозной этики и католического социального обучения. Но на самом деле это была не католическая социальная этика, а скорее, подход Козловски, как ученика Спеманна, был попыткой основать деловую этику в католической религиозной философии.

Согласно этической экономике Козловски, сочетающей герменевтику с (католической) социальной теорией по отношению к концептуализации рынка и общества, существует тесное взаимодействие между культурой, этикой и экономикой в определении основ экономических рынков.

По определению П. Козловски, экономическая этика или этическая экономика – это теория экономики и этики. Как этическая экономика, она объединяет этические и экономические суждения и составляет дополнение политической экономии. Этическая экономика и политическая экономика связаны с макроэкономической и экономической теорией рационального действия. Также предоставляется возможным установить связь между этической экономикой (и деловой этикой) и философией управления. В этом смысле связь между этической экономикой и философией менеджмента и корпорации заключается в том, что этическая экономика предлагает анализ институциональных экономических рамок размышлений о философии менеджмента и корпорации.

Следуя подходу Козловски к этике и экономике, мы можем предложить общее определение общего подхода к философии менеджмента и корпорации. Этот подход будет сосредоточен на таких вопросах, как онтология и эпистемология организации, включая вопросы деловой этики и практической философии менеджмента. Данный подход открывает возможности для размышлений о деловой этике в рамках герменевтики и рефлексивного суждения. В такой герменевтической перспективе подход Козловски к этике и экономике не только герменевтический и аристотелевский, но и вдохновленный видениями Фомы Аквинского на экономику, а также подразумевающий кантианский взгляд на легитимность деловой этики.

С этой философской точки зрения онтология организации включает такие вопросы, как: «Что такое организация?», «Как мы определяем организационную идентичность и личность?», «Что является основой различных организационных систем?» А проблема эпистемологии организаций включает такие вопросы, как: «Что определяет наши знания?», «Какие категории нашего понимания и разума, и пределы наших представлений о мире?». Соответственно, в рамках этической экономики мы можем утверждать, что философия экономики занимается вопросами роли этической ответственности в экономике, индивидуализма и альтруизма в экономической этике, роли этики в экономической рациональности, взаимодействия и противоречий между этикой и экономикой.

Экономическая этика или этическая экономика – это, с одной стороны, симбиоз экономической теории, этических и экономических институтов и правил, с другой стороны, этика экономики. Как и политическая экономия, она имеет двоякое значение. Это теория этики, использующая экономические инструменты анализа, этические теории, ориентированные на экономику, как и политическая экономия – это политическая теория, использующая экономические инструменты анализа. Но этическая экономика или экономическая этика – это теория этики, предпосылки культурной системы экономики, теория этических правил и отношений, которые предполагают рыночную координацию системы цен для поддержания функционирования экономической подсистемы. Компонент этической экономики, который ориентирован на применение экономических принципов, называется здесь «экономической этикой» (*Wirtschaftsethik*), хотя термины «этическая экономика» и «экономическая этика» сливаются, в настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть фундаментальные прикладные вопросы этической экономики и экономической этики. Термин «этическая экономика» выходит за рамки исследовательских целей экономической этики, понимаемой как этика экономики, чтобы достичь интеграции этической теории и экономической теории. Этическая экономика должна быть чем-то большим, чем просто «экономикой и этикой» [5, с. 83]. Но, с другой стороны, этическую экономику можно также понимать как экономическую теорию этики или этику, ориентированную на экономику. Здесь мы сталкиваемся с экономической теорией этики.

Козловски утверждает, что экономика и экономическая теория могут помочь прояснить этические дилеммы и максимизировать эффективность экономических расчетов при принятии этических решений. Важно подчеркнуть, что экономическая теория этики помогает понять роль личных интересов в решении этических дилемм. Таким образом, исходя из подобного понимания этической экономики, мы можем сказать, что Петер Козловски анализирует деловую этику как практическую составляющую философии управления. Данный анализ включает исследование таких тем, как корпоративная социальная ответственность, управление, основанное на ценностях, и корпоративное гражданство в рамках этической экономии. С точки зрения подхода Козловски, мы можем отстаивать культурный исторический подход к экономике, который включает междисциплинарный подход к этическому суждению с точки зрения таких наук, как правоведение, экономика и политология.

По определению Козловски, этика – это добро и человеческие добродетели, в то время как экономика касается вида человеческих институтов, основанных на личных интересах и экономической рациональности. Обе дисциплины основаны на человеческой деятельности, и обе дисциплины связаны с концепцией рациональности [4, с. 87]. По словам Козловски, всеобъемлющая теория экономики не может быть основана только на личных интересах, она должна включать более широкую теорию полезности. Однако этика также должна иметь реалистичное экономическое измерение, учитывая рациональность экономической эгоистической максимизации. Соответственно, как общее понятие политической экономии, этическая экономия призвана объединить воедино экономические и этические суждения. Важно подчеркнуть, что

эта теория извлекает выгоду из общих инструментов экономической теории (микроэкономики, макроэкономики, экономического анализа) и в то же время использует идеи этической теории для анализа качества норм и институциональных инструментов [3, с. 101].

По словам П. Козловски, чистая экономическая теория – важный инструмент анализа рациональных действий по обеспечению эффективного достижения целей и социальной эффективности. Политическая экономия обобщает данный подход как экономическую теорию политического и экономического аспектов политического и культурно-политического измерения экономии. Ссылаясь на «Богатство народов» Адама Смита, Козловски утверждает, что существует тесная связь между ответственным управлением, политической свободой и политическим координированием экономики в сочетании политических и экономических мер [7, с. 113]. Соответственно, этическую экономию можно в основном определить как теорию этических предпосылок экономики и экономической этики. Это подтверждается новым подходом к институциональной экономике, утверждающим, что рыночные субъекты и экономические рынки не являются независимыми от социальных, институциональных и культурных условий в обществе. Политическая экономия исследует социальные, правовые и институциональные основы рынка, экономика – ценовой механизм, взаимодействие на рынке субъектов хозяйствования, спрос и предложение, прибыль, собственность, контракты, права, справедливость; а этическая экономика исследует этические нормы и принципы этих фондов, основанные на подразумеваемом этическом понимании (например, доверие) и этические нормы справедливости институтов экономической системы. Диалектическое отношение между этикой и экономикой должно учитывать точку зрения этической экономики как «материальной или содержательной» концепции этической экономики, как нормативной теории отношений этики и экономики в концепции товарообмена [3, с. 77].

Существует взаимодействие между экономическими и эстетическими концепциями ценностей, которое изучает культурная концепция экономики, рассматривающая культурные аспекты экономических институтов, менеджмента и политической экономии. Козловски считает, что этическая экономика состоит из трех основных областей: 1) теория этических предпосылок экономики; 2) экономическая теория этики; 3) экономическая и этическая теория благ и ценностных качеств культуры. Можно сказать, что взаимодействие этих областей формирует этическую экономику человеческих институтов [3, с. 81].

Козловски рассматривает этическую экономику как возврат к старой практической философии, основанной Аристотелем, Кантом и Адамом Смитом. Задача этической экономики – реинтегрировать практико-философский подход в экономическом мышлении. Этическая экономика направлена на реинтеграцию этики в экономическую теорию, чтобы поместить абстрактное понятие «*homo economicus*» в социокультурную сферу общества. Это означает, что этика должна быть не только абстрактной философской метаэтикой, но также и конкретным этическим размышлением о человеческих действиях в конкретных социальных обстоятельствах. Экономическая этика в эти-

ческой экономике должна быть практической этикой, связанной с конкретными жизненными ситуациями человеческих взаимоотношений. Зачем нам сегодня нужна этическая экономика? Зачем нужно уделять больше внимания развитию этой экономической этики, выраженной в политической экономии, деловой этике и административной этике? Козловски называет три важные причины для разработки такой этической экономики: 1) осознание возрастающих культурных и экологических побочных эффектов экономических действий субъектов хозяйствования и потребность этической ответственности; 2) повторное открытие человеческого фактора в технико-экономической науке и растущее ожидание ответственности руководителей предприятий и организаций; 3) необходимость противодействовать более широкому разделению сфер культуры, и особенно, отчуждению экономического мира от интеллектуальной и материальной культуры [7, с. 73].

Первая причина – это проблема непреднамеренных побочных эффектов экономической деятельности (экстерналии). Побочные эффекты – это последствия для общества, характера и культуры экономической деятельности. Они выступают как проблемы, так и причины необходимости разработки и внедрения экономической этики. Власть человека над природой возрастает, поэтому важны практические этические действия и ответственность. В своем анализе побочных эффектов Козловски обращается к термодинамике и необходимости экономических систем адаптироваться иправляться с окружающей средой. Субъектам хозяйствования вполне под силу разрушить мир из-за непредвиденных последствий экономико-производственной деятельности, это обуславливает необходимость этических размышлений о внешних экономических эффектах [7, с. 44].

Вторая причина – повторное открытие человеческой личности в социальных науках – означает, что в экономических науках нет автономии научного и экономического разума. Там всегда есть место человеческого фактора. Экономика не может быть чисто физической и естественной наукой, потому что она полагается на человеческие действия и интеллект. Поэтому Козловски говорит о человеческом повороте в экономике, «реантропоморфизацию» или «регуманизацию» экономических научных пониманий экономической деятельности в организациях и учреждениях. Козловски утверждает, что «антропоморфизм» очень важен в постиндустриальной экономике, потому что это участие человека в работе и производстве, что имеет важное значение для формирования категории стоимости. В постматериальной экономике услуг и переживаний «возвращение разума» стало жизненно важным. Повторная морализация экономики необходима, чтобы иметь дело с культурным наследием, влиянием экономики, которое выражается в обобщении человеческого фактора в экономике, вследствие перехода к «антропоценовой» эпохе отношений человечества к природе и к Земле.

Третья причина заключается в том, что необходимо иметь нормативное измерение экономической деятельности, потому что экономический элемент был распространен на все сферы жизнедеятельности общества. Когда экономическая система является обобщенной, она приносит с собой необходимость взаимодействия с социальными и этическими элементами хозяйственной де-

ятельности. Козловски утверждает, что дифференциация общества привела к обобщению одной подсистемы, а именно экономической подсистемы. В то же время увеличилось разделение между сферой работы и сферой отдыха. Экономический и инструментальный подходы начали доминировать в сфере досуга. Для полного доминирования необходимо внедрение культурного измерения в хозяйственную деятельность. Следовательно, существует необходимость интегрирования этики в экономику, в процессе распространения экономического подхода на все сферы жизни общества. А интеграция политической и этической экономии необходима вследствие распространения экономики на все сферы жизнедеятельности общества. П. Козловски определяет свою этическую экономику как постмодернистскую экономику, выходящую за рамки модернистской экономики Гоббса, Мандевиля и Смита, а также Маркса, разделяя этику и экономические действия. Попытка превратить экономику в математическую и механистическую теорию, разделяющая этику и экономику, потерпела неудачу. Попытки разделить этику и экономику с личной этикой с одной стороны и экономической рациональностью с другой стороны не может поддерживаться, с точки зрения Козловски, постмодернистской этической экономикой [5, с. 37].

Правильной характеристикой позиции Козловски является понимание её как открытой историко-герменевтической позиции аристотелевского происхождения в этической экономике, а не закрытой католической позиции, хотя элементы данной позиции так же присутствуют в точке зрения Козловски. Йорг Альтхаммер из Университета Ингольштадта следует за Петером Козловски в его развитии этической экономики как общей теории политической экономии и теории экономических аспектов жизнедеятельности общества, которые применяются к социальным вопросам и семейной политике [См.: 6]. Альтхаммер критикует инструментальный характер структуры условий, который предлагается теорией этики порядка. Вместо этого этическая экономика пытается определить этическую основу экономики, как предлагает П. Козловски.

Этику нельзя сводить к экономике. Скорее, необходимо определить правильные этические условия экономических действий в процессе товарооборота с учётом этических аспектов при принятии экономических решений. Инструментальный экономический подход подвергается критике со стороны этического подхода как недостаточный для полноценной работы субъектов хозяйствования с необходимостью учёта этических условий, предъявляемых обществом. Подход этики порядка, предложенный Карлом Хоманном, основанный на идеях американского профессора Бьюкенена, не принимает во внимание этические условия экономики.

Согласно Альтхаммеру, подход этической экономикой может также иметь решающее значение в выстраивании принципов дискурса в рамках теории этики общения. Такой подход рассматривается как противоречие, нейтральная моральная точка зрения на самом деле невозможна. Невозможно определить моральную основу коммуникативного подхода к этической экономике. Вместо этого Альтхаммер предлагает основывать этическую экономику на естественном законе и католической общественной этике. Данный подход формируется на азах естественной экономики, основанной на правах

и возможностях личности. При таком подходе католическое мышление естественного права пытается определить пределы рыночной экономики по отношению к экономической деятельности рынка [6, с. 65].

Этот подход определяет нормативные системы экономического порядка, выходящие за рамки этики общества. В отличие от этики рынка с его критикой социального государства и благосостояния государства, подход школы Альтхаммера и Козловски предполагает этические ограничения экономическая система, основанная на социальном и политическом регулировании рынка. Подход, основанный на возможностях, вслед за Сеном и Нуссбаумом, представляет собой такой нормативный подход к этической экономике в рамках государства всеобщего благосостояния. Концепции корпоративной социальной ответственности, корпоративное гражданство и социальное предпринимательство обретают единое концептуальное значение в рамках концепции социального государства.

Этическая экономика – это не только бизнес-этика или управленческая этика, но и усиление этического экономического подхода к разработке общей нормативной политической экономии для экономического регулирования рынка. Эта экономика фокусируется на концепции государства социального благосостояния во взаимоотношении с экономическим регулированием рынка. Позиция этической экономики объединяет философские размышления о справедливости и конституционных основах рынка и размышления об этике экономики. Целью этической экономики является не только изучение этики рынка, но также рассмотрение социальных институтов государства всеобщего благосостояния и поиск правильных отношений между рынком и государством. По словам Альтхаммера, данный подход должен быть основан на гуманизме, солидарности, в отличие от экономического эгоизма рынка, основанного на понятии «Человек экономический». Один из способов разрешить данные противоречия – это введение минимальных условий, определяющих социальное государство, основанное на социальной поддержке людей, например, в форме минимального базового дохода.

Таким образом, в концепции П. Козловски разработаны следующие важные компоненты этической экономики: 1) связь между экономической этикой и формальной философской этикой; 2) определение принципов содержательной этики этической экономикой; 3) этическая экономика и культурная философская экономия; 4) этические проблемы и дилеммы в отношении экономических внешних и побочных эффектов; 5) экономика, онтология, теория принятия решений и философия управления, в том числе практические аспекты принятия решений; 6) экономическая этика и рыночная экономика, включая конкретные экономические дилеммы деловой этики и экономики организаций; 7) понятие справедливости и справедливой цены в экономике и экономических институтах.

Список литературы

1. Ивашковский, С. Н. Экономика и этика: история непростых взаимоотношений / С. Н. Ивашковский // Экономическая политика. – 2011. – №3. – С. 114–141.

2. **Корытцев, М. А.** К проблеме инкорпорации этических норм в современной экономической теории / М. А. Корытцев // Журнал институциональных исследований – 2014. – Т. 6 (№ 4). – С. 22–31.
3. **Козловски, П.** Принципы этической экономики / П. Козловски. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – 344 с.
4. **Козловски, П.** Теория этической экономии как культурные, этические и исторические аспекты экономической науки: экономическая этика и исторический вызов / П. Козловски // Terra Economicus. – Т. 12. – № 1. – С. 84–91.
5. **Козловски, П.** Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб. : Экономическая школа, 1996. – 158 с.
6. **Althammer, Jörg W.** Ökonomische Theorie der Familienpolitik: Theoretische und empirische Befunde zu ausgewählten Problemen staatlicher Familienpolitik. Physica-Verlag Heidelberg, 2000. – 236 s.
7. **Koslowski, P.** Principles of Ethical Economy, Issues in Business Ethics, Springer / P. Koslowski. – 2008. – 283 p.

Semenova O. N.

The concept of ethical economics P. Kozlovsky

The article analyzes the concept of the philosophy of ethical economics by Peter Kozlowski (1952–2012). The position of ethical economics combines philosophical reflections on justice and the constitutional foundations of the market and reflections on the ethics of economics. It is shown that the purpose of ethical economics is not only to study the ethics of the market, but also to consider the social institutions of the welfare state and the search for the right relationship between the market and the state. This determines the value of this concept.

Key words: philosophy of economics, ethical economics, P. Kozlowski.

Исторические науки и археология

УДК [94(470+571):438] «1991/1999»

Дибас Оксана Андреевна,

канд. ист. наук, доцент,

доцент кафедры всемирной истории

и международных отношений

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

oksana-dibasa@rambler.ru

Милокост Любовь Сергеевна,

канд. ист. наук, доцент,

и. о заведующего кафедрой всемирной

истории и международных отношений

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

lubov.milokost@mail.ru

Российско-польские отношения в 1991–1999 гг.

В статье рассматриваются особенности двусторонних российско-польских отношений в 1991–1999 гг. Авторы раскрывают особенности трансформации взаимоотношений в исследуемый период, обусловленные распадом СССР и Организации Варшавского договора, а также включением Польши в орбиту влияния НАТО и ЕС.

Ключевые слова: российско-польские отношения, НАТО, конфронтация, двусторонние отношения.

На протяжении многих веков отношения с Польшей являлись важной составляющей геополитической стратегии России на Западе. Периоды мирного сосуществования двух народов регулярно сменялись открытым политico-дипломатическим и идеологическим противостоянием. Одновременно с распадом СССР и социалистического блока в 1991 г. прекратило свое существование биполярное мироустройство, основанное на послевоенной Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений. Наступило время открытого доминирования идей глобализации и западных ценностей, оказавшихся очень эффективными в деле вовлечения в свою орбиту бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и участников Варшавского договора, среди которых Польша играла одну из ведущих ролей.

Определенная слабость российских внешнеполитических позиций, глубокий социально-экономический кризис и неразрешенные вопросы общей истории, характерные для 90-х гг. XX века, привели к отдалению Польши от России. Польским руководством был выбран западный вектор национального развития, результатом которого стало вступление Польши в блок НАТО и Европейский союз.

История российско-польских отношений традиционно привлекает большое внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Важно отметить, что для научных исследований, посвященных российско-польским

отношениям в обозначенный период, характерна особенность, проявляющаяся в повышении исследовательского интереса к двусторонней повестке в момент значимых политических либо экономических событий. В связи с этим научные работы по изучению российско-польских отношений условно можно сгруппировать по направлениям исследовательского интереса: общий политический контекст развития российско-польских отношений (А. В. Мальгин [7], И. И. Жуковский [6], К. Женгота [5]).

Отдельно следует выделить исследовательскую работы полониста и ведущего научного сотрудника Института экономики РАН Н. И. Бухарина. В монографии «Россия–Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е гг. XX века – первое десятилетие XXI века» и других работах ученого представлен комплексный анализ истоков и особенностей российско-польских отношений новейшего времени.

Примечательно, что, учитывая значительную зависимость от взаимоотношений в треугольнике Москва–Брюссель–Вашингтон и подчиненности политики официальной Варшавы позиции ЕС и США, отношения между двумя государствами подвержены значительному влиянию внешних факторов [1]. Об их пребывании под пристальным вниманием США, а заодно и остального цивилизованного мира, свидетельствует, в частности, тот факт, что, поздравляя президента А. Квасьневского с победой на выборах, глава Белого дома Б. Клинтон довольно красноречиво пожелал ему «хороших отношений с Россией»[3].

В отличие от Москвы, в которой Польшу, учитывая несопоставимость потенциала, воспринимают важным, однако далеко не главным игроком международной политики, в Варшаве «большого восточного соседа» воспринимали одним из ключевых факторов как внешней, так и внутренней политики Речи Посполитой и связывали с ним если не половину, то треть всех внешне-политических усилий и озабоченностей.

Так, в ходе каждой из серий политических выборов в независимой Польше позиция по отношению к России стабильно выполняет функцию своеобразной «лакмусовой бумагки», влияя на избираторат, так как избиратели идентифицируют политические силы и определяются со своим отношением к ним исходя из заявляемых внешнеполитических приоритетов [3]. Не лишены точек соприкосновения с интересами РФ также и геополитические ориентиры Польши: несмотря на, в основном, тождественные внешнеполитические устремления, сферой непосредственной артикуляции общих интересов двух государств, а одновременно предметом конкуренции между ними, традиционно являются Украина, Белоруссия и прилегающие территории Балто-Черноморского региона, борьба за присутствие в которых неизменно характеризует внешнюю политику каждой из сторон [10]. Как указано в материалах известного польского публициста Е. Новаковского, «основополагающим, стратегическим конфликтом интересов», заложенных еще в период пребывания у власти Стефана Батория и Ивана Грозного и неизменно актуальным в течение последующих периодов [13].

Так, если в России политика Польши в Украине и Белоруссии воспринимается не иначе, как политика «размыивания» пророссийски настроенных

элит и продвижения к власти политиков, ориентированных на Запад, то для поляков Российская Федерация остается империей, ради геополитического реванша и восстановления предыдущего своего статуса готовой к любым действиям [9]. Следовательно, усиление международного веса и укрепление национальной безопасности Польши, по мнению политических элит и общественности, приведет к ослаблению России с одновременным вытеснением ее из региона Центральной и Восточной Европы [9]. Как следствие, приводит к укоренению «конфронтационного характера российско-польских отношений, – справедливо, по нашему мнению, замечает В. Шимов, – неизбежно ведет к тому, что политика Польского государства в отношении Украины и Беларуси оказывается направленной против России» [9].

В отличие от Польши, которая в силу исторических обстоятельств длительное время была лишена государственности, а вместе с тем, законных оснований для утверждения в качестве влиятельного субъекта международной политики, неизменным признаком генезиса Российского государства на разных ступенях его исторического развития оставалась борьба за учет интересов и позиции России не только в Европе, но и мире в целом.

Стратегической целью российского руководства при этом будет оставаться сохранение за Россией статуса значимого актора международных отношений [9]. При таком условии, а также учитывая специфику ее внешней политики, характерным диссонансом между заявленными целями и фактически реализованными, руководство польского государства настроено любой ценой покончить с подчиненностью политике официальной Москвы и стать составной частью Запада, прилагая для этого максимум усилий. Сложность и неоднозначность характеризовали отношения между двумя государствами в том числе и в период пребывания у власти президента Л. Валенсы. И хотя в начале 1990-х гг. глава польского государства, аналогично российскому коллеге Б. Ельцину, с большим оптимизмом готовился начать в отношениях сторон «эру сотрудничества», начатую подписанием «Договора о дружбе и сотрудничестве» (22 мая 1992), тождественность стратегических интересов, приумноженная великодержавным амбициями (не только Москвы, но и Варшавы тоже), сделала свое дело.

Тождественные внешнеполитические устремления проявились изначально в напряженности, а позже и острой конфронтации на уровне президентской власти, значительно усиленной нежеланием Б. Ельцина поддержать Польшу в ее стремлении вступления в НАТО и согласиться, таким образом, с расширением на восток границ Альянса. И, несмотря на то, что в течение первой половины 1990-х гг. отношения сторон не были лишены определенных успехов (сформирована соответствующая новым реалиям нормативно-правовая база сотрудничества, завершен вывод с территории Польши российских войск, торгово-экономическое сотрудничество начало осуществляться на принципах рыночных отношений, был подписан газовый «контракт века»), их потенциал использовался все меньше.

Резкое сокращение экономических, культурных и научных связей между двумя государствами, только частичное выполнение заключенных соглашений, крайне неудовлетворительная осведомленность поляков и россиян

о трансформации в каждой из стран в сочетании с засильем стереотипов, подпитывали общественное сознание и неспособность политических элит создать не только четкую концепцию, хотя бы прагматическую стратегию сотрудничества, лишали взаимоотношения государств благоприятных перспектив на будущее.

Правда, с началом президентства А. Квасьневского, который в своем отношении к России выходил из мощности ее геополитического влияния, как в Европе, так и в Азии, взаимоотношения Варшавы с Москвой начали выстраиваться на основе уважения суверенитета и интересов друг-друга, а межгосударственное сотрудничество значительно активизировалось [2].

О настрое на оздоровление отношений между государствами А. Квасьневский неоднократно отмечал еще в предвыборных речах и, за небольшим исключением, в течение всего периода пребывания у власти оставался верным своим словам. Справедливости ради отметим, что достаточно часто подобная его настроенность наталкивалась на критику со стороны оппозиции, которая обвиняла его в продолжении традиций ПОРП. Поэтому, чтобы не давать конкурентам лишних поводов, главе государства неоднократно приходилось лавировать, отделяя политические проблемы от сотрудничества в экономической сфере.

В оздоровлении взаимоотношений двух государств, несомненно, значительную роль сыграла позиция Кремля. Так, в приветственном письме к А. Квасьневскому, только избранному президентом РП, Б. Ельцин продемонстрировал стремление российского руководства к более полному использованию потенциала сотрудничества между двумя государствами [2].

В течение второй половины 1990-х гг. российско-польские отношения разворачивались в двух плоскостях. Первая из них охватывала спектр проблем, связанных со вступлением Польши в НАТО и расширением на Восток границ евроатлантической системы безопасности, вторая – многообразие вопросов во всех других сферах межгосударственного взаимодействия [4].

Изначально А. Квасьневский в своих выступлениях подчеркивал приоритетность хозяйственного сотрудничества с Россией, неоднократно призывая к большей его эффективности, в частности, в аспекте выполнения заключенных двумя государствами договоров и соглашений, увеличения масштабов торгово-экономического сотрудничества, активизации гуманитарных связей [4].

Осознавая последствия для Кремля расширения границ НАТО, официальная Москва, вместе с тем, была лишена моральных оснований помешать этому шагу. Фатализм ситуации для России был опасен не только появлением новых угроз, как крайне тяжелыми социально-психологическими последствиями. Повестка дня первого официального визита (апрель 1996) в качестве президента РП визита А. Квасьневского в Москву была обусловлена потребностями межгосударственного взаимодействия и предполагала обсуждение: во-первых, места двух государств в формировании новой архитектуры европейской безопасности и, во-вторых, широкого круга вопросов развития различного спектра двусторонних польско-российских отношений.

«Краеугольным камнем» московской встречи, равно как и переговоров, имевших место в ходе официального, первого после 1988 г. визита (март 1996)

в Варшаву новоназначенного министра МИД РФ Е. Примакова, организованного накануне переговоров на высшем уровне в Кремле, естественно, был вопрос расширения на Восток границ Альянса.

Заметим, что, отражая официальную позицию руководства, подобно большинству политических сил Российской Федерации, глава внешнеполитического ведомства пытался убедить польских чиновников в обмен на гарантии перекрестной безопасности со стороны России и Запада отказаться от вступления РП в НАТО. В Варшаве такое предложение встретили категорическим несогласием [4].

Резкий протест польской стороны против ограничения потенциально-го членства в НАТО был вызван опасением попадания государства в «серую зону» безопасности. Вопрос присоединения польского государства к организации Североатлантического договора, – настаивал президент А. Квасьневский, – не подлежит обсуждению и является фактически решенным.

Курс на евроатлантическую интеграцию, который еще в конце 1980-х гг. был провозглашен ключевым внешнеполитическим приоритетом Польского государства, был «камнем преткновения» в отношениях Варшавы и Москвы и оставался в этом статусе фактически до 1997, и только с подписанием на Парижском саммите Альянса (27 мая 1997) «Основополагающего акта Россия – НАТО» [4], согласно которому союзники обязывались не размещать вдоль российской границы, в том числе на территории Польши, на постоянной основе войска, а Россия фактически соглашалась на расширение НАТО, проблему в какой-то степени удалось решить.

Следует отметить, что, несмотря на протест, в Москве хорошо понимали, что в условиях постбиполярного мира Россия, даже учитывая колоссальный потенциал, в том числе ядерный, не в состоянии запретить Польше вступить под «зонтик» Альянса. Восприятие Россией евроатлантического выбора Польши неоспоримым фактом значительно было обусловлено также внешнеполитическими ориентирами нового министра МИД РФ Е. Примакова, приверженного идеям Realpolitik и многополюсности мира и убежденного в большей пользе для Кремля не конфронтации с Западом, а сотрудничества с ним [12].

Правда, отношение и власти, и общества из-за преобразования российско-польской границы на границу с НАТО, пусть и на небольшом участке Калининградского эксклава, и в дальнейшем оставалось в основном резко категоричным.

Положительные последствия для взаимоотношений между государствами имели ротации в польской власти, проявившиеся в формировании в феврале 1996 г. левоцентристского правительства во главе с В. Цимошевичем, серьезно настроенным на развитие торгово-экономического сотрудничества с Москвой, основные показатели которого в то время демонстрировали обнадеживающую тенденцию роста [4].

В середине 1990-х гг. Россия занимала третье место (после Германии и Италии) среди торговых партнеров Польши, посредством деятельности «ЮКОСа» и «Лукойла», которые фактически монополизировали рынок нефти и почти на 90% обеспечивали внутренние потребности в газовых ресурсах.

В сентябре 1996 г. был подписан крупнейший в истории двух государств газовый контракт, стоимостью в 25 млрд. долл., который предусматривал в течение 25 лет поставки Польше 250 млрд. куб. м газа [4]. В то же время Польское государство посредством экспорта в Россию химических и лекарственных препаратов, транспорта, оборудования, сельхозтоваров, продуктов питания входило в десятку крупнейших торговых партнеров России.

Активизации межгосударственного сотрудничества значительно способствовало заключение в 1996 г. ряда межправительственных соглашений, принятие под руководством В. Черномырдина постановления «О создании мемориальных комплексов в местах захоронения советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)» [8].

Такое положение дел не могло не давать оснований для обнадеживающих прогнозов хотя бы на ближайшее будущее. И уже в 1998 г. ход событий, среди которых – ухудшение экономической ситуации в России, вызванное усилением Польшей по требованию ЕС режима пересечения границы для российских граждан (1 января), отставка правительства В. Черномырдина (23 марта) и дефолт (17 августа), помешал дальнейшему развитию межгосударственного сотрудничества.

Так, массовый выход с российского рынка крупных польских экспортёров и инвесторов, резкое сокращение масштабов «челночной торговли» вызвали резкое снижение совокупных показателей торгового (в том числе нелегального) и инвестиционного сотрудничества между двумя государствами. Не лучшим образом на взаимоотношениях сторон сказался приход к власти в Польше в октябре 1997 г. коалиционного правительства правых сил во главе с премьером Е. Бузеком. И хотя, вступая в должность, глава правительства уверял, что руководимый им кабинет особое внимание будет уделять отношениям с Россией и сделает все возможное, чтобы они были партнерскими [4], его слова оказались не более, чем пустым обещанием, а действия свидетельствовали о все большей ориентации на Запад, вопреки российским интересам.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. отношения между двумя государствами, как справедливо отметил известный российский полонист Н. Бухарин, «превратились в значительной степени в последовательность скандалов, демаршей и взаимных обид, на фоне которых разрастался клубок нерешенных проблем» [2]. Серьезным просчетом политики России, в частности, оказалось игнорирование Польши как партнера в решении важных внутренних и международных проблем; лишенной логики, одновременно, была позиция Польши, которая, подобно другим странам Центрально-Восточной Европы, значительно подчинила свою политику в отношении Российской Федерации вызовам интеграции в евроатлантическое пространство.

Список литературы

1. **Буневич, Д.** Становление и развитие российско-польских отношений в 1990-е гг.: от идеализма Козырева к Realpolitik Примакова / Дмитрий Буневич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17334-stanovlenie-irazvitie->

- rossiysko-polskih-otnosheniy-v-1990-e-gg-ot-idealizma-kozyreva-krealpolitik-primakova.html, свободный. (Дата обращения: 15.02.2022).
2. **Бухарин, Н. И.** К истории российско-польских отношений. 90-е годы XX века – начало XXI века / Н. И. Бухарин // Новая и новейшая история. – 2007. – №4. – С. 33–50.
 3. **Бухарин, Н. И.** Россия и Польша: обозримые перспективы / Н. И. Бухарин // Современная Европа. : журнал общественно-политических исследований. – 2001. – №2. – С. 79–84.
 4. **Бухарин, Н. И.** Россия – Польша [Текст] : опыт двадцатилетних отношений : 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века / Н. И. Бухарин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.; СПб : Нестор-История, 2014. – 203 с.
 5. **Женгота К.** Польско-российское соглашение о местном приграничном передвижении в контексте взаимоотношений Европейского Союза и Российской Федерации / К. Женгота // Балтийский регион. – 2014. – № 3 (21). – С. 107–120.
 6. **Жуковский, И. И.** Становление партийной системы Республики Польша 1989–2008 г.г. : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Жуковский Игорь Игоревич; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М., 2009. – 27 с.
 7. **Мальгин, А.** Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза / А. Мальгин // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – №2. – С. 6–19.
 8. **Миронюк, Д. А.** Российско-польские отношения на калининградском направлении в 1991 – 2016 гг. / Д. А. Миронюк : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история). – Калининград, 2018. – 283 с.
 9. **Неменский, О. Б.** Политика Польши в отношении Белоруссии в системе белорусско-европейских отношений / О. Б. Неменский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/politika_polshi_v_otnoshenii_belorusii_v_sisteme_belorsk_o-jevropejskikh_otnoshenij_2015-11-16.htm?, свободный. (Дата обращения: 10.02.2022).
 10. **Столяров, А. О.** Влияние исторической памяти на российско-польские отношения (1989–2009 гг.) / Алексей Олегович Столяров : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 – История международных отношений. – СПб., 2015. – 397 с.
 11. **Шимов, В. В.** Идеологические аспекты белорусско-российских отношений / В. В. Шимов // Аспект. Журнал гуманитарных и социальных наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aspects.su/attachments/Aspect_2017_1_1.pdf, свободный. (Дата обращения: 5.01.2022).
 12. **Чернова, А.** Россия – Польша: предпосылки, условия и перспективы нормализации отношений / А. Чернова // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 2. – С. 76–85.
 13. **Nowakowski, J. M.** Polska – Rosja / Nowakowski J.M. // Wprost, Nr 1168 (24.04.2005) <https://www.wprost.pl/tygodnik/75646/polska-rosja.html>, свободный. (Дата обращения: 14.03.2022).

Dibas O. A.,
Milokost L. S.

Russian-Polish relations in 1991-1999

The article examines the features of bilateral Russian-Polish relations in 1991-1999. The authors reveal the peculiarities of the transformation of relations in the period under study, due to the collapse of the USSR and the Warsaw Pact Organization, as well as the inclusion of Poland in the orbit of influence of NATO and the EU.

Key words: Russian-Polish relations, NATO, confrontation, bilateral relations.

УДК 94(417-89016)«1969/1998»

Ковшарь Мария Константиновна,
аспирант кафедры
всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
masha.kovshar@yandex.ru

Переход от насильственной к ненасильственной фазе внутриполитического конфликта в Северной Ирландии (1969–1998 гг.): предпосылки и процесс

В статье рассматривается процесс перехода от насильственной к ненасильственной фазе внутриполитического конфликта в Северной Ирландии в период 1969–1998 гг. Особое внимание уделено анализу экономических, политических и социальных изменений в обществе Северной Ирландии и Великобритании, которые создали необходимые предпосылки для трансформации конфликта.

Ключевые слова: конфликт, Северная Ирландия, ненасильственное урегулирование, переговоры, Договор Страстной Пятницы.

Актуальность исследования состоит в необходимости, обусловленной наличием на современном этапе значительного количества как внутренне-, так и внешнеполитических конфликтов, анализа путей урегулирования таких конфликтов в прошлом, что позволяет выделить ключевые факторы их трансформации и перехода в ненасильственную fazу. Полученные в рамках подобного анализа данные могут послужить ценной основой для разработки стратегий урегулирования действующих конфликтов. В этом ключе изучение опыта перехода к ненасильственной fazе Североирландского конфликта, как относительно успешно урегулированного, представляет значительный потенциал для научной проработки.

Цель исследования состоит в анализе процесса перехода Североирландского конфликта из насильственной в ненасильственную fazу и выделении ключевых факторов, обеспечивших возможность реализации данного перехода.

Новизна исследования состоит в выделении на основе исторического анализа основных изменений в обществе, которые позволили совершить качественный переход в процессе урегулирования конфликта.

В ходе написания работы были задействованы историко-генетический метод, а также общенаучные методы: анализ, обобщение и синтез.

Для того, чтобы понять причины развития конфликта в Северной Ирландии и возможность его мирного урегулирования, необходимо понять, что собой представляло общество Северной Ирландии в середине XX века, то есть до начала активной насильственной fazы, которое приходится на 1969 г. По мнению известного американского политолога Аренда Лейпхарта, Северная Ирландия является примером многосоставного общества с центробежной демократией. А. Лейпхартом были рассмотрены противоречия между основ-

ными социальными группами Ольстера с позиции фрагментарных политических культур, для которых характерно: отсутствие у населения доверия к властным структурам; разногласия относительно политического устройства общества; повышенная конфликтность соц. групп; социальная разобщенность; правительственные нестабильность. Все эти признаки присутствуют в обществе Северной Ирландии. При том, А. Лейпхарт приравнивает Северную Ирландию к суверенному государству, аргументируя это широкими полномочиями местного парламента [6, с. 178].

Как пишет А. Лейпхарт, протестанты и католики в Северной Ирландии – это достаточно изолированные друг от друга социальные группы. Особый интерес представляет взаимосвязь религиозных и политических предпочтений среди населения Северной Ирландии. До 1968 г. прослеживается прямая связь: католик – националист, протестант – юнионист. Это объясняется в первую очередь тем, что данные политические партии занимали крайне противоположные, взаимоисключающие радикальные позиции (националисты выступали за присоединение к Ирландии, а юнионисты – за союз с Великобританией). Высокая социальная напряженность во взаимоотношении религиозных групп стала причиной приверженности большинства радикальным идеям, тогда как умеренные партии не были столь популярны и потому не были весомой политической силой [13, с. 102].

Проявлением другого дестабилизирующего фактора, а именно численное различие представителей обеих общин в Северной Ирландии, является дисгармония во взаимоотношениях между социальными группами. Как отметил ирландский политик, историк и писатель Конор Круз О'Брайен, несмотря на то, что в Северной Ирландии проживает больше протестантов, они все равно воспринимают католиков как некую угрозу, по той причине, что в пределах всего острова вторых численно больше [15, с.11]. По данным энциклопедии «Британика», в 2011 г. 84,2% жителей Республики Ирландия идентифицировали себя как католики, тогда как протестантами – 2,8% [10].

Экономическое неравенство также является весомым дестабилизирующим фактором и одной из причин эскалации насилия в регионе. По мнению американского политолога Ричарда Роуза, в Северной Ирландии в соотношении с количеством населения бедных католиков больше, чем бедных протестантов [12].

Неравенство экономического положения представителей двух общин подтверждает и исследование, проведенное британской организацией «The Portland Trust». По их данным, общая безработица среди мужчин в период 1978–1987 гг. выросла с 10% до более чем 20%, в то же время в Англии этот показатель составлял 12%. Результаты этой организации показывают, что уровень безработицы среди протестантов и католиков значительно разнится, в 1971 г. безработица среди католиков составляла 17,7%; для протестантов этот показатель был почти в 3 раза меньше. Следствием такого экономического положения стало усиление радикализма. Как показало исследование, большинство членов радикальных группировок ИРА были выходцами из бедных кварталов, что свидетельствует о зависимости уровня насилия в регионе от экономического положения населения [9, с. 70].

О дискриминации католического населения в политической сфере пишет А. Лейпхарт, отмечая, что благодаря всевозможным ухищрениям вроде джерримендеринга, замены пропорциональной на мажоритарную избирательную систему в североирландском парламенте абсолютное большинство мест занимали юнионисты, а меньшинство почти не было представлено [3, с. 426]. Так, джерримендеринг (определенное изменение избирательных округов с целью влияния на расстановку в них политических сил), позволял добиться протестантского большинства в органах местного самоуправления. Также была запрещена партия Шинн Файн, которая, продолжала действовать через всевозможные клубы [9, с. 82].

Кроме того, была распространена дискриминация в сфере занятости. Католики не могли занимать должности на высших уровнях в государственной сфере, экономической, а также в судостроении и тяжелом машиностроении [3, с. 425].

К 1969 г. значительно усугубилась проблема религиозной разобщенности населения. Как отмечает И. Е. Напалкова, на 1961 г. из общего населения Ольстера, протестанты составляли 61,5 %, католики – 34,9%, более того, она отмечает, что религиозная принадлежность для жителей Северной Ирландии являлась показателем их самоидентификации [4, с. 127].

С 1962 г. идеи объединения Северной Ирландии с Республикой уходят на второй план, развитие получила борьба за гражданские права (равноправие католиков и протестантов). Сторонники данного движения не делали никаких заявлений касательно вопроса объединения Ирландии, однако юнионисты восприняли новое течение как форму республиканизма, потому активно противодействовали ему. Формирование Ассоциации борьбы за гражданские права, ее выступления и протесты побудили радикалов с обеих сторон к активизации своей деятельности. Начались массовые столкновения, урегулировать которые не удавалось даже полиции [2, с. 184].

В августе 1969 г. произошло массовое столкновение в городе Дерри. Конфликт изначально завязался между членами Комитета Дерри по жилищным вопросам (их целью была борьба с несправедливой жилищной политикой в отношении католиков) и юнионистами. Поводом для начала столкновения послужил марш, который был воспринят католиками как оскорблениe, завязалась драка, использовались бутылки с зажигательной смесью. Была создана Ассоциация обороны граждан Дерри, которая тут же организовала штаб-квартиру и устроила баррикады в городе. Полиция безуспешно пыталась остановить беспорядки.

14 августа по просьбе премьер-министра Северной Ирландии были введены британские войска. Это первое прямое вмешательство Великобритании в дела Северной Ирландии, однако это так и не принесло ожидаемых результатов. Ирландская республиканская армия (ИРА) перешла к тактике городской герильи и разделилась на ряд законспирированных автономных ячеек. В 1970 г. между членами ИРА произошел раскол, в результате образовались «временная» ИРА (более радикальная, впоследствии перешла к чисто террористическим методам борьбы, как на территории Северной Ирландии, так и на территории остальной Великобритании) и «официальная». Была создана

протестантская Ассоциация обороны Ольстера (1971 г.). Конфронтация среди населения достигала пика.

Для урегулирования принимающего все более острое положение конфликта в 1972 г. Парламент Великобритании принял решение о введении режима прямого правления. Данный режим устанавливал полный контроль Великобритании над Северной Ирландией. Такое решение повлекло за собой новую волну беспорядков и восстаний. Теперь уже действия радикальных националистических организаций, в первую очередь ИРА, были сфокусированы на самой Великобритании.

30 января 1972 г. в г. Дерри состоялся марш Ассоциации в защиту гражданских прав. Британские войска открыли огонь по демонстрантам (как долгое время отмечалось, в целях самозащиты). В результате были убиты 13 человек, из них шестеро – несовершеннолетние. Впоследствии этот инцидент был назван «Кровавым воскресеньем». Только в 2010 г., по результатам расследования, которое велось 12 лет, правительство признало, что действия военных были незаконными [2, с. 188].

Для урегулирования ситуации со стороны правительства в 1973 г. были сделаны определенные уступки, которые заключались в возвращении полномочий определенным органам местного самоуправления; признавалась заинтересованность Ирландии в положении Ольстера, а также признавалась необходимость равного представления интересов католического и протестантского населения в законодательных органах. Попыткой воплощения этих идей в жизнь стало Саннингдейлское соглашение (1974 г.) о создании Совета Ирландии (консультативного органа, состоящего из представителей Ирландской Республики и Северной Ирландии). Но это соглашение так и не ратифицировали из-за волнений радикальных юнионистов, которые рассматривали документ как угрозу союзу с Великобританией. Аналогично закончились и другие начинания в этом ключе [1, с. 51–53].

На этом попытки мирных политических инициатив со стороны Великобритании не прекратились до мая 1975 г., когда были проведены выборы в специальный орган – конвент. Основная цель его создания – выработать политические предложения по урегулированию. Однако, так как в ходе выборов в конвент большинство мест отшло протестантам, соответственно удовлетворить желания католического населения данный орган не мог, что в свою очередь привело к его распуску. Британское правительство объявило продление режима прямого правления [7, с. 101].

Отдельное внимание занимал вопрос борьбы с терроризмом, так как акции ИРА приобретали все более распространенный характер. С этой целью правительство Великобритании решило: усилить пограничный контроль, уже сточить визовый режим, увеличить количество видеокамер в местах предполагаемых терактов. Другим важным направлением было противодействие финансированию ИРА, перекрытие каналов поставки вооружения, обнаружение мест его хранения. В подобных операциях английским спецслужбам помогали США и ФРГ [7, с. 111].

Во второй половине 20 в. британское правительство принимает различные попытки решения Североирландского конфликта. В 70-х гг. делался

упор на конституционные методы, основной целью которых было найти компромисс между интересами националистов и юнионистов. Однако, предпринятые меры не имели успеха. В 80-х гг. политика мирного урегулирования конфликта была более успешной. Это обусловлено тем, что все стороны конфликта приходят к пониманию того, что решение данной проблемы возможно исключительно законными мирными методами.

Во время премьерства М. Тэтчер произошло несколько значимых событий. Первое – голодовка ирландских заключенных-националистов 1981 г., которые требовали статус «особой категории» (как у политических заключенных). В ходе взаимных уступок, после ряда смертельных случаев, голодовка была окончена. По мнению М. Тэтчер, это было «серьезное поражение ИРА» [11, с. 515], однако на деле это оказалась их серьезная пропагандистская победа. В итоге произошел ряд новых терактов, в том числе и покушение на саму Тэтчер.

Началом процесса мирного урегулирования принято считать 1985 г., когда был подписаны Англо-Ирландский договор между Великобританией и Республикой Ирландия. Он определил консультативную роль ирландского представительства в правительстве Северной Ирландии, а также установил возможность объединения Ирландии (в том случае, если это будет подтверждено согласием большинства населения). Договор должен был положить конец ряду противоречий между республиканцами и юнионистами, но на деле он не удовлетворил ни первых, ни вторых. Однако договор положительно повлиял на взаимоотношения британского и ирландских правительств, в результате чего была принята Декларация Даунинг-стрит (1993 г.), которая подтверждает право ирландского народа на самоопределение, а также включает возможность принятия обоюдных решений, касающихся взаимоотношения между севером и югом Ирландии.

Самым важным пунктом, который коренным образом повлиял на ход событий Североирландского конфликта, стало право сторон, связанных с радикальными военными формированиями, участвовать в переговорном процессе при условии их отказа от насилиственных методов ведения борьбы.

Данные положения декларации заставили радикалов сложить оружие. В 1994 г. Временная ИРА объявила о прекращении огня, вслед за ней от насилиственных методов отказалось и военное командование лоялистов. Однако договор также предусматривал процесс разоружения, на который ИРА не была готова пойти. Эта ситуация усложняла переговорный процесс, который в 1996 г. был прерван, в связи с проведением новых терактов.

Это поясняется, по мнению Е. М. Орловой, тем, что развитие общественного диалога на уровне религиозных общин имело разный успех. Так, католики были более склонны к моменту начала процессов мирного урегулирования к трансформации своих ценностных ориентаций. Это обуславливается тем, что предположительные результаты такого мирного процесса должны были привнести изменение в политическую и экономическую сферы Северной Ирландии, где на тот момент доминирующее положение занимало протестантское большинство [8].

Приход к власти лейбористов во главе с Тони Блэром, который рассматривал новый подход к ирландской политике, вселил надежды на решение

проблем. 10 апреля 1998 г. были заключены «Договоренности Страстной Пятницы». В переговорах участвовали все основные партии, в том числе и Шинн Файн, лидеру которой удалось договориться с ИРА о прекращении огня [5, с. 209]. Договор предусматривал основные изменения на внешнем и внутреннем уровне (см. Табл. 1).

Таблица 1
Основные изменения, предусмотренные «Договором Страстной Пятницы» от 10 апреля 1998 года

	Изменения на внутреннем уровне	Изменения на внешнем уровне
1	создание Североирландской ассамблеи, имевшей исполнительные и законодательные полномочия	исключение из конституции Ирландии пункта о территориальных претензиях на весь остров (включая Северную Ирландию)
2	формирование комитета с функциями правительства, в котором были представители от протестантов и католиков	создание Совета британских островов, членами которого были представители правительств Ирландии, Великобритании, Северной Ирландии, Уэльса и Шотландии
3	внесение поправок в закон Великобритании относительно положения Северной Ирландии для расширения полномочий органов местного самоуправления	создание специального «межирландского» совета (Министерский совет по отношениям севера и юга), который стал базой для сотрудничества Северной Ирландии с Республикой Ирландией
4	разоружение военизованных группировок (ИРА и юнионистских) в течение двух лет	—
5	реформирование ольстерской полиции	—

Таким образом, данный документ должен был обеспечить представительство двух конфессиональных групп в государственных структурах Северной Ирландии. Для внесения изменений в конституцию Республики Ирландии и принятия «Договора Страстной Пятницы» одновременно на юге и севере Ирландии были проведены референдумы. Большинство с обеих сторон проголосовало за изменения [17].

Таким образом, формальным окончанием конфликта была определена дата 10 апреля 1998 г. – заключение «Договора Страстной Пятницы», который стал компромиссом в решении многих вопросов. В первую очередь он обеспечивал широкую автономию Североирландской ассамблеи, а также решал вопрос адекватного представительства интересов в органах власти как католиков, так и протестантов [16].

Подводя итог, следует отметить, что трансформация конфликта из насилиственной в ненасильственную фазу происходила постепенно. Переход обусловлен был как изменениями в экономической и политической жизни Соединенного Королевства (рост рисков экономического кризиса, приход новых политических деятелей и изменение партийных сил), так и в изменениях, которые происходили во внешней политике (вступление в ЕС, усиление связей с США). Обозначенные изменения, в свою очередь, оказывали системное давление на общество Северной Ирландии, которое трансформировалось. В итоге, приход нового политического руководства во главе с Т. Блэром, в совокупности с условиями трансформирующегося общества, позволило сделать значительный политический прорыв и переломить окончательно ход урегулирования конфликта – перейти от насилиственной фазы к ненасильственной и закрепить его документально.

Список литературы

1. Герега, К. Международные конфликты в современном мире: виды и особенности / К. Герега // Закон и жизнь. – 2010. – № 6. – С. 50–55.
2. Загребельный, А. В. Несиловые способы урегулирования военно-политических конфликтов: концептуальные подходы / А. В. Загребельный // PolitBook. – 2013 – №1. – С. 182–191.
3. Зобин, А. В. Консультация как механизм управления международными конфликтами: сравнительный анализ концепций Р. Дж. Фишера и П. А. Гудева / А. В. Зобин // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №11. – С. 425–428.
4. История Ирландии / Л. И. Гольман, А. Д. Колпаков, В. Э. Кунина, Ю. М. Сапрыкин; отв. ред. Л. И. Гольман. – М. : Мысль, 1980. – 390 с.
5. Ласария, А. О. Современные теоретико-методологические подходы к урегулированию этнополитических конфликтов [Электронный ресурс] / А. О. Ласария // Государственное управление: электронный вестник. – №63. – 2017. – С. 202–211. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-teoretiko-metodologicheskie-podkhody-k-uregulirovaniyu-etnopoliticheskikh-konfliktov> (Дата обращения: 16.05.2022).
6. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт; пер. с англ. под ред. А. М. Самина, Г. В. Каменской. – М. : Аспект Пресс, 1997. – С. 171–178.
7. Маккарти, К. Предисловие [Электронный ресурс] / К. Маккарти // Accord: Международный журнал мирных инициатив, В поисках равновесия. Мирный процесс в Северной Ирландии. – Лондон: Conciliation Resources. – 1999. – 114 с. – Режим доступа: http://www.c-r.org/downloads/08_Northern%20Ireland_1999_RUS_F.pdf (Дата обращения: 16.05.2022).
8. Орлова, М. Е. Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе / М. Е. Орлова; отв. ред. С. В. Михайлов; ред. Р. З. Мазо, А. М. Радченко. – М. : Наука, 1994. – 156 с.
9. Осипова, Т. С. Государство в Ирландии XIV–XVI вв. / Т. С. Осипова // Средние века. – 1987. – № 50. – С. 77–90.

10. Соломатина, Е. Н. Концепция трансформации современных социальных конфликтов Льюиса Крисберга / Е. Н. Соломатина, Я. Д. Игнатчук // Теория и практика общественного развития. – 2016. – №7.– С. 28–32.
11. Тэтчер, М. Автобиография / М. Тэтчер; пер. с англ. – М. : ACT, 2014. – 800с.
12. Alderdice, J. Risks, Rights and Respect— Essential Elements of the Irish Peace Process [Электронный ресурс] / J. Alderdice. – 2008. – 12 с. – Режим доступа: <http://www.lordalderdice.com/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/srilankalecturesept2008.pdf> (Дата обращения: 16.05.2022).
13. Lijphart, A. Review Article: the Northern Ireland Problem. Cases, Theories and Solutions / A. Lijphart // British Journal of Political Science. – 1975. – №5.– С. 83–106.
14. Memoirs of Senator James G. Douglas; concerned citizen / J. Anthony Gaughan. – Dublin: University College Dublin Press, 1998. – С. 52–53.
15. O'Brien, C. C. States of Ireland / C. C. O'Brien. – L. : Hutchinson, 1972. – 348 p.
16. Warren, R. On the trail of US funds for IRA [Электронный ресурс] / R. Warren // The Christian Science Monitor. – 18.09.1985. – Режим доступа: <http://www.csmonitor.com/1985/0114/anor1.html> (Дата обращения: 16.05.2022).
17. Whyte, N. The 1998 Referendums [Электронный ресурс] / N. Whyte // Elections. Northern Ireland Elections. – 2002. – Режим доступа: <http://www.ark.ac.uk/elections/fref98.htm> (Дата обращения: 16.05.2022).

Kovshar M. K.

The transition from the violent to the non-violent phase of the internal political conflict in Northern Ireland (1969 – 1998): background and process

The article explores the process of transition from the violent to the non-violent phase of the internal political conflict in Northern Ireland in the period 1969 – 1998. Particular attention is paid to the analysis of economic, political and social changes in the society of Northern Ireland and Great Britain, which created the necessary prerequisites for the transformation of the conflict.

Key words: conflict, Northern Ireland, non-violent conflict resolution, negotiations, Good Friday Treaty.

УДК [229.92 : 339.5] (470 + 571) : (569.1) «1993/2011»

Новодран Екатерина Михайловна,
аспирант кафедры
всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
novodran_ekaterina@mail.ru

Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в 1993–2011 гг.

Статья посвящена анализу торгово-экономических отношений между РФ и САР с момента восстановления активного сотрудничества между странами в данной сфере до начала активной фазы «Арабской весны» на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено раскрытию интересов обеих стран в военно-техническом и топливно-энергетическом взаимодействии. Также выделены основные экспортные товарные группы из РФ в САР, указаны показатели товарооборота на протяжении исследуемого периода. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности. В ходе исследования были выделены, на наш взгляд, основные этапы развития торгово-экономического сотрудничества между странами в рассматриваемый период. Исследование позволило сделать вывод о причинах постепенного перевода российско-сирийского сотрудничества преимущественно в военно-политическую сферу.

Ключевые слова: Российская Федерация, Сирийская Арабская Республика, торгово-экономическое сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, товарооборот.

Традиционным партнером Российской Федерации на Ближнем Востоке на протяжении долгих лет является Сирийская Арабская Республика. С момента установления в 1944 г. дипломатических отношений Москвы и Дамаска между двумя странами сразу же возникли тесные и многоплановые связи.

К примеру, на начальном этапе становления САР как независимого государства Советский Союз оказывал республике необходимую экономическую и особенно военную помощь: во второй половине XX века общая доля советского оружия и военной техники, использовавшихся сирийской армией, составляла около 90 %. За этот же период при помощи советских специалистов и, в основном, за счет советских государственных кредитов было построено 63 промышленных объекта и сооружения, имеющих большое значение для экономики САР. Среди них наиболее значимыми являются завод азотных удобрений в Хомсе, нефтепродуктопровод «Хомс-Алеппо» протяженностью 180 км, около 1,5 тыс. км железнодорожного полотна, а также две ГЭС Евфратского гидроузла – «Табка» и «Аль-Баас», ТЭС «Тишрин», многочисленные ирригационные и водохозяйственные объекты [12; 11].

После распада СССР позиции Москвы в Сирии значительно ослабли. Это было связано с рядом факторов, среди которых основными, на наш взгляд, яв-

ляются занятость российского руководства урегулированием внутренних политических и социально-экономических проблем, вызванных дезинтеграцией народнохозяйственных связей и формированием основ нового политического устройства, а также ориентированность внешней политики в основном на страны Запада и государства, образовавшиеся в результате распада СССР. Как следствие, товарооборот между двумя странами сократился с 1 млрд. долл. в 1991 г. до 88 млн. долл. в 1993 г. [5].

Тем не менее, достаточно быстро были предприняты шаги по восстановлению ставших традиционными двусторонних отношений. В 1993 г. между Россией и Сирией было подписано межправительственное соглашение о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве (далее – Соглашение), нацеленное на содействие «укреплению и расширению сотрудничества ... в области энергетики, ирrigации и сельского хозяйства, промышленности, транспорта, нефти, строительства, торговли, а также в других областях, представляющих взаимный интерес» [10].

Важно отметить, что статья 10 данного Соглашения предусматривала создание Постоянной Российско-Сирийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (далее – Комиссия). В основные задачи Комиссии входили контроль выполнения соглашений и протоколов, заключенных в рамках Соглашения, выявление и разработка перспективных направлений развития торгово-экономических и научно-технических связей между обеими странами, обмен информацией и организация двусторонних консультаций по вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Предполагалось, что Комиссия будет проводить «свои заседания один раз в год в согласованные сроки поочередно в Москве и в Дамаске» [10].

Однако, несмотря на возобновившееся уже в 1994 г. военно-техническое сотрудничество (далее – ВТС) между двумя странами, до 1998 г. заседания Комиссии не проводились. Взаимодействие в сфере ВТС проявилось в намерении сирийского правительства приобрести истребители Су-27 и МиГ-29, бомбардировщики Су-24, а также модернизировать имеющиеся и закупить новые системы противовоздушной обороны (ПВО). Однако практической реализации данные намерения не возымели.

В апреле 1994 г. в ходе визита в Дамаск первого заместителя председателя правительства РФ О. Сосковца сирийское правительство заявило о возможности рассмотрения выплаты долга по советским кредитам. В ходе переговоров Россия предлагала списание 60–80 % долга при условии выплаты оставшейся части в денежном эквиваленте. В ходе визита О. Сосковца между странами были достигнуты некоторые промежуточные договоренности о долге, что позволило увеличить товарооборот между странами с 87,8 млн. долл. в 1993 г. до 135,5 млн. долл. в 1994 г. Несмотря на постепенный дальнейший рост товарооборота (1995 г. – 150,7 млн. долл., 1996 г. – 166,3 млн. долл., 1997 г. – 189 млн. долл.), долговые обязательства САР продолжали тормозить полноценное развитие торгово-экономических связей между странами [16].

Первое заседание Комиссии, проведенное в феврале 1998 г. в Дамаске, определило развитие сотрудничества в нефтегазовой области, области энер-

гетики и мирного использования атомной энергии как приоритетные направления в сотрудничестве между странами [4, с. 7]. В мае 2001 г. состоялось второе заседание Комиссии, во время которого было принято решение помимо традиционных областей сотрудничества развивать связи в сфере промышленности, геологии, здравоохранения и межбанковских отношений.

В сентябре 2004 г. по инициативе Торгово-промышленной палаты РФ в рамках Российско-Арабского Делового Совета (создан в августе 2003 г.) было подписано соглашение о создании двустороннего Российско-Сирийского Делового Совета (РСДС). Основными задачами РСДС являются укрепление и развитие торгово-экономических, научно-технических и других связей между Российской и Сирийскими компаниями и объединениями, помочь в установлении деловых связей между предпринимателями двух стран, оказание им консультационной поддержки и информационных услуг [4, с. 9]. Начиная с 2005 г., РСДС принимал активное участие в заседаниях российско-сирийской Комиссии.

В начале XXI в. товарооборот между РФ и САР начал постепенно расти: в 2003 г. он составил 222 млн. долл., в 2004 – 339 млн. долл. [13]. Однако настоящим толчком для развития российско-сирийских отношений стало подписанное в мае 2005 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики об урегулировании задолженности Сирийской Арабской Республики перед Российской Федерацией по ранее предоставленным кредитам. Заключению Соглашения предшествовал визит в Россию президента Сирии Б. Асада 25 января 2005 г., в ходе которого и была достигнута принципиально важная договоренность о списании Москвой Дамаску 73% долга в обмен на контракты на реализацию военной техники и вооружения.

Также в ходе данного визита была подписана Совместная декларация о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой, в которой помимо реализации тесного сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сферах говорится о необходимости поощрения развития культурных, гуманитарных, образовательных связей, традиционного сотрудничества в «военно-технической сфере с учетом взаимных интересов и ... международных обязательств» [9].

Особую заинтересованность в обновлении военной техники представители Сирии заявили еще в ходе визита в Москву в мае 2001 г. министра обороны САР Мустафы Тласа, убежденного и последовательного сторонника развития ВТС с Российской Федерацией. В ходе переговоров обсуждался и вопрос поставок российского вооружения в САР. Среди прочего было изъявлено желание модернизировать поставленные еще Советским Союзом зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) дальнего действия С-200, самолеты Су-24, МиГ-21, МиГ-23, МиГ-25 и МиГ-29, танки Т-55 и Т-72, БМП-1 [3].

Уже в 2006 г. Россия завершила поставки Сирии ЗРК «Стрелец». В этом же году был подписан контракт на поставку ЗРК «Панцирь-С1», а также на модернизацию около тысячи танков Т-72 до уровня Т-72М1 (контракт был успешно выполнен в 2011 г. – Е. Н.).

В 2007 г. Сирия выразила желание усилить свои военно-морские силы, заключив контракт на поставку российских береговых противокорабельных ракетных комплексов «Бастион-П» с ракетами «Яхонт» (поставки были произведены на протяжении 2010–2011 гг.) [3]. Этим же контрактом обговаривалась поставка 18 ЗРК средней дальности «Бук-М2Э», а также партии истребителей МиГ-29М/М2 и пяти МиГ-31Э. Общая стоимость авиатехники согласно заявленному контракту оценивалась в 1 млрд. долл., а средств ПВО – около 200 млн. долл. [6]. В этом же году заключен контракт на модернизацию ударных вертолетов Ми-25 и поставку комплексных пилотажных тренажеров для обучения пилотов транспортных вертолетов Ми-17. В целом суммарный объем импорта вооружения в период с 2002 по 2009 гг. составил около 1,3325 млрд. долл. [8].

В 2010 г. Сирия заключила соглашение на поставку четырех российских дивизионов ЗРК С-300ПМУ-2, однако по настоятельной просьбе Израиля поставки по соглашению были временно приостановлены – удалось лишь частично поставить некоторые компоненты ЗРК [18].

В середине нулевых годов на новый уровень вышло также одно из наиболее перспективных направлений взаимодействия РФ и САР – сотрудничество в топливно-энергетической сфере. Основными российскими нефтегазовыми компаниями, быстро развернувшими свою активность на сирийских нефтяных полях, стали «Стройтрансгаз», «Татнефть» и «Союзнефтегаз». «Стройтрансгаз» в 2005 г. заключил контракт с Syrian Gas Company на строительство «Арабского газопровода» общей протяженностью 320 км. Успешно завершенный в 2009 г., газопровод обеспечивает поставку газа из Египта на ТЭЦ Тишрин, а также в газораспределительную сеть страны [1].

Компания «Союзнефтегаз» была признана победителем тендера на разработку и добычу углеводородов на сирийских нефтегазовых блоках № 12 и № 14. Соответствующие контракты были подписаны в рамках визита президента Сирии Б. Асада в Москву в январе 2005 г. [7]. В марте 2005 г. «Татнефть» добилась заключения контракта на разработку нефтегазового блока № 27, расположенного в провинции Дейр-эз-Зор, что на границе с Ираком. С момента начала геологоразведочных работ на участке площадью более чем 1,9 тыс. км было открыто первое месторождение – Южная Кишма. Извлекаемые запасы месторождения оценивались в 4,9 млн. т. нефти [15]. К концу 2010 г. в рамках данного проекта было добыто первые 10 тыс. т. нефти [14].

Анализируя объемы товарооборота между РФ и САР с момента списания Москвой долга Дамаску и до начала массовых волнений в Ближневосточном регионе (т. е., с 2005 по 2010/2011 гг. – *E. H.*), в целом можно констатировать его положительную динамику (Табл. 1). Представляется возможным условно разделить указанный период на два этапа: 2005–2008 гг. – этап уверенного роста объемов экспорта и импорта между двумя странами, 2008–2010 гг. – этап снижения объемов товарооборота между странами, вызванный в первую очередь мировым экономическим кризисом.

На основании данных сайта «TradeMap» можно сделать вывод, что на протяжении 2005–2008 гг. ведущими экспортными группами товаров из РФ в САР были товарные группы «27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их

перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные» (от 142,2 млн. долл. до 998,2 млн. долл.) и «72 – Черные металлы» (от 77,5 млн. долл. до 116,8 млн. долл.)[17].

Таблица 1
**Объем внешней торговли Российской Федерации
с Сирийской Арабской Республикой (в млн. долл. США)**

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Экспорт	439,6	604,7	1022,7	1940,5	1142,3	1115,8
Импорт	26,02	30,02	37,9	38,9	38,7	42,5
Товарооборот	465,6	634,7	1060,7	1979,5	1180,9	1158,2

(Составлено на основе статистических данных Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3906088519521488::NO::>)

В 2009 г. до 248 млн. долл. увеличился экспорт злаков, заняв первое место среди экспортируемых товаров за указанный год, а в 2010 г. первое место заняла товарная группа «93 – Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности», поставки по которой составили 510,2 млн. долл.

Сравнивая данные сайта «TradeMap» и сайта «Внешняя торговля России», стоит отметить тот факт, что на российском сайте отсутствует информация по торговой группе 93. В то же время последний сайт сообщает, что во внешней торговле России в течение 2010 г. лидирующей экспортной товарной группой была группа под названием «SS – Секретный код» – 525,9 млн. долл. [2]. Причины считать, что под «секретным кодом» в основном подразумеваются поставки вооружения и военной техники, а также товары двойного назначения.

В 2011 г. товарооборот между РФ и САР составлял 1,991 млрд. долл., из которых поставки по «секретному коду», по разным данным, составляли от 663,4 млн. долл. до 712,6 млн. долл. Эти показатели на рассматриваемый период можно считать пиковыми, после чего общий товарооборот между странами (как экспорт, так и импорт) пошел на спад. К примеру, объем товарооборота в 2012 г. между странами составил 656,3 млн. долл., в 2013 г. – 376,4 млн. долл. Связано это в первую очередь с начавшимися в 2011 г. на территории Сирии общественными волнениями, преобразовавшимися в антиправительственные выступления, а позже – в гражданскую войну. Таким образом, можно утверждать, что внутрисирийские факторы привели к постепенному переходу приоритета во взаимоотношениях между РФ и САР из торгово-экономической в военно-политическую сферу.

Подводя итоги, отметим, что с момента возобновления экономических контактов между Россией и Сирией в середине 1990-х гг. до начала в Сирии событий «Арабской весны», товарооборот между странами имел в целом положительную динамику. Залогом нормализации и дальнейшего развития двусторонних торгово-экономических отношений стал целый ряд важных соглашений, подписанных в конце 1990-х – начале 2000-х и призванных урегулировать основные положения и направления сотрудничества. Желание Кремля восста-

новить свои ключевые позиции на Ближнем Востоке предопределило возвращение Сирии – его традиционного партнера в регионе – в разряд важнейших торговых партнеров России. Вместе с тем отметим, что наметившаяся особенно с 2005 г. положительная динамика товарооборота между странами была нарушена лишь мировым экономическим кризисом 2008 г., который не обошел ни одну страну мира. События же последовавшей в 2011 г. «Арабской весны» не только привели к усугублению трудностей в сфере торгово-экономического взаимодействия между Москвой и Дамаском, но и способствовали постепенному переводу российско-сирийского сотрудничества преимущественно в военно-политическую сферу.

Список литературы

1. **Арабский газопровод** [Электронный ресурс] // Компания «Стройтрансгаз». – Режим доступа: http://84.253.117.38/projects/oilgas_engineering/982/, свободный. (Дата обращения 15.03.2021)
2. **Внешняя торговля России** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-trade.com/>, свободный. (Дата обращения 03.01.2021).
3. **Военно-техническое** сотрудничество России и Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2015. – 30 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/2305654>, свободный. (Дата обращения 15.03.2021)
4. **Восьмое совместное** заседание Совета Российско-Арабского Делового Совета [Электронный ресурс] // РАДС. – 2008. – 35 с. – Режим доступа: https://issuu.com/d.malkov/docs/ilovepdf_merged, свободный. (Дата обращения: 15.03.2021)
5. **Евсеев, В. В.** Некоторые аспекты российско-сирийского сотрудничества [Электронный ресурс] / В. В. Евсеев // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=6879>, свободный. (Дата обращения: 15.03.2021)
6. **Истребители двойного** назначения: МиГ-31 защищают и Сирию, и Иран [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». – 2007. – 19 июня. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/775460>, свободный. (Дата обращения 25.12.2020)
7. **О российско-сирийском** сотрудничестве в нефтегазовой сфере [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjS0wMERcf/content/id/450610, свободный. (Дата обращения 15.03.2021)
8. **Расширение военно-технического** сотрудничества с Сирией имеет ключевое значение для России в ближневосточном регионе [Электронный ресурс] // Централизации мировой торговли оружием. – 2010. – 14 сентября. – Режим доступа: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2010/0914/10285796/detail.shtml>, свободный. (Дата обращения 20.03.2021)
9. **Совместная декларация** о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой [Электронный ресурс] // Сайт президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/2167>, свободный. (Дата обращения 20.03.2021)

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902088>, свободный. (Дата обращения: 20.03.2021)
11. Специалисты АО «ГЭМ» оценили состояние двух гидроэлектростанций Сирии [Электронный ресурс] // АО «Гидроэлектромонтаж». – Режим доступа: <https://bgem.ru/specialisty-ao-gem-ocenili-sostoyanie-dvux-gidroelektrostancij-sirii/#>, свободный. (Дата обращения: 15.03.2021)
12. Справка о торгово-экономических связях Российской Федерации с Сирийской Арабской Республикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/resources/resources/4650180040ccb6a097a1b790e-96aee3b/siria_tes.doc, свободный. (Дата обращения: 15.03.2021)
13. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба Российской Федерации. – Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3906088519521488::NO:::>, свободный. (Дата обращения 25.12.2020)
14. Татнефть добыла 10 000 тонн нефти на месторождении Южная Кишма в Сирии [Электронный ресурс] // Компания «Татнефть». – Режим доступа: <http://www.tatneft.ru/press-tsentr/press-relizi/more/1446?lang=ru>, свободный. (Дата обращения 15.03.2021).
15. Татнефть начала добывать нефти в Сирии [Электронный ресурс] // Компания «Татнефть». – Режим доступа: <http://www.tatneft.ru/press-tsentr/press-relizi/more/1224?lang=ru>, свободный. (Дата обращения 15.03.2021).
16. Хлопков, А. Российско-сирийское сотрудничество и перспективы развития атомной энергетики в Сирии [Электронный ресурс] / А. Хлопков // ПИР-Центр. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/articles/1444-rossijskosirijskoe-sotrudnichestvo-i-perspektivy-razvitiya-atomnoj-energetiki-v-sirii>, свободный. (Дата обращения: 15.03.2021)
17. Trade Map: Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import and export values, volumes, growth rates, market shares, etc. [Electronic source] // Trade Map. – Access Mode: <https://www.trademap.org/Index.aspx>. (Access date: 15.03.2021).
18. U.S. Is Warned Russia Plans Syria Arms Sale [Electronic source] // The Wall Street Journal. – 2013. – May 8. – Access Mode: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324059704578471453006383248>. (Access date: 15.03.2021)

Novodran E. M.

Trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic in 1993–2011

The article is devoted to the analysis of trade and economic relations between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic from the moment of the restoration of active cooperation between the countries in this area until the beginning of the active phase of the “Arab Spring” in the Middle East. Special attention is

paid to disclosing the interests of both countries in military-technical and fuel-energy cooperation. The main export commodity groups from the Russian Federation to the Syrian Arab Republic are also highlighted, the indicators of trade turnover are indicated during the study period. The research methodology is based on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In the course of the study, we identified, in our opinion, the main stages in the development of trade and economic cooperation between the countries in the period under review. The study made it possible to draw a conclusion about the reasons for the gradual transfer of Russian-Syrian cooperation mainly to the military-political sphere.

Key words: Russian Federation, Syrian Arab Republic, trade and economic cooperation, military-technical cooperation, trade.

УДК 327.57(470+571):(5-15) “20”

Хижняк Анастасия Владимировна,
аспирант кафедры всемирной истории
и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
xizhnyak_1996@mail.ru

Новая ближневосточная политика России: возвращение Москвы в «большую игру» в регионе

Статья посвящена исследованию основных предпосылок формирования нового внешнеполитического курса Российской Федерации в отношении региона Ближнего Востока, принятого президентом В. В. Путиным. Рассмотрены основные причины ослабления ближневосточного вектора внешней политики РФ в 1990-е гг.; отмечена роль Е. М. Примакова в изменении внешнеполитических приоритетов Российского государства и его «развороте на Восток». На основе анализа положений Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В. В. Путиным 28 июня 2000 г., делается заключение о том, что данный документ можно рассматривать как отправную точку качественного изменения политического курса Москвы в отношении Ближнего Востока, характеризовавшегося гибкостью и pragmatismом, динамичной сбалансированностью и свободой от закоснелых идеологических установок, что в конечном итоге позволило Российской Федерации вернуть себе позиции ключевого игрока в одном из важнейших регионов планеты.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, внешняя политика, В. В. Путин, А. В. Козырев, Е. М. Примаков.

Период завершения «холодной войны» и становления эпохи «однополюсного мира» ознаменовался для Российской Федерации, правопреемницы Советского Союза, возникновением множества новых задач и вызовов. Одним из таких вызовов стала разработка внешнеполитической стратегии молодого государства. В начале 1990-х гг. Россия явилась на международной арене в облике, который был абсолютно не похож на прежние исторические формы существования российского государства [1, с. 3, 7, 8]. В этот момент правительству требовалось сформировать и определить основные цели и задачи своей страны в мировой политике.

При этом архитекторы российской внешней политики оказались в достаточно затруднительном положении: с одной стороны, прежний политический курс, базировавшийся на принципах коммунистического интернационализма и противостояния олицетворяемому США мировому капиталу, изжил себя, а с другой – далеко не во всех регионах мира они могли начинать действовать «с чистого листа». Исходя из этого, российской политической элите в короткие сроки требовалось выработать определенную внешнеполитическую концепцию, по возможности учитывающую две упомянутые выше составляющие. Необходимо было учитывать также нестабильное положение в политической и социально-экономической сфере внутри самого государства, переживавше-

го в первые годы независимости крайне непростой период становления парламентской демократии, а также перехода к новой экономической модели, не говоря уже о проблемах, вызванных разрывом народнохозяйственных связей вследствие распада СССР.

Как следствие, молодое российское государство еще не имело достаточных ресурсов не только для поддержания статуса сверхдержавы, но и для проведения самостоятельного политического курса на мировой арене, причем у тогдашней российской политической элиты еще не сформировалось понимание необходимости проведения такого курса. Справедливости ради нужно отметить, что разрешение упомянутой задачи в немалой степени осложнялось уникальным географическим положением Российской Федерации между Западом и Востоком, которое необходимо было принимать в расчет при возобновившихся поисках внешнеполитической идентичности нового государства. Внешнеполитическое ведомство Российской Федерации, возглавляемое первым министром иностранных дел А. В. Козыревым, изначально стремилось продемонстрировать подчеркнуто открытый и дружественный характер по отношению к Западу, что нередко приводило к действиям, которые прямо шли вразрез с национальными интересами страны и вели к ослаблению позиций даже в тех районах мира, где позиции Советского Союза традиционно были сильны [2, с. 74].

Ярким примером недальновидности подобной политики стал регион Ближнего Востока, в котором Россия в последние годы XX в. утратила существенную долю своих традиционных стратегических позиций и влияния. Так, нормализация отношений и явное сближение с государством Израиль повлекло за собой охлаждение отношений с традиционными противниками Тель-Авива в исследуемом регионе – арабскими странами Ираком и Сирией. Можно утверждать, что в число приоритетных направлений внешней политики Москвы Ближний Восток в этот период не входил и оставался, по сути дела, на периферии внимания российской дипломатии [2, с. 75].

Подобную тенденцию руководство Министерства иностранных дел РФ объясняло стремлением предложить постсоветской России западный путь развития, начать активно укреплять отношения в «евроатлантическом» направлении, поскольку, по словам А. В. Козырева, «...выпячивание восточного направления нашей политики ... превращает евразийство в азиатчину» [3, с. 17] Исходя из такого подхода, за советом и поддержкой на международной арене большинство арабских стран, ранее бывших стратегическими партнерами Москвы на Ближнем Востоке, стали обращаться к Вашингтону. Кроме того, отношения с мусульманскими странами в 1990-е гг. осложнились из-за возникшего военно-политического кризиса на территории российского Северного Кавказа. События Первой чеченской войны 1994–1996 гг. были восприняты некоторыми исламскими политическими лидерами как выпад российских властей, направленный против религии мусульман.

Прямыми следствием этого стало снижение политической активности и серьезное ослабление позиций Российской Федерации в арабском мире уже к середине 90-х гг. ХХ в. Воспользовавшись фактическим самоустраниением России из политических процессов на Ближнем Востоке, правительство Сое-

диненных Штатов прилагало все большие усилия для того, чтобы направить указанные процессы собственными силами и в собственных интересах, что могло привести к полному вытеснению Москвы из числа коспонсоров мирного урегулирования в данном регионе.

Ситуация стала претерпевать некоторые изменения с приходом 9 января 1996 г. на должность министра иностранных дел Российской Федерации Е. М. Примакова, широко известного благодаря своей деятельности ученого-востоковеда, экономиста, возглавлявшего в 1991–1996 гг. Службу внешней разведки СССР и Российской Федерации. Мнение Е. М. Примакова по поводу основных принципов и направлений внешней политики государства настолько сильно отличалось от взглядов его предшественника на посту министра, что исследователи даже выделяют основные положения новой внешнеполитической стратегии Москвы при этом министре в отдельную, так называемую «доктрину Примакова» [4]. Первым и самым существенным изменением во внешнеполитической программе нового главы МИД стал фактический отказ на международной арене от роли «младшего партнера» США и их западных союзников [5, с.13–14]. Более того, Е. М. Примаков считал, что Россия как великая держава, стремящаяся отстаивать свои национальные интересы, должна формировать собственную линию по острым международным вопросам, даже если эта линия будет идти вразрез с позицией Вашингтона.

Наконец, новый министр иностранных дел очертил общий план дальнейших действий Москвы, нацеленных на формирование в будущем полицентричного мирополитического устройства, и становление в нем сбалансированной многовекторной внешней политики России. Отметим, что стремление главы российского МИДа отойти от политической зависимости в мировом масштабе почти сразу было подкреплено конкретными действиями. Достаточно вспомнить знаменитый «разворот над Атлантикой», совершенный Примаковым 24 марта 1999 г. в знак протеста против начавшихся в этот день натовских бомбардировок Югославии [6]. Однако самой значимой с точки зрения исследуемого аспекта составляющей «доктрины Примакова» является «разворот на Восток»: избегая прямого разрыва со странами Запада, доктрина декларировала постепенное укрепление взаимодействия с азиатскими гигантами – Китаем и Индией, а также помочь дружественным государствам Ближнего Востока. Сам факт назначения президентом Б. Н. Ельциным Е. М. Примакова, известного своими проарабскими симпатиями и в силу этого не раз подвергавшегося критике со стороны приверженцев дальнейшего сближения со странами Запада и их протеже в регионе – Израилем, свидетельствовал о том, что подходы российского руководства к формированию внешней политики начали меняться, становясь более взвешенными и прагматичными. За недолгие два с половиной года руководства российской внешней политикой Е. М. Примакову, к сожалению, не удалось достичь сколько-нибудь значимых успехов в трансформации ее ближневосточного вектора: он лишь заложил теоретические основы

Качественно новая эпоха ближневосточной политики Российской Федерации началась в 2000 г. После объявления Б. Н. Ельцина о своей отставке новым президентом Российской Федерации стал В. В. Путин, занявший этот пост

7 мая 2000 г.. Одной из основных целей нового государственного лидера стала корректировка российских внешнеполитических приоритетов, не исключая и регион Ближнего Востока. В. В. Путин с самого начала осознавал всю важность восстановления утраченного влияния в регионе, в том числе – посредством активизации дружественных двусторонних отношений с арабскими странами, в свое время бывшими стратегическими партнерами Советского Союза.

Немаловажной причиной изменения внешнеполитической стратегии при новом президенте стала сложная социально-экономическая ситуация внутри страны. К началу XXI в. Россия нуждалась в экстренной политической и экономической модернизации, которая смогла бы вывести государство из интегрального кризиса. Одним из средств достижения этой цели была активизация внешнеполитической деятельности, направленной на увеличение влияние Кремля на международной арене и достижение посредством этого возможно более полной реализации национальных интересов в процессе взаимодействия с другими членами мирового сообщества. Ближний Восток, располагавший огромными природными ресурсами, как нельзя лучше подходил для этой цели. Кроме того, важность возобновления политico-экономического присутствия в ближневосточном регионе определялась желанием российского политического истеблишмента оказывать более эффективное противодействие распространению здесь экстремизма и тем самым защитить южные границы государства.

Для осуществления указанных изменений во внешней политике Москвы существовали весомые предпосылки: значение Российской Федерации на Ближнем Востоке в этот период определялось ее статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, участием в квартете международных посредников по урегулированию арабо-израильского конфликта, а с 2005 г. – и статусом наблюдателя в Организации Исламская конференция (ныне Организация исламского сотрудничества. – А.Х.) [7, с. 82].

Стремление нового главы российского государства осуществить изменения во внешнеполитической стратегии нашло свое оформление в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной указом президента Российской Федерации 28 июня 2000 г. [8]. В этом документе впервые в новейшей российской истории была детально проанализирована международная обстановка, сложившаяся в результате распада Советского Союза и установления однополюсного мира с единоличным доминированием Соединенных Штатов Америки. В документе также были отмечены негативные тенденции, связанные с провалом некоторых действий России на международной арене вследствие утраты ею статуса глобального полюса силы, а также отражены основные причины неудачи в формировании равноправных и партнерских отношений Москвы с другими государствами [8].

Декларируя стремление российского государства руководствоваться сбалансированной и прагматичной внешней политикой, нацеленной на «...поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровнях», новая Концепция в отношении Ближнего Востока прямо заявляла, что Москва «...будет вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки» в регионе, учитывая при этом воздействие ситуации здесь на обста-

новку во всем мировом пространстве [8]. Используя свой статус посредника и гаранта безопасности, Россия намеревалась продолжать активное участие в решении проблемы ближневосточного урегулирования, в частности, всех аспектов арабо-израильского конфликта, «включая создание независимого палестинского государства, существующего в мире и безопасности с Израилем. Также Концепция призывала к активизации коллективных усилий с целью «прекращения насилия и достижения политического урегулирования» в Ираке посредством «национального примирения и восстановления полноценной государственности и экономики этой страны» [8].

Должное внимание в новом документе уделялось и перспективам сотрудничества Российской Федерации с арабскими странами: предполагалось «использовать возможности своего участия в качестве наблюдателя в Организации Исламская конференция и Лиге арабских государств, проводить активную линию в рамках реализации Инициативы партнерства «Группы восьми». При этом главное внимание планировалось уделить наращиванию экономического, в том числе, энергетического сотрудничества со странами этого «стратегически важного для российских национальных интересов района мира» [8].

Как видим, утвержденная В. В. Путиным Концепция внешней политики определяла новое место Российской Федерации в международных процессах, являясь вместе с тем органичным синтезом исторической преемственности и национального pragmatизма [9]. Главным отличием этой концепции от предыдущих был реализм в подходе к существовавшим на тот момент международным проблемам. Кроме этого, достаточно четко было охарактеризовано понимание российских национальных интересов в ближайшем будущем, причем российские внешнеполитические приоритеты не только напрямую зависели от насущных потребностей внутреннего развития, но и соизмерялись с реальными возможностями государства. В целом, внешнеполитической стратегии В. В. Путина была присуща концепция трех «П»: pragmatичность, последовательность и предсказуемость [10, с. 31].

Стратегическое же значение региона Ближнего Востока для России в исследуемый период определялось тем, что большинство арабских стран располагали огромными запасами углеводородов, занимали существенную долю (до 1/3. – А. Х.) на их мировом рынке, а также обладали необходимой базой для успешного развития финансового, промышленного, энергетического и военно-технического сотрудничества. Можно утверждать, что Ближний Восток стал краеугольным камнем в политике Путина, стремившегося восстановить утраченный после распада Советского Союза статус России как великой державы, имеющей определяющее влияние на международную обстановку [2, с. 84].

Шаги по сближению с арабскими странами ближневосточного региона Российской Федерацией начала с возобновления фактически замороженного в 1990-е гг. сотрудничества с возглавляемой С. Хусейном Республикой Ирак и Сирийской Арабской Республикой президента Б. Асада. Этому способствовали наработанные еще во времена Советского Союза контакты в политической, торгово-экономической и военно-технической сферах. В конечном итоге, уже в период первого президентства В. В. Путина (2000–2004 гг.) России удалось

успешно возобновить двустороннее сотрудничество с арабскими странами, наладить большее количество контактов с ближневосточной политической элитой и заключить множество договоров в сфере торгово-экономического и военно-технического сотрудничества. Вместе с тем, в данный период поддержка Москвой Багдада и Дамаска на международной арене еще носила достаточно сдержанный и ограниченный характер и определялась, скорее, желанием соблюдать нормы международного права и балансом между стремлением проводить независимую внешнюю политику, с одной стороны, и осознанием возможной негативной реакции на это со стороны коллективного Запада во главе с США – с другой.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что возвращение Ближнего Востока в число приоритетных векторов внешней политики Российской Федерации и последовавшее за этим укрепление стратегического сотрудничества с арабскими странами, отвечавшего национальным интересам России, началось с приходом к власти в России В. В. Путина, поставившего своей целью поднять престиж российского государства на международной арене. Осознавая важность сохранения собственных весомых позиций на Ближнем Востоке, развития активного многостороннего взаимодействия со странами этого региона для строительства мощного суверенного независимого российского государства, В. В. Путин многое сделал для того, чтобы преодолеть застой, образовавшийся во внешней политике Кремля после распада Советского Союза. Именно события в ближневосточном регионе последующих лет наглядно показали, что Россия вернула себе статус могущественного геополитического игрока, учитывавшего все недостатки политики предшественника – СССР. Гибкость и pragmatizm, динамичная сбалансированность и свобода от закоснелых идеологических установок в ближневосточной политике позволили Российской Федерации обеспечить себе место коспонсора мирного процесса в регионе, поддерживающего взаимовыгодные связи даже с враждующими между собой странами, такими как Иран, Сирия и Израиль, установив с ними весьма выгодные экономические контакты.

Список литературы

1. **Иванов, И. С.** Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны / И. С. Иванов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 417 с.
2. **Урилова, Е. И.** Политика Российской Федерации на Ближнем Востоке : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Урилова Елизавета Ильягувна. – М., 2009. – 209 с.
3. **Козырев, А. В.** Преобразование / А. В. Козырев. – М. : Международные отношения, 1995. – 336 с.
4. **Лавров:** в недалеком будущем историки сформулируют такое понятие как «доктрина Примакова» [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС. – 2004. – 28 октября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/1537769>, свободный. (Дата обращения: 25.02.2022 г.)
5. **Никонов, В. А.** Политика в современной России : курс лекций / В. А. Никонов. – М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2005. – 168 с.

6. **Разворот над Атлантикой** [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20110321/356280998.html>, свободный. (Дата обращения: 13.02.2022 г.)
7. **Рыжов, И. В.**. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000–2015 гг. в работах российских исследователей [Текст] / И. В. Рыжов, Е. П. Тоцкая // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 82–90.
8. **Концепция внешней политики Российской Федерации** (Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 июня 2000 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>, свободный. (Дата обращения: 10.01.2022 г.)
9. **Интервью Министра иностранных дел С. В. Лаврова** [Электронный ресурс] // Дипломат. – 2004. – Режим доступа: <http://mid.ru/>, свободный. (Дата обращения: 21.03.2022 г.)
10. **Морозов, С. С.** Дипломатия В. В. Путина / С. С. Морозов. – М. : Измайловский парк, 2004. – 256 с.

Khizhnyak A. V.

**Russia's new Middle East policy:
Moscow's return to the «big game» of the region**

Article is devoted to the study of the main prerequisites for the formation of a new foreign policy of the Russian Federation in relation to the Middle East region, adopted by President V. V. Putin. The main reasons for the weakening of the Middle East vector of the foreign policy of the Russian Federation in the 1990s are considered; the role of E. M. Primakov in changing the foreign policy priorities of the Russian state and its “pivot to the East”. Based on the analysis of the provisions of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved by V. V. Putin on June 28, 2000, Putin concludes that this document can be regarded as the starting point for a qualitative change in Moscow's political course towards the Middle East, which was characterized by flexibility and pragmatism, dynamic balance and freedom from rigid ideological attitudes, which ultimately allowed the Russian Federation to return position as a key player in one of the most important regions of the planet.

Key words: Russia, Middle East, foreign policy, V. V. Putin, A. V. Kozyrev, E. M. Primakov.

Политология

УДК 323.272:327.8

Литвин Лилия Анатольевна,

канд. полит. наук,

доцент кафедры

политических наук и регионалистики

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

lily_litvin@internet.ru

Основные цели внешней политики Франции в период Великой французской революции

В статье анализируются внешнеполитические идеи на разных этапах Великой французской революции (1789–1799 гг.), а также их влияние на сostenение и развитие международных отношений и мировой политики, в частности, на теорию международных отношений. Очерчиваются основные причины, предпосылки, итоги и последствия Революции, названы её этапы. Называются основные векторы внешней политики Франции периода Революции, кратко характеризуются отношения между ведущими государствами.

Ключевые слова: Великая французская революция, политическая идеология, внешняя политика, международные отношения.

Для политической науки и международных отношений очень важно изучение важнейших исторических событий мирового значения. Исследование их предпосылок, причин и последствий способствует пониманию мирового процесса, прогнозированию и моделированию ситуаций, а также пониманию исторических ошибок.

Одним из таких эпохальных событий является Великая французская революция XVIII в. (1789–1799). Во Франции XVIII в. сложилась обстановка конфликта между ростом производительных сил и феодальными производственными отношениями, что стало основной причиной назревания во Франции буржуазной революции.

Основным препятствием на пути капиталистического развития страны была феодальная собственность на землю и весь устаревший порядок абсолютной монархии. Произвол королевской власти, привилегии дворянства и духовенства, феодальные поборы и непосильные налоги, многочисленные внутренние таможни вызвали недовольство всего третьего сословия во главе с буржуазией. Окрепшая буржуазия уже не хотела мириться с феодально-абсолютистским строем. Народ готов был подняться на борьбу за восстановление дворянской монархии. Не могла по-старому править и королевская власть. Сработала известная в истории формула: «Верхи не могут, низы не хотят».

Детальный анализ внешнеполитических идей Революции и внешней политики Франции в революционные годы провела исследовательница Патриция Честейн Хоу. В исследованиях, посвящённых внешнеполитическим идеям Французской революции, также часты отсылки к «Критическому словарю

французской революции» Франсуа Фюре (1989), в новейшей французской историографии ссылаются на американский перевод «Армии революции» Жан-Поля Берто (1979). Цитируются работы Яна К. А. Де Клерка, равно как и отредактированный Роланом Мортье и Эрве Хаскином том произведений Жана-Франсуа Вонка 1996 года. Анализируются биографии Жан-Пьера Буа Дюмулье, Робеспьера, Людовика XIV, других выдающихся личностей. Очень известны работы Жана-Ива Гиомара «Национальная идеология» (1974) и «Изобретения в целом» (2004), многочисленные статьи Марка Белисса, посвященные внешней политике Французской революции. Анализ причин и итогов Революции также освещён в российских энциклопедических словарях. Среди российских учёных проблемой Великой французской революции занимаются такие историки и международники, как Г. Кунов, А. Манфред, В. Мильчина, А. Нарочницкий, А. Тырсенко, издаётся «Французский ежегодник». Следовательно, существует широкая научная база исследования Великой французской революции как общественно-политического явления, её влияния на международные отношения и внешнюю политику государств.

Цель работы – проанализировать основные цели внешней политики Франции на разных этапах Великой французской революции; определить влияние внешнеполитических идей Великой французской революции на международные отношения и мировую политику.

Рассмотренные причины, основные характеристики, этапы и исторические события иллюстрируют, что падение французского старого режима обусловливалось слабостью абсолютистской системы. Причины революции постепенно вызревали на протяжении правления короля Людовика XVI Бурбона (1774–1792 гг.).

Так, основными причинами революции историками и международниками выделяются следующие:

- конфликт между новыми производительными силами и феодальными производственными отношениями (окрепшая буржуазия уже не хотела мириться с феодально-абсолютистским строем, не нуждалась в опеке со стороны государства);

- большинство населения (крестьянство, городские низы) через многочисленные налоги, повинности и безработицу вели нищенскую жизнь; общее неудовольствие вызвали юридическое неравенство и сословные привилегии (дворянство и духовенство были освобождены от уплаты основной массы налогов; только дворянство могло занимать административные и судебные должности);

- общий кризис французского абсолютизма: ежегодный дефицит в королевской казне превысил 80000000 ливров, а государственный долг достиг 4500000000 ливров, постоянно увеличивались налоги, обесценивались деньги; королевская же власть тратила большие деньги на содержание двора, ведение войн и другие нужды;

- идеология французского Просвещения (взгляды Ф. Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро и др., которые подвергали жестокой критике «старый порядок» и заявляли о социальных и политических претензиях непrivilegiированной части населения Франции) [1].

Историки обычно рассматривают основные причины Французской революции как результат неспособности *Ancien Régime* управлять социальным и экономическим неравенством. Быстрый рост населения и неспособность адекватно финансировать государственный долг привели к экономической депрессии, безработице и высоким ценам на продукты питания. Все это в сочетании с регressive налоговой системой и сопротивлением реформе правящей элиты привело к кризису, с которым Людовик XVI не смог справиться.

Революция расчистила почву для дальнейшего развития капитализма, ставшего новой ступенью в истории мировой цивилизации, передового для своего времени общественно-политического строя. События 1789–1794 гг. стали вполне закономерным результатом длительного кризиса, ставшего помехой на пути дальнейшего развития во Франции абсолютной монархии. Буржуазная революция привела к падению абсолютизма не только во Франции, но и во многих европейских странах.

В историографии продолжается дискуссия относительно хронологических границ и периодизации Французской революции. Периодизации являются достаточно условными. В историографии сложившейся была периодизация по признаку изменения классового состава ведущих общественно-политических сил, которые осуществляли революцию. Поэтому ее верхней хронологической границей считалось завершение периода правления Директории и приход к власти Н. Бонапарта. Чаще всего историю Французской революции условно разделяют на три периода: I период – 1789–1794 гг.: борьба между фельянами (сторонниками конституционной монархии), жирондистами (республиканцами), якобинцами (радикальными демократами) и роялистами (сторонниками абсолютизма); II период – 1794–1799 гг.: от смертной казни М. Робеспьера к захвату власти Наполеоном Бонапартом; III период – 1799–1804 гг.: от консульства Наполеона к восстановлению Французской империи [2].

Великая французская революция имела свои характерные политические, правовые и символические особенности.

Как было ранее сказано, за последнее время детальный анализ внешне-политических идей Революции и внешней политики Франции в революционные годы провела исследовательница Патрисия Честайн Хоу. Центральный тезис П. Хоу состоит в том, что внешняя политика революционной Франции в период с марта 1792 по апрель 1793 гг. определялась преимущественно вопросом Бельгии и Льежа и контролировалась Шарлем-Франсуа Дюмурье и Пьером Лебруном, оба из которых поддерживали «план» построения объединенной Бельгийской и Льежской республики. Согласно этому тезису, реализация «бельгийского плана» была одной из основных причин объявления войны в апреле 1792 г. и важной частью ряда событий, приведших к формированию Первой коалиции и самой войне [11].

Это заставляет Хоу делать множество утверждений, которые иногда опровергаются другими учёными. Таким образом, идея о том, что революционеры 1789 г. не имели точных представлений о международных отношениях и о том, каким образом они могли бы применить принцип народного суверенитета к сфере внешней политики, противоречит двадцатилетней работе французских историков и философов, специализирующиеся на эпохе Просвеще-

щения. Хоу предполагает, что ее центральный тезис о французской революционной внешней политике 1792–1793 гг. ставит под сомнение «стандартную интерпретацию», согласно которой французская политика была плодом (и неудачей) освободительного энтузиазма и идеологии жирондистов по отношению к Европе. Этот тезис был оспорен историками-«ревизионистами» [14].

Часто обобщают эволюцию внешней политики революционной Франции с 1789 по начало 1792 г. Республиканскоe правительство в Париже радикализовалось после того, как в результате дипломатического переворота якобинцы объявили, что это будет Guerre Totale («тотальная война»), и призвали к Levée en masse (массовый призыв войск). Силы вторжения роялистов потерпели поражение в Тулоне в 1793 г., в результате чего французские республиканские силы оказались в наступательной позиции и принесли общенациональную славу молодому герою Наполеону (1769–1821). После победы при Флерюсе французы оккупировали Бельгию и Рейнскую область. Вторжение в Нидерланды установило марионеточную Батавскую республику. Наконец, в 1795 г. в Базеле было заключено мирное соглашение между Францией, Испанией и Пруссиеи [13].

В 1806 г. Пруссия присоединилась к Великобритании и России, образовав Четвертую коалицию. Наполеон был не одинок, поскольку теперь у него была сложная сеть союзников и подчиненных государств. Французская армия, в значительной степени превосходящая численностью, разбила прусскую армию при Йене-Ауэрштедте в 1806 г.; Наполеон захватил Берлин и дошел до Восточной Пруссии. Здесь Российская империя потерпела поражение в битве при Фридланде (14 июня 1807 г.). Мир был продиктован Тильзитскими договорами, по которым Россия должна была присоединиться к континентальной системе, а Пруссия передала половину своих территорий Франции [4].

Революция вызвала серию конфликтов, которые начались в 1792 г. и закончились только поражением Наполеона при Ватерлоо в 1815 г. С 1701 по 1801 г. население Европы выросло со 118 до 187 миллионов. В сочетании с новыми методами массового производства это позволяло воюющим сторонам поддерживать крупные армии, требуя мобилизации национальных ресурсов. Это была война другого типа, в которой участвовали народы, а не короли, целью которой было уничтожить способность противников сопротивляться, но также и осуществить глубокие социальные перемены. Хотя все войны в той или иной степени носят политический характер, этот период был отмечен акцентом на изменение границ и создание совершенно новых европейских государств [3].

Когда в 1789 г. первые слухи о политических переменах во Франции достигли берегов Америки, американская общественность была в значительной степени восторжена. Американцы надеялись на демократические реформы, которые укрепят существующий франко-американский союз и превратят Францию в республиканского союзника против аристократической и монархической Британии. Однако с революционными изменениями также пришли политическая нестабильность, насилие и призывы к радикальным социальным изменениям во Франции, которые напугали многих американцев. Американские политические дебаты о природе Французской революции обострили

существовавшие ранее политические разногласия и привели к выравниванию политической элиты по профранцузскому и пробританскому направлениям.

С 1790 по 1794 гг. Французская революция становилась все более радикальной. После того, как французский король Людовик XVI был осужден и казнен 21 января 1793 года, война между Францией и монархиями Великобритании и Испании была неизбежна. Эти две державы присоединились к Австрии и другим европейским странам в войне против революционной Франции, которая уже началась в 1791 г. Соединенные Штаты оставались нейтральными, поскольку и федералисты, и демократы-республиканцы видели, что война приведет к экономической катастрофе и возможности вторжения. Эта политика была затруднена жесткими действиями Великобритании и Франции. Британцы преследовали нейтральные американские торговые суда, в то время как французское правительство направило в Соединенные Штаты министра Эдмона-Шарля Жене [4].

Таким образом, в революционные годы произошло много международных событий, велись активные международные отношения. Крупные перемены происходят не только внутри страны, но и во всей Европе, где ведутся как войны, так и дипломатическая деятельность. Особое место в системе европейских международных отношений занимают отношения Франции и США, у которых были свои интересы в этой революции; США поддерживали активные партнёрские отношения с революционными правительствами. Нельзя не отметить взаимодействие Франции и Бельгии (которая зависела от французского правительства), а также Франции и Пруссии, Франции и Англии, которые боялись революционных настроений, поэтому пытались проводить политику интервенции, чтобы держать ситуацию под контролем. Отдельным вопросом стоит влияние Революции на колониальные территории, которые вдохновились этими идеями и начали активные освободительные действия.

Проанализировав внешнюю политику революционной Франции в 1789–1801 гг., можно сделать следующие выводы. Учитывая сложившиеся условия, внешняя политика Франции была достаточно эффективной, принимая во внимание внутреннюю дестабилизацию. Французские революционеры хотели привлечь на свою сторону и другие государства. При этом европейские страны боялись распространения революционных идей и восстаний на своей территории. Поэтому международные отношения тех лет были сложные и противоречивые. Также проходили постоянные войны [10].

При этом отдельными историками акцентируется внимание на том, что первым периодом более-менее корректной внешней политики был период правления Якобинской диктатуры, так как уже сформировались внешнеполитические стратегия и тактика, цели, методы и способы ведения внешней политики, а также система принятия внешнеполитических решений. В свою очередь Директория акцентировала внимание на защите собственных границ и суверенитета, а также на построении широких geopolитических целей и задач с более крепкой экономикой и стабильной политической системой. Это интересный период в мировой истории, его изучение представляется очень важным для международных отношений, так как он наглядно иллюстрирует процессы становления внешней политики государства, необходимость уме-

ния правильно ставить и добиваться намеченных внешнеполитических целей, а также демонстрирует возможное отсутствие правил в международных отношениях [11, с. 3–13].

Следует отметить, что подъем национализма в Западной Европе и усиление тенденции создания национальных государств вызвали разную реакцию духовной и политической элиты. Большинство мыслителей-просветителей выражало беспокойство таким развитием событий. Жирондисты и якобинцы быстро перешли на позиции шовинизма, скрытого ультрапреволюционными и демократическими фразами. Они, по сути дела, объявили «революционную войну» национализму других народов, пропагандировали идею ликвидации национальных барьеров и национальных суверенитетов, высказывались за формирование по всему миру «единой нации» и создание «всемирной республики» со столицей в Париже. То есть идея космополитизма, но с приоритетом Франции, была основной во внешнеполитических идеях Французской революции.

Подобную позицию, как известно, занимал и Наполеон, который начал захватнические войны под флагом шовинизма и империализма, скрытого лозунгами либерализма. Внешняя политика Наполеона имела целью обеспечить Франции экономическое и политическое господство в Европе. Армии Англии, России, Австрии, Пруссии не могли противостоять французской, ставшей первой регулярной армией в Европе. Но попытки подавить борьбу за реализацию идеи национального государства потерпели поражение [9].

Так как другие европейские страны заняли антиреволюционную позицию, то внутреннюю и внешнюю политику новой власти во Франции принято оценивать в исторической литературе как «политику качелей»: засыгравание с противниками этой власти как слева, так и справа. Иногда прослеживалась ярко выраженная ксенофобия (например, англофобия), иногда попытки сближения и сотрудничества с соседними государствами. Очень непростые отношения складывались у революционной Франции с Россией того времени, которая, с одной стороны, боялась революционных настроений, с другой – хотела видеть во Франции союзника.

В июне 1815 г. Венский конгресс 1814–1815 гг. подвел итоги революционной эпохи: ликвидация пережитков феодального строя, что поспособствовало быстрому развитию капиталистических отношений; установление республиканского строя, основанного на демократических принципах; окончательная консолидация французской нации; формирование органов власти, формируемых на основе избирательного права; принятие первых конституций, положения которых гарантировали гражданам равенство перед законом и возможность пользоваться национальными богатствами; решение аграрного вопроса; ликвидация монархии; принятие Декларации прав человека и гражданина; Франция осталась в границах 1792 г.; Великобритания стала большой колониальной империей, заинтересованной в балансе сил в Европе; Российская империя превратилась в ведущее континентальное государство, заинтересованное в сохранении статус-кво; в Европе установился охранный режим «Священного союза» монархий; у мирового сообщества появилась уникальная практика международных отношений в революционный период; начали активно развиваться теория международных отношений, идеи космополитизма.

В общеевропейском политическом смысле Французская революция «заканчивает» национальные буржуазно-демократические революции. Часто проводилась параллель между Французской революцией и Советской социалистической революцией [10].

Однако Революция имела и негативные последствия: введение имущественного ценза; религиозные споры; недоверие к политической системе; упадок определённых ценностей; игнорирование мнения большинства граждан, что приводило к новым беспорядкам; установление сложного административного деления, что мешало формированию эффективной системы управления.

Великая французская буржуазная революция 1789 г. является эпохальным мировым событием, которое усилило антикрепостнические и антимонархические тенденции по всему миру. Революция повлияла на развитие многих государств, становление политических систем стран и формирование демократических режимов и международных отношений. Приверженцами идей Французской революции были выдающиеся деятели науки и культуры (поэты Ф. Шиллер, У. Водсворт, драматург Р. Шеридан, композитор Л. ван Бетховен, философы И. Кант, Т. Пейн и др.). Интерес к урокам Французской революции проявляло декабристское движение. «Весьма полезной» называл эту революцию П. Пестель. Идеологию революции изучали основатели и члены Кирилло-Мефодиевского братства. Существует мнение, что масонские ложи также активизировались после Революции. В течение 1820–х гг. с наследием Вольтера, Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо знакомилась молодежь на лекциях профессоров-вольнодумцев гимназий по всему миру. Они положили начало традиции празднования дня взятия Бастилии, исполнения «Марсельезы» и легитимировали другие ритуалы и символы Французской революции, которые начали доминировать в современных идеологиях: либерализме, консерватизме, социализме. Французская революция породила борьбу женщин за свои права. В Европе стало зарождаться феминистское движение. При этом нельзя забывать про количество человеческих жертв, междуусобиц, религиозных распрай и разрушений, которые влечёт за собой любая революция.

Перспективами дальнейших исследований может стать анализ революций XX-XXI вв. и их влияние на политическую действительность.

Список литературы

1. **Кареев, Н. И.** Великая французская революция / Н. И. Кареев. – М. : Юрайт, 2021. – 387 с. (Антология мысли)
2. **Нарочницкий, А. Л.** Великая французская революция и Россия / ред. А. Л. Нарочницкий. – М. : Прогресс, 1989. – 552 с.
3. **Манфред, А. З.** Великая французская буржуазная революция / А. З. Манфред. – М. : Госполитиздат, 1956. – 288 с.
4. **Рассел, Дж.** Великая французская революция / Джесси Рассел. – М. : VSD, 2014. – 637 с.
5. **Сайт Института Всеобщей истории РАН** [Электронный ресурс]. – URL: <https://igh.ru/> (дата обращения: 15.03.2022)
6. **Сайт Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук** [Электронный ресурс] URL <http://www.centre-fr.net/>

7. Сайт Французской секции Исторического факультета МГУ [Электронный ресурс] URL chrome-extension://oelpkepjlgmehajehfeicfbjedio bdkfj/integration/error404/index
8. Сайт, посвящённый Французской революции Vive Liberta [Электронный ресурс]. – URL: <http://vive-liberta.narod.ru/> (дата обращения: 14.03.2022)
9. Семенова, А. В. Великая французская революция и Россия / А. В. Семенова. – М. : Знание, 2014. – 632 с.
10. Тырсенко, А. В. Внешнеполитические планы Франции в годы Великой французской революции / А. В. Тырсенко // Новая и новейшая история. – 2017. – №1. – С. 3–13.
11. Хоу, П. Ч. Шарль-Франсуа Дюмурье и революция во французских иностранных делах в 1792 году / Патрисия Честен Хоу // Французские исторические исследования. – 1986. – Вып. 14. – № 3. – С. 367–390.
12. Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции / под ред. А. З. Манфреда и др. [Электронный ресурс] – URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/index.html> (дата обращения: 15.03.2022)
13. Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. / сост., вступ. статья и ред. пер. В. Мильчина. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 832 с.
14. Belissa, M. Review of Howe, Patricia Chastain, Foreign Policy and the French Revolution 1789–1793 // H-Diplo, H-Net Reviews. – 2009. – July [Электронный ресурс] – URL: <http://www.h-net.org/reviews> (дата обращения: 14.03.2022)
15. Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck / Par A. De Bacourt. – V. 1–3. – Paris, 1851. – 264 f. (Фонд Лафайета).

Litvin L. A.

The main objectives of French foreign policy during the period Great French Revolution

The article analyzes foreign policy ideas at different stages of the French Revolution (1789–1799), as well as their influence on the state and development of international relations and world politics, in particular, on the theory of international relations. The main causes, prerequisites, results and consequences of the Revolution are outlined, its stages are named. The main vectors of France's foreign policy during the Revolution are named, relations between the leading states are briefly characterized.

Key words: Great French Revolution, political ideology, foreign policy, international relations.

Психологические науки

УДК 159. 9 : 502/504 (075.8)

Марусенко Елена Андреевна,
канд. мед. наук, доцент,
преподаватель предметной (цикловой) комиссии
психолого-педагогических дисциплин
ОП «Стахановский педагогический колледж ЛГПУ»
emarusenko@yandex.ru

Ковалёва Антонина Валериевна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры психологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
tosikkov@yandex.ru

Выдрина Людмила Аркадиевна,
преподаватель предметной (цикловой) комиссии
психолого-педагогических дисциплин
ОП «Стахановский педагогический колледж ЛГПУ»
lydmila-vydrina2022@mail.ru

Модусы экологического сознания в разных возрастных группах

В статье представлены результаты исследования модусов экологического сознания у лиц зрелого и юношеского возраста. Показано, что у юношества отмечается больший удельный вес экоцентрического модуса экологического сознания в сравнении с респондентами зрелого возраста. Также в группе респондентов юношеского возраста отмечено преобладание когнитивного и практического типов мотивационной активности в отношении природной реальности в отличие от лиц зрелого возраста, у которых доминирует прагматическая мотивация, что свидетельствует о более осознанном и ответственном отношении юношества к экологической проблематике.

Ключевые слова: модусы экологического сознания, возраст, юношество, зрелость, мотивация, природная реальность.

Сегодня, в период глобального экологического кризиса, изучение экологического сознания в различных возрастных группах представляется крайне актуальной проблемой. Сам термин «экологическое сознание» появляется в системе социальных наук в XX веке. В нашей стране и за рубежом разрабатываются методологические основания и создаются первые теоретические объяснительные конструкты экологического сознания. Философское осмысление данного феномена находит свое выражение в трудах таких ученых, как Р. У. Биджиева, Э. В. Гиусов. Различные концепции экологического сознания выдвигаются рядом таких авторов, как Р. Вейгель, Дж. Вейгель, Р. Дэнлап,

М. П. Мэлони, М. Й. Розенберг и др. [1; 2]. На основе теоретических выкладок проводятся первые эмпирические исследования.

Актуальность изучения психологического содержания экологического сознания обусловливается сменой парадигм общественного сознания с экономической и прагматической, господствовавшей в XIX–XX вв., на экологическую, выходящую на передовые рубежи в новом тысячелетии.

Не последнюю роль в этом процессе играет и стремительное развитие ноосферы и человека, как основного субъекта, формирующего ноосферное сознание [2; 3; 6].

Существуют различные определения экологического сознания. Согласно В. А. Скребец, экологическое сознание представляет собой высший уровень психического отражения природной и искусственной среды и внутреннего мира человека, рефлексию, а также саморегуляцию данного отражения.

Экологическое сознание содержит все признаки сознательной деятельности как таковой с той лишь разницей, что оно опосредовано экологическими детерминантами. Ему в полной мере присущи чувственные и рациональные атрибуты, определенные социальные свойства (социальная регламентация, орудийная и знаково-символическая опосредованность). В определенной мере экологическое сознание имплицитно, что явлено в ряду таких его свойств, как внутренняя согласованность, оценочность, иерархичность, внутренняя сознательная или когнитивная сложность, адекватность либо неадекватность, проявляемая на уровне бессознательных установок. Также ему присущи и эксплицитные, манифестируемые вовне и доступные стороннему наблюдателю формы экологического поведения. Результирующей компонентой сложных и многоуровневых связей внутри экологического сознания может быть признано свойство комплицированности, в котором, будто в фокусе, сходятся основные векторы имплицитных и эксплицитных свойств, порождая способность субъекта к формированию личностного отношения к экологической реальности.

Важнейшим элементом социокультурного развития личности является интериоризация субъектом наблюдавших событий и фактов окружающей среды и их трансформация в идеальные, внутренние, образные представления когнитивного плана.

Интериоризация экологических установок и ценностей формирует когнитивную картину мира индивида, складывающуюся благодаря постоянному взаимодействию индивидуального сознания с массовыми экологическими установками, массовым настроением, рядом геопсихических явлений общественного сознания [4; 5; 7].

Анализ экологического сознания может производиться не только исходя из уровня общефилософской методологии, но и с точки зрения его психологической структуры, с выделением основных типов или модусов экологического сознания.

Так, С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин выделяют два основных типа (модуса) экологического сознания: антропоцентрический и экоцентрический, каждый из которых характеризуется полярной системой ценностных установок и приоритетов.

Антропоцентрический модус экологического сознания характеризуется следующими важнейшими признаками: высшую ценность в его структуре представляет человек и его приоритеты и потребности, даже если они нано-

сят определенный ущерб природному балансу; природа воспринимается как «мастерская человека», развитие природы понимается как процесс, который подчинен целям и задачам человеческой деятельности, а природоохранная деятельность мыслится с позиций дальнего прагматизма – сохранение экологического равновесия и природного фонда ради удовлетворения потребностей будущих поколений. Иными словами, в данном модусе преобладает прагматический императив, а этический кодекс, ценности, нормы и правила не распространяются на взаимодействие человека с миром природы.

Экоцентрический модус экологического сознания характеризуется поллярными свойствами в сравнении с антропоцентрическим модусом: высшей ценностью здесь является гармоничное развитие и взаимодействие человека и природы; целью взаимодействия человека с природой является оптимальное удовлетворение и потребностей человека, и сохранение экологического баланса и природы как таковой. Доминирующим мотивом деятельности является экологический мотив, а цель природоохранной деятельности оказывается продиктована стремлением сохранить зеленый фонд планеты и фауну ради гармоничного взаимодействия человека и природы на дальнюю перспективу. Правильным признается лишь то, что не нарушает экологического баланса и не вредит природе [2; 3; 8].

В последнее время бурное развитие технологий поставило человечество на тонкую грань выживания в условиях нарастающего экологического кризиса. Многократно возросла значимость деятельности человека и влияния ее результатов на природную среду. Сегодня осуществляется предвидение В. И. Вернадского о превращении человека в основную геологическую силу, формирующую облик планеты. Мир в своем развитии вплотную подошел к точке бифуркации, после прохождения которой развитие окружающей среды и человеческого сообщества становится единым процессом, приобретая характер коэволюции, результатом чего будет либо дальнейшее сосуществование и развитие, либо – деградация и экологическая катастрофа.

Прямо пропорционально возрастает ответственность человека как активного субъекта коэволюции, поскольку игнорирование экологических реалий в дальнейшем может достаточно быстро привести к катастрофическим последствиям. Дальнейшее гармоничное развитие природы и человека, как считают Н. Г. Васильев, А. Н. Кочергин, Ю. Г. Марков, связано с формированием и развитием экологического сознания, с преобладанием в нем экологических детерминант и только это позволит сохранить биосферу и экологическую среду [1; 6; 7; 8].

В данном контексте многократно возрастает значимость преодоления узкопрагматических мотивов деятельности, направленных на природную среду – как отдельным человеком, так и социальными группами. Крайне важным становится следование законам универсальной этики, в которой природа самоцenna, она – равный субъект взаимодействия, а этические законы распространяются не только на взаимоотношения людей, но и на отношение человека к миру природы (М. Ганди, А. Швейцер, О. Леопольд и др.) [6–8].

Как представляется нам, развитие экологического сознания в полной мере может опираться на вышеуказанные этические постулаты.

С учетом все возрастающей важности экологической проблематики, нами была поставлена цель исследовать особенности экологического сознания в разных возрастных группах. Для эмпирического изучения нами были выбраны лица юношеского и зрелого возрастов. Выбор данных возрастных групп был обусловлен тем фактом, что люди зрелого возраста и юношество составляют наиболее деятельную и активную прослойку общества в экономической, производственной и социокультурной сферах.

Нами были использованы: психоdiagностическое интервью, опросник «Альтернатива» для выявления ведущего типа мотивации личности в отношении природы (С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин, 1994), а также авторская анкета, разработанная на основе учета ведущих признаков двух основных модусов экологического сознания по С. Дерябо и В. Ясвину. В данной анкете, состоящей из 25 пунктов, представлены основные семантические единицы, имеющие полярные характеристики в зависимости от типа (модуса) экологического сознания.

В исследовании приняли участие 75 респондентов: 35 респондентов юношеского возраста – ученики старших классов общеобразовательных школ и студенты вузов (17–20 лет), среди которых было 17 юношей и 18 девушек, и 40 человек зрелого возраста (19 мужчин и 21 женщина), от 35 до 48 лет.

Анализ результатов анкетирования показал, что в выборке людей зрелого возраста в 65 % случаев преобладали маркеры антропоцентрического модуса сознания. Эти респонденты придерживались мнения о том, что правильным во взаимодействии с природой является лишь то, что приносит пользу человеку; этические нормы должны относиться исключительно к миру людей, а распространение их на взаимодействие в системе «человек-природа» необязательно.

При этом в качестве аргументации своей позиции респонденты ссылались на необходимость обеспечения комфортного уровня жизни за счет эксплуатации природных ресурсов и оправдывали нарушение экологического баланса «производственной необходимостью». Хотя, стоит отметить, что в части вопросов о сохранении окружающей среды подавляющее большинство респондентов признавало необходимость ее защиты с дальнейшей прагматической мотивацией (сохранение природы ради потомков и их интересов, а не ради самой природы). Примерно половина наших респондентов полагали, что в средствах массовой информации в большей мере наблюдается сгущение красок относительно выраженности проблемы экологического кризиса, нежели описывается реальное положение дел.

В ходе психологического интервью было выяснено, что практически для всех опрошенных было ценным и важным пребывание на природе ради восполнения сил и полноценного отдыха; более 60% мужчин проявляли повышенный интерес к охоте и рыбалке, женщины были более склонны к чтению научно-популярной литературы и просмотру телепередач о мире природы, растений и животных, общение с природой также представляло для них ценность. Но, как мужчины, так и женщины, хотя и считали необходимым бережное и ответственное отношение к окружающей среде, не могли однозначно утверждать, что сохранение экологического баланса было приоритетной задачей лично для них.

Анализ методики «Альтернатива» показал, что более чем у половины респондентов регистрировался прагматический тип мотивации в отношении к природе и в несколько меньшем количестве – когнитивный и практический мотивационные типы.

В меньшем количестве (35%) случаев люди данной группы считали, что в процессе взаимодействия природы и человека обязательно должны быть учтены все параметры, обеспечивающие естественное и гармоничное развитие флоры и фауны, природных биоценозов, наравне с потребностями человека, а вмешательство последнего в экологический баланс должно быть минимальным. Эти респонденты отдавали приоритет ценностям универсальной этики, подавляющее их большинство имело одно или несколько высших образований, а в сферу их интересов входили философские и экзистенциональные проблемы бытия человека и мира.

Проблематику экологического кризиса данная категория респондентов считала крайне острой; практически все опрошенные высказывались о необходимости повышения уровня осознанности и духовности человека, уровня общей и экологической культуры и формирования ноосферного мышления.

По данным опросника «Альтернатива», практически у всех этих респондентов фиксировался когнитивный тип мотивации в отношении к природе.

Таким образом, среди лиц зрелого возраста выявлено превалирование установок антропоцентрического модуса экологического сознания над экоцентрическим (на 30%), а также – преобладание прагматической мотивации в отношении к миру природы.

В группе лиц юношеского возраста мы наблюдали иное распределение ведущих установок в структуре модусов экологического сознания: несколько преобладал антропоцентрический модус, но это преобладание было незначительным (53%). У 47% респондентов наблюдалось превалирование экоцентрических установок в структуре экологического сознания. Эти респонденты не только проявляли теоретический интерес к экологической проблематике, но очень часто организовывали акции в защиту природы, принимали активное участие в мероприятиях экологической направленности, волонтерском движении, в разработке учебных и научно-исследовательских экологических проектов. Их интересовала не только проблема экологического кризиса, но также и поиск эффективных путей выхода из него.

Мнение юношей и девушек относительно путей выхода из экологического кризиса было несколько разным. Так, юноши предпочитали активные действия по охране окружающей среды – высадку деревьев, создание «экологических патрулей», агитацию среди детей и подростков, волонтерскую деятельность. Девушки считали основным повышение образовательного уровня, разъяснительную деятельность, преподнесение в интересной форме знаний детям и подросткам о природном мире, привлечение подрастающего поколения к экологическим акциям, например: «Сделаем мир чище», «Посади деревце», «Прекрасный мир цветов», «Дом для птиц», «Помоги животному» и т. д. Все это, по мнению наших респондентов, послужит развитию экологической мотивации в деятельности подрастающего поколения.

В мотивационном плане в данной группе было выявлено два ведущих типа отношения к природе: когнитивный и практический.

Таким образом, анализ проблематики экологического сознания позволил сформулировать следующие положения:

– в ходе теоретического анализа установлена дефинитивная и структурно-содержательная стороны феномена экологического сознания;

– эмпирически определены возрастные различия в структуре ведущих модусов экологического сознания: у лиц зрелого возраста в 65 % случаев преобладает его антропоцентрический модус, в то время как экоцентрический модус встречается на 30% реже (35%). Интересным также является тот факт, что респонденты, имеющие экоцентрические установки сознания, отличаются более высоким образовательным уровнем и иной структурой интересов – с преобладанием философского, экзистенциального и духовно-нравственного дискурса. У лиц юношеского возраста преобладание антропоцентрического модуса экологического сознания выражено не явно – 53% против 47% экоцентрического модуса, в то время как у респондентов зрелого возраста подобное соотношение составляет 65 и 35% – соответственно. Таким образом, у юношества отмечается больший удельный вес экоцентрического модуса экологического сознания;

– в группе респондентов юношеского возраста отмечено преобладание когнитивного и практического типов мотивационной активности в отношении природной реальности в отличие от лиц зрелого возраста, у которых доминирует прагматическая мотивация, что свидетельствует о более осознанном и ответственном отношении юношества к экологической проблематике.

Все вышеуказанное дает основание полагать, что формирование экологического сознания молодого поколения с преобладанием в нем экоцентрических установок и приоритетов является одним из основных путей выхода из экологического кризиса. Повышение образовательного уровня, следование принципам универсальной этики совершенно необходимо для воспитания высоконравственного, духовного человека, для которого будет небезразлична судьба окружающего мира, личности, обладающей серьезным багажом современных знаний о природе и человеке, самостоятельно мыслящей и стремящейся реализовать свой креативный потенциал на благо коэволюции природного мира и человечества.

Список литературы

1. Двойнев, В. В. Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. соц. наук / В. В. Двойнев. – Смоленск, 2009. – 28 с.
2. Дерябо, С. Д. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 6. – С. 4–18.
3. Дерябо, С. Д. Экологическая психодиагностика / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. – Даугавпилс, 1994. – 191 с.
4. Иванова, Т. В. Экологические ценности в общественном сознании / Т. В. Иванова // Вопросы психологии. – 1999. – № 3. – С. 83–88.

5. Кряж, И. В. Психосемантическое исследование обыденных экологических представлений / И. В. Кряж // Вопросы психологии. – 1998. – № 1. – С. 65–75.
6. Панов, В. И. Экологическая психология. Опыт построения методологии / В. И. Панов. – М. : Наука, 2004. – 197 с.
7. Скребец, В. А. Экологическая психология / В. А. Скребец. – К. : МАУП, 1998. – 144 с.
8. Ясвин, В. А. Особенности личностного отношения к природе в подростковом и юношеском возрасте / В. А. Ясвин // Вопросы психологии. – 1995. – № 4. – С. 19–28.

Marusenko E. A.,
Kovaleva A. V.,
Vydrina L. A.

Modes of ecological consciousness in different age groups

The article presents the results of a study of the types of ecological consciousness in persons of mature and youthful ages. It is shown that young people have a greater share of the ecocentric mode of ecological consciousness in comparison with respondents of mature age. Also, in the group of respondents of youthful ages, there was a predominance of cognitive and practical types of motivational activity in relation to natural reality, in contrast to persons of mature age, in whom pragmatic motivation dominates, which indicates a more conscious and responsible attitude of youth to environmental issues.

Key words: modes of ecological consciousness, age, youth, maturity, motivation, natural reality.

УДК 159.922.736.3

Бернацкая Любовь Вячеславовна,
ст. преподаватель кафедры психологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
bernatskayalubov@gmail.com

Игротерапия как метод воспитательной практики в коррекции агрессивности и агрессивного поведения дошкольников

В статье освещается теоретико-практическое значение проблемы исследования возможностей психокоррекции ранней агрессивности и агрессивного поведения детей-дошкольников в коллективе детского сада с целью развития их гуманистически направленной личностной индивидуальности методом игротерапии. Даны рекомендации автора, которые основываются на психолого-педагогическом опыте, отраженном в теоретических трудах отечественных и зарубежных ученых-психологов, а также и на собственном, авторском опыте. Рекомендуется студентам, ученым, педагогам и воспитателям.

Ключевые слова: агрессивность и агрессивное поведение; диагностическая функция игротерапии; терапевтическая функция игротерапии; обучающая функция игротерапии; структурированные и неструктурированные игры; директивная и недирективная игротерапия; игровые комплексы.

Любому специалисту дошкольной сферы известно, что агрессивные дети очень нуждаются в психологической помощи. Методами такой помощи, как психопрофилактическими, так и психокоррекционными, хорошо владеют именно психологи, однако очень важно, чтобы и воспитатели, и педагоги детского сада не оставались за бортом. Крайне необходимо, чтобы и они как ассистенты психолога по работе с агрессивными дошкольниками умели использовать такие методы в расчёте на воспитательную практику детского сада с учётом индивидуальности каждого ребёнка.

Актуальность этой проблемы обуславливается тем, что именно в данном возрасте формируется самый ранний опыт личности в морально-духовной (нравственной сфере), и если ему не уделять внимания, то число агрессивных дошкольников будет увеличиваться. Чтобы удержать малышей от такого поведения, а в дальнейшем и от асоциального в более старших возрастах, необходимо сформировать и развить их индивидуальность как гуманистически направленную, как сотворца добра во всех сферах жизни детей.

Вопрос становления агрессивности и агрессивного поведения детей исследовало множество учёных психологов и психотерапевтов (И. А. Алексеева и И. Г. Новосельский, Л. И. Божович, Р. Берон и Д. Ричардсон, Г. Э. Бреслав, Л. С. Выготский, И. В. Дубровина, Р. В. Овчарова, Н. М. Платонова, И. А. Фурманов и мн.др.), а также и автор статьи в своих предыдущих работах [1; 2; 3; 6; 8; 10]. Исследователи пришли к общему выводу о том, что в основе формирования и развития детской агрессивности и агрессивного пове-

дения находятся неудовлетворенные проблемы в детском общении, а точнее – их социально-ценностные связи в семье, детском саду, а далее – в школе.

Поэтому и коррекцию агрессивных проявлений в поведении дошкольника надо начинать ещё с его группы в детском саду, иначе они закрепятся как стойкие личностные характеристики в его постоянном агрессивном поведении.

Игротерапия, как один из практических методов в работе психолога, могла бы стать и прекрасной воспитательной практикой для воспитателей и педагогов в плане решения проблемы детской агрессивности в группе сверстников. Мы провели ее в нашем исследовании как дополнительный метод, наряду с другими коррекционными методами (библиотерапия, арттерапия, музыкотерапия, анималотерапия, формокоррекционная ритмопластика, аромотерапия и мн.др.), вплетая её в социально-психологический тренинг по коррекции агрессивности и агрессивного поведения дошкольников под названием «Общение солнечными глазами твоей Души» (ДОУ г.Луганска, 200 детей – из них отобрали 30 наиболее агрессивных) [3].

Считаем, как и большинство психологов, что именно игротерапия является очень эффективной техникой детского возраста, так как она приближается к реальной потребности ребёнка в игре. А. С. Спиваковская пишет, что взрослые могут выражать свои проблемы и переживания словом, а дети играя, так как у них недостаточно когнитивных, словесных способов переживаний своих чувств. В игре у детей появляется свобода самовыражения чувств, которые они проецируют на выбранную игрушку или на ситуацию. Так, дети символически воспроизводят жизненные проблемы и постепенно учатся их преодолевать. Психолог может войти в мир действий и деятельности ребёнка и глубоко понять этот мир. Игра становится «самолечебным способом детства», поэтому её можно задействовать в профилактическом и в коррекционном плане [11].

С учёной согласен В. И. Гарбузов, который подчёркивает, что ребёнок живёт игрой, самой жизнью [5, с.95]. Он же констатирует факт, что даже самый несчастный ребёнок всё-таки бывает счастливым, если он играет [5, с. 96]. Д. Б. Эльконин говорит о том, что через игру нормы человеческих взаимоотношений становятся источником развития детской морали, а К. Гроос считает, что нам детство дано именно для того, чтобы научиться играть [5, с. 97].

С. Л. Рубинштейн называет игру практикой развития и воспитания ребёнка, а Л. С. Выготский – девятым валом развития ребёнка, так как она учит его творить [5, с. 95–96]. Учёный считает игру ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте, характер которой меняется вместе с взрослением ребёнка.

Ещё один учёный, К. Г. Юнг, утверждает, что движущими силами человеческой жизни, является воображение и творчество, без игры как динамического принципа фантазии не может ни зародиться, ни существовать само творчество [9, с. 9].

В отечественной психологической практике к использованию игры в коррекционных целях, в том числе и для коррекции агрессивности дошкольников, обращались: Л. А. Абрамян, Г. Э. Бреслав, А. Я Варга, М. Э. Вайнер,

М. Н. Заостровцева, Н. В. Перешеина, М. Ю. Михайлина, Н. А. Сакович, Т. П. Смирнова, А. С. Спиваковская и мн.др. [1; 2; 4; 6 ; 7; 9; 10; 11].

Например, А. С. Спиваковская считает основным принципом игротерапии воздействие на ребёнка с учётом специфической обстановки и контакта выведения ребёнка из той сферы, в которой у него возникло нежелательное поведение [7, с. 140].

По мнению Л. А. Абрамян, в игре-драматизации малыш испытывает двойственное переживание: лепку образа со стороны и обнаруживание конкретного отношения к своему персонажу [1, с.163]. Учёные В. И. Гарбузов, Б. Д. Карвасарский, А. И. Захаров, А. А. Осипова подчёркивают, что перенос отрицательных эмоций и качеств ребёнка на игровой образ и служит целям коррекции его поведения. Малыш наделяет кукол своими негативными эмоциями и чертами характера, поэтому детская игра незаменима, и учит она через радость, восторг и слёзы, через хрипоту и вдохновение, через преодоление себя и через восторг штурма и натиска [5; 7].

Известный учёный А. И. Захаров разработал показания и клинико-психологические критерии детской психотерапевтической группы, где может применяться игротерапия. Ему также принадлежат исследования и в области объединения семейной и групповой психотерапии, в частности, с детьми-невротиками. Он предлагает такую последовательность коррекционных методик: беседа, спонтанная игра, направленная игра, внушение.

Учёный также считает, что игротерапия особенно эффективна для дошкольников от 4 до 7 лет (предметные и подвижные игры). С возрастом ими станут драматические игры и специальные маски (младший школьник и подросток) [1; 2; 7].

Игрой сеанс может длиться не более 30 минут для средних дошкольников – 4–5 лет, и 45–60 минут для старших дошкольников – 5–7 лет. Рекомендуется частота занятий 1–3 раза в неделю, а минимальный курс – 12–14 занятий на протяжении 1–1,5 месяцев. Г. Э. Бреслав считает, что в амбулаторных условиях с агрессивными детьми нужно проводить 24 или 42 занятия в течение 3–6 месяцев, так как фиксируемый тестами результат появляется только после 12–16 занятий, и цель терапии изменяется с осознания неконструктивности агрессивного поведения и серьёзности перестройки его стереотипов на снижение агрессивности за счёт эмоциональной разрядки ребёнка [2, с. 94–95].

Также в организации терапевтического процесса с ребёнком А. И. Захаров и Г. Э. Бреслав выделяют 3 функции: диагностическую, терапевтическую и обучающую. Они должны быть взаимосвязаны [2, с. 91–103], [7, с. 141–142].

Диагностическая функция содержит уточнение диагноза, особенностей характера ребенка и его взаимоотношений (на основе спонтанной игры ребёнка и психологических наблюдений за ней).

Терапевтическая функция игры содержит возможности эмоционального и моторного самовыражения малыша, отреагирования тревожности страхов, фантазии, агрессивности. Результатом её станет укрепление детской психики, повышение функциональной толерантности, создание адекватных норм детского поведения.

Обучающая функция игры – это возможность перестройки детско-родительских отношений, общения ребёнка с воспитателями и сверстниками в детском саду, расширение кругозора ребёнка, реадаптация и социализация. Важно, что этот процесс постепенный как положительное приобретение, а ненасильственный опыт [7, с. 141–142].

Учёные подчёркивают, что процесс игротерапии должен складываться из четырёх взаимных этапов: объединение детей в группу (экскурсии, предметные игры и т. п.); рассказы (домашние сочинения детей); игра (предлагается терапевтом или детьми, сказки, ситуации из жизни детей и т. п.); обсуждение (результат занятий, заключительный этап в плане дальнейшего расширения детского самосознания и возможностей) [2; 7].

А. А. Осипова акцентрирует внимание на том, что в игротерапии выделяют директивную и недирективную игротерапию (её виды). Под директивной подразумевается направленная игротерапия – интерпретация психологом для ребёнка символизма игры, чтобы актуализировать его бессознательные (подавленные) тенденции и проиграть их в социально-приемлемые нормы поведения. Психолог может применять заранее продуманный план игры, возможные роли и возникающие конфликты, главное, чтобы осознание дошкольником себя, своего поведения и конфликтов шло итогом направленной игротерапии.

Недирективная или ненаправленная игротерапия – это свободная игра, свободное самовыражение ребёнка в целях достижения его эмоциональной устойчивости, саморегуляции поведения и коррекции отношений как со взрослыми, так и со сверстниками, то есть конгруэнтной коммуникации [7, с. 143–146].

Главное для психолога в ненаправленной игротерапии – создание благоприятной атмосферы для неё, в умении помочь ребёнку осознать свое «Я», свои плохие и хорошие личностные стороны, предстоящие трудности и достижения. Основными принципами этого вида игротерапии могут быть дружеские отношения с ребёнком, его полное принятие, свобода самовыражения, понимание его чувств и переживаний, зеркальное отображение ребёнка в психологе и наоборот (рефлексия) и т. п. [7, с. 145].

Психолог (психотерапевт) может пассивно или активно участвовать в игротерапии с дошкольником. В первом случае он просто следует за ним, не мешает и не ускоряет её, а во втором – вносит в него определенные ограничения или даже запреты (как «идеальный родитель» или «равноправный партнёр»). Игротерапия также может использоваться специалистом, как в индивидуальной, так и в групповой формах, причём первая обязательно должна предшествовать второй [7, с. 146–147].

А. А. Осипова считает, что групповая игротерапия должна быть направлена на осознание ребёнком своего «Я», повышение самооценки, развитие потенциала, отреагирование внутренних конфликтов, агрессивности и агрессивного поведения. Надо, чтобы у детей сформировалось чувство ответственности в общении с людьми, навыки конструктивного поведения [7, с. 147].

Г. Э. Бреслав объединяет все эти задачи игротерапии в одну главную задачу, цель – снижение уровня агрессивности путем обучения детей навыкам адаптированного поведения [2, с. 92].

Противопоказаниями для её проведения с ними будут: отрицательное отношение ребёнка и его родителей к ней, нет предварительной индивидуальной работы с ребёнком; смешение агрессивности с гиперактивностью; наличие бреда и галлюцинаций; умеренная дебильность; неконтактная шизофрения; выборочно аутизм; клиническое преобладание в группе детей с массовыми органическими наследственными и дилетантство взрослого. Относительно полового состава детских игровых дошкольных групп учёные расходятся во мнениях. А. И. Захаров считает, что они должны быть однополыми, а Н. Ю. Максимова и Е. Л. Милютина – разнополыми, подростковые группы обязательно однополыми. Г. Э. Бреслав, записывая свой опыт работы с такими группами, пишет, что дошкольные группы должны быть разнополыми [2, с. 92–95].

Также в этих группах могут присутствовать родители детей, но до 10-летнего возраста, и только периодически. Правилами объединения в детскую группу будут такие, как: свобода самовыражения дошкольников без угроз и насмешек; в группе не более одного ребёнка делинквентного поведения, которое уравновешено нейтрализатором; разница в возрасте не более 1 года, дети должны не знать друг друга; группу должны вести два специалиста разного пола для формирования правильных гендерных стереотипов поведения у детей и т. п.

Групповые и индивидуальные занятия по игротерапии с дошкольниками могут проводиться в большом врачебном кабинете или в кабинете психолога, в зале для лечебной физкультуры, в конференц-зале или в специально оборудованном для этой цели помещении – в игровой комнате. В специальном помещении должно находиться игровое оборудование: мячи, маски, куклы, фигуры зверей и людей, детские музыкальные инструменты, наборы конструкторов, посуды и т. п. Специалисту надо рассказать детям (ребёнку) определенные правила поведения при игротерапии: не опаздывать, бережно обращаться с игрушками, производить уборку после игры и т. п.

В игротерапии могут применяться структурированные и неструктурированные игры. Структурированные – это игры в семью (человеческую или животную); агрессивные (игрушечные солдатики, крокодил, резиновые ножи, дикие животные); игры с марионетками (кукольный театр и особенно тряпичные куклы или подушки цилиндрической формы по имени Бобо или Жу-жу и т. п.); строительные игры и коммуникативные, чтобы выражать конструктивные и деструктивные намерения и коммуникативные действия (телефон, машины, поезд, телеграф и т. п.).

Неструктурированные игры – это движения и упражнения на прыгание, лазание, игры с водой, песком и глиной, арттерапия (рисование пальцами, кистью, карандашами, мелками, различные листы бумаги), пластилин и т. п. Они будут способствовать самовыражению желаний детей и сублимации. Так малыши научатся выражать агрессивные чувства и переживания социально приемлемыми способами. Все детские психологи пишут, что после подвижных игр, в которых снимается напряжённость ребёнка, обязательно должны быть игры и релаксационные упражнения, такие, как: состояния покоя, «поспать», «поплавать на надувном матрасе» и т. п. Чередования движения и

покоя научит детей произвольно контролировать свое поведение, а значит и эмоциональное состояние[4; 6; 7; 9; 10].

М. Ю. Михайлина предлагает в качестве игр на коррекцию агрессивности и агрессивного поведения дошкольников целые игровые комплексы, где переплетаются структурированные и неструктурированные игры [8].

М. Н. Заостровцева и Н. В. Перешеина разработали целую коррекционную программу по данной проблеме, куда включаются и упражнения по коррекции детско-родительских отношений в семьях с агрессивными детьми [6, с. 660–102].

Т. П. Смирнова предлагает для коррекции детской агрессивности применять такие игры, как: наработка навыков конструктивного поведения через ролевую игру; игры, направленные на формирование позитивных навыков общения и конструктивных элементов поведения; игры на осознание своего внутреннего мира, а также чувств других людей и развитие эмпатии; игры на развитие позитивной самооценки и игры на обучение родителей приёмам эффективного конструктивного взаимодействия с агрессивными детьми [10, с. 48–148].

М. Э. Вайнер считает, что надо в игротерапии коррекции неконструктивного поведения применять такие игры, как: игры с правилами (игры-соревнования); длительные совместные игры; игры-драматизации; образно-ролевые игры; психотехнические раскрепощающие игры; коллективные дидактические игры; сюжетно-ролевые игры; русские народные игры [4, с. 75–95].

Н. А. Сакович утверждает, что для такой игротерапии необходимы игры с элементами моделирования, конструирования и трансформации, то есть активные, креативные игры и упражнения[9, с. 8–10].

Именно их мы применяли в своём социально-психологическом тренинге «Общение солнечными глазами твоей Души» [3]. Мы получили такие результаты: из 30 агрессивных дошкольников 5–7 лет снижение показателей физической агрессии произошло у 18,7% детей; снижение показателей вербальной агрессии – у 32,2%; улучшение способности к самоконтролю – у 19%; улучшение способности к прогнозированию последствий своего поведения – 22,5%, о чём автор статьи уже писал в своих предыдущих работах [3].

Таким образом, мы пришли к выводу в своём исследовании, что именно игротерапия, особенно групповая, как один из психотерапевтических методов психолога, который доступен на педагогическом уровне и для воспитателей, его ассистентов, может стать надёжным и эффективным методом воспитательной практики (психолого-педагогической) в плане коррекции агрессивности и агрессивного поведения дошкольников и развития их морально-духовной сферы.

Недаром Д. И. Писарев утверждал по этому поводу, что человеку надо может быть пройти целый курс нравственной гигиены, который кончится не тем, что человек приблизится к нравственному идеалу, а тем, что он сделается личностью.

Список литературы

1. Агрессия у детей и подростков : учеб. пособие / под.ред. Н. М. Платоновой. – СПб. : Речь, 2006. – 336с.

2. **Бреслав, Г. Э.** Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности : учеб. пособие для специалистов и дилетантов / Г. Э. Бреслав.– СПб. : Речь, 2007. – 144с.
3. **Бернацкая, Л. В.** Фольклортерапия как метод воспитательной практики в развитии дошкольников/ Л. В. Бернацкая // Наука и образование в современном мире, вызовы XXI века : мат. V Межд. научн.-практ. конф. (психологические науки), сб. научных статей. – Нур-Султан, 2019. – С. 76–79.
4. **Вайнер, М. Э.** Игровые технологии коррекции поведения дошкольников : учеб. пособие. / М. Э. Вайнер. – М. : Педагогическое общество России, 2004. – 96 с.
5. **Гарбузов, В. И.** От младенчества до отрочества: размышления врача о развитии и воспитании ребёнка / В. И. Гарбузов. – Л. : Интерполиграф-центр ; ЛО СФК, 1991. – 188с.
6. **Заостровцева, М. Н.** Агрессивность дошкольников: коррекция поведения / М. Н. Заостровцева, Н. В. Перешеина. – М. : Сфера, 2006. – 112с.
7. **Осипова, А. А.** Общая психокоррекция : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Осипова. – М. : Сфера, 2001. – 512 с.
8. **Профилактика детской агрессивности: теоретические основы, диагностические методы, коррекционная работа** / авт.-сост. М. Ю. Михайлина. – Волгоград : Учитель, 2009.– 116 с.
9. **Сакович, Н. А.** Игры в тигры : сборник игр для работы с агрессивными детьми и подростками. / Н. А. Сакович. – СПб. : Речь, 2007.– 208 с.
10. **Смирнова, Т. П.** Психологическая коррекция агрессивного поведения детей / Т. П. Смирнова. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 160 с.
11. **Спиваковская, А. С.** Профилактика детских неврозов / А. С. Спиваковская.– М. : Изд-во Москун-та, 1988. – 200 с.

Bernatskaya L. V.

Playtherapy as a method of educational practice in the correction of aggression and aggressive behavior of preschool children

The article highlights the theoretical and practical significance of the problem of research of psychological correction of early aggression and aggressive behavior of preschool children in kindergarten to develop their humanistic personal individuality using the method of play therapy. Author's recommendations are based on psychological and pedagogical experience, which is reflected in the theoretical works of domestic and foreign psychologists, as well as on the author's experience of work with preschool children. It is advised for psychology students, scientists, teachers and educators.

Key words: aggressiveness and aggressive behavior; the diagnostic function of play therapy; the therapeutic function of play therapy; the learning function of game therapy; structured and unstructured games; directive and non-directive play therapy; play complexes.

УДК: 173.1

Бугакова Татьяна Андреевна,
аспирант кафедры психологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
tatijana_bugakova@mail.ru

Ценностно-смысловые детерминанты брачных отношений в современных семьях

В статье автор проводит анализ ценностей и смыслов, характерных для современных семей, с высоким уровнем удовлетворенности браком. Приведены результаты эмпирического исследования и их интерпретация. Выявлены группы факторов, имеющие наибольшую взаимосвязь с высоким уровнем удовлетворенности браком.

Ключевые слова: семья, брак, брачно-семейные отношения, ценностно-смысловые детерминанты, ценностные ориентации, ценность семьи.

Семья традиционно считается основой любого общества. При этом состояние семьи является одновременно как следствием, так и причиной целого ряда процессов, происходящих в современном мире [2, с. 3]. Это и обуславливает значимость изучения темы, несмотря на многочисленные исследования в рамках различных наук: философии, психологии, педагогики, социологии, демографии и многих других.

Важность изучения темы также обусловлена тем, что институт семьи в современном мире претерпевает различные изменения, меняются семейные ценности, реализуются новые модели семейных отношений. На наш взгляд, в основе этих изменений лежат ценностно-смысловые факторы, и их изучение поможет понять, какие из изменений приводят к негативным последствиям, разрушая институт семьи и брака, а какие развивают брачно-семейные отношения.

На основании литературы, на сегодняшний момент нами был выделен ряд ценностей, которые, как мы предполагаем, являются наиболее значимыми в любой семейной группе: культурологические, эмоционально-чувственные, детско-родительские, социально-правовые, хозяйствственно-бытовые, материальные, интимно-сексуальные, внесемейные ценности.

Мы предполагаем, что эти ценностные детерминанты являются значимыми для любой семьи. При этом, вероятно, каждая из этих ценностей имеет разное значение для укрепления или разрушения семьи. Задача нашего исследования – выделить из этой группы те ценности, которые являются критериями здоровой семьи и способствуют ее укреплению.

С целью изучения данной темы нами было проведено эмпирическое исследование. В статье будут рассмотрены результаты, полученные с помощью анкеты и методики ЦТО (модифицированный вариант).

В нашу выборку вошли семьи с высоким уровнем удовлетворенности браком. Испытуемым было предложено оценить степень удовлетворенности своими брачно-семейными отношениями от 1 до 10. Для анализа были отобраны семьи с оценкой 8–10 баллов.

По результатам исследования нами был проведен факторный анализ, результаты которого позволили выделить 2 группы факторов.

В первый вошли такие ценности, как: отношение к детям, отношение к быту, семья как ценность, роль матери и отца, роль мужа и жены, отношение к мужу и жене, общность ценностей. Этот фактор был назван нами содержательным.

Второй фактор включает в себя: возраст супругов, стаж брачно-семейных отношений, возраст детей. Он был условно назван формальным.

Первый фактор составляет ценностно-смысловое содержание семьи. Рассмотрим более подробно ценности, которые вошли в содержательный фактор.

Первая детерминанта – отношение к детям, является одной из ведущих ценностей в первом факторе (коэффициент – 0,811). Таким образом, эта детерминанта имеет наибольший вес среди всех названных ранее в первом факторе. Исходя из этого, мы предполагаем, что семья является здоровой, если существует позитивное отношение к детям (отметим, однако, что корреляции с наличием и количеством детей выявлено не было). Таким образом, именно отношение к детям является связующей ценностью для брачно-семейных отношений и выступает в качестве фактора, скрепляющего семью.

В выделенном нами содержательном факторе важное место отводится хозяйствственно-бытовой сфере (коэффициент 0,800). Значимость этой детерминанты подтверждается и другими исследованиями [3].

На наш взгляд, такая важная роль бытовой сфере в семейных отношениях может отводиться в силу того, что быт понимается в широком смысле. То есть, респонденты вкладывают в это понятие не только распределение бытовых ролей как таковых, но рассматривают свой дом как ценность, как место построения совместной семейной жизни.

Содержательно хозяйственно-бытовая детерминанта взаимосвязана с общностью ценостной сферы, отношением супругов друг к другу и отношением к детям, отношением к своей семье как к ценности.

Кроме того, мы выявили, что значимость хозяйственно-бытовой сферы отрицательно коррелирует с возрастом. Это связано, как мы предполагаем, с возрастанием с возрастом критичности по отношению к оценке своего вклада в бытовую сферу каждым из супружеских пар.

Следующая детерминанта – «Семья как ценность». Нами было выявлено, что испытуемые, удовлетворенные браком, определяют свою семью как безусловную ценность, выделяя семью в структуре своих личностных ценностей одно из наиболее значимых мест (коэффициент в первом факторе – 0,754).

Ценности, следующие по степени выраженности, относятся ролям, исполняемым в брачно-семейных отношениях: «роль отца или матери» (коэффициент в 1 факторе – 0,761) и «роль мужа и жены» (коэффициент – 0,734).

Роль отца и матери была и остается одной из важнейших в структуре брачно-семейных отношений (коэффициент в факторном анализе 0,738). Она состоит в удовлетворении индивидуальных потребностей в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях [5, с. 9]. При этом мы можем предположить, что такая выраженная значимость отно-

шения к роли исходит не только из содержания семейных ценностей, таких как отношение к детям, но также из социальной желательности, т. е. потребности в социальном одобрении.

Следующий фактор – оценка себя в роли мужа/жены (0,720).

По результатам нашего исследования роль мужа и жены в структуре брачно-семейных ценностей также играет ключевую роль. На данный момент исследователи указывают, что модель традиционной семьи уступает место эгалитарной семье. По мнению некоторых авторов, это может быть причиной кризисных явлений, происходящих в современной семье.

На наш взгляд, более важным в этом факторе является не само по себе распределение ролей, а умение распределить эти роли в каждой конкретной семье. В семьях, удовлетворенных браком, это осуществляется благодаря эмоционально-положительному отношению к супругу или супруге ($r=0,621$), общности ценностей между супругами ($r=0,443$). Благодаря корреляционному анализу мы также выявили, что важными факторами при распределении ролей в семьях является отношение супруга/супруги к детям ($r=0,455$) и вклад супругов в материальное обеспечение семьи ($r=0,535$).

Отношение к мужу или жене является также одной из детерминант удовлетворенности брачно-семейными отношениями (коэффициент в факторном анализе 0,621). В целом отношение к мужу или жене – это сложное по структуре понятие, включающее целый ряд ценностей. Оно основывается на отношении второго супруга и связано с общностью ценностей, с пониманием семьи как ценности, с особенностями распределения ролей мужа и жены в семье, с ролями отца и матери, с отношением обоих супругов к детям и к бытовой сфере.

Следующая детерминанта в первом факторе – это «Общность ценностей» (коэффициент в первом факторе 0,537).

Нами было выявлено, что супруги в брачно-семейных отношениях придают большое значение общности ценностей. Взаимосвязь удовлетворенности браком и согласованности ценностно-смысовых ориентаций супружеских пар подтверждается многочисленными исследованиями. Полученные нами результаты и результаты исследований других авторов указывают, что отсутствие согласованности семейных ценностей может привести к глубинной дестабилизации брака и к разводу, несмотря на благополучные отношения в других факторах, например, в факторе вне семейных ценностей, экономическом или интимно-сексуальном и т. д. [4, с. 118].

Кроме того, исследования подтверждают, что в более благополучных парах ценностные ориентации со временем сближаются, в то время, как различие и последующее удаление ценностных ориентаций в большей степени свойственно дисфункциональным, в целом менее благополучным семьям [1, с. 221].

Анализ результатов нашего исследования также позволил нам выделить второй фактор, в который вошли: возраст супружеских пар, стаж брачно-семейных отношений, возраст детей. Однако первичное значение все же приобретают ценностно-смысовые детерминанты. Если ценности едины, то со временем это единство усиливается. В свою очередь, различие важнейших ценностей также имеет тенденцию усиливаться времененным фактором.

Проводя дальнейший анализ полученных результатов, мы решили посмотреть, как выделенные нами ценности связаны друг с другом и какие из них имеют наибольшую значимость по результатам корреляционного анализа. Мы предположили, что такой ценностью должно быть «Отношение к детям», так как именно эта ценность имеет наибольший вес в факторном анализе.

Мы составили корреляционные плеяды, чтобы проверить это предположение, что позволило нам выявить главные корреляты всех основных семейных ценностей. К ним относятся следующие:

1. Первая группа – отношение к детям, отношение к мужу/жене, отношение к быту – составляет основное содержание семьи. Таким образом, в структуре семьи – это самые значимые ценности.

Далее, в порядке уменьшения значимости, выражены следующие ценностно-смысловые детерминанты:

2. Общность ценностей.
3. Отношение к роли отца/матери.
4. Отношение к роли мужа/жены.
5. Семья как ценность.

Семья как ценность включает в себя ценности первой группы: отношение к детям, отношение к мужу/жене, отношение к быту. Исходя из этого, отношение к семье как к ценности является интегрирующим понятием. Оно объединяет все содержательные характеристики. Кроме названных ценностей в понятие «наша семья» также входят: традиции, совместное время с семьей, праздники в кругу семьи (рис. 1).

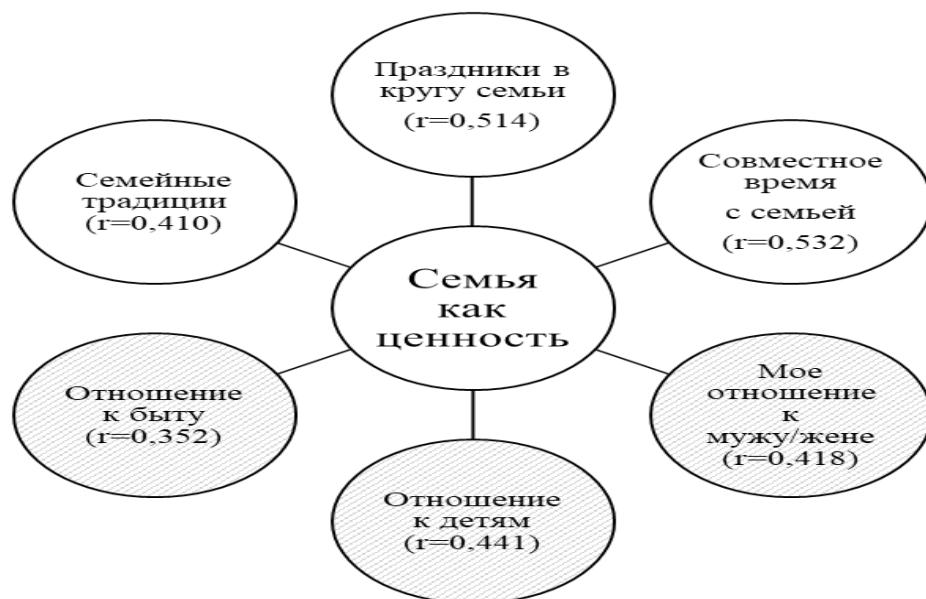

Рис. 1. Корреляционный анализ детерминанты «Семья как ценность»

Отметим, что в литературе в последнее время все чаще можно встретить критику традиционной модели семьи. Авторы зачастую указывают на то, что

такая модель семьи устарела и не отвечает требованиям современности, а на смену ей приходит семья современного типа.

Результаты нашего исследования подтверждают, что традиционная семья по-прежнему остается актуальным типом брачно-семейных отношений. Традиции в современном мире играют не меньшую роль, чем раньше.

Таким образом, по результатам проведенного исследования мы смогли выделить основные детерминанты брачно-семейных отношений и определить содержание первостепенных ценностей, входящих в понятие благополучная семья. Основное смысловое содержание семьи составляет группа ценностей: отношение к детям, мое отношение к мужу/жене, отношение к быту.

Следующие по уровню значимости: общность ценностей, отношение к роли отца/матери, отношение к роли мужа/жены и семья как ценность.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на изменения, которые претерпевают брачно-семейные отношения в современном мире, в основе гармоничного, счастливого, устойчивого брака заложены базовые, традиционные ценности, которые и сегодня остаются актуальными для семьи.

Список литературы

1. Карпова, В. М. Близость ценностных ориентаций супругов в брачной паре и факторы, ее определяющие [Текст] / В. М. Карпова, Д. В. Марушкина // Социология. – 2019. – №6. – С. 219–232.
2. Ковалева, А. В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Анна Владимировна Ковалева. – Хабаровск, 2009. – 23 с.
3. Отношение к бракам и разводам: мониторинг [Электронный ресурс] / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring>, свободный. (Дата обращения: 07.04.2022 г.)
4. Твердоступ, К. Г. Система семейных ценностей супругов как фактор удовлетворенности браком [Текст] / К. Г. Твердоступ // Наука и современность. – 2014. – №33. – С. 116–121.
5. Эйдемиллер, Э. Г. Семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий. – М. : Медицина, 1987. – 192 с.

Bugakova T. A.

Value-semantic determinants of marital relations in modern families

The article conducts an analysis of the values and meanings characteristic in modern families, with a high level of satisfaction with marriage. The results of empirical research and their interpretation are presented. Groups of factors that have the greatest relationship with a high level of satisfaction with marriage have been identified.

Key words: family; marriage; value-semantic determinants, value orientations, the value of the family.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

УДК 519.852-021.321

Дюбо Елена Николаевна,
ст. препод. кафедры высшей математики
и методики преподавания математики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dyubo_elena@mail.ru

Особенности решения задач линейного программирования на активном множестве

Статья посвящена изучению и систематизации основных свойств двойственных оценок, полученных для оптимизационных задач планирования на активном множестве, с целью выявления направлений повышения эффективности экономических планов.

Ключевые слова: задача линейного программирования, эффективность плана, двойственная оценка, активное множество.

Одним из этапов построения задачи линейного программирования будет проверка на чувствительность ее оптимального решения к определенным изменениям исходной модели. Чаще всего для этих целей используют двойственные оценки, которые будут отличаться на активном и пассивном исходном множестве, и, как следствие, приводят к разным решениям.

В литературных источниках [1; 2; 4] отражаются вопросы анализа свойств плановых решений, полученных по динамическим оптимизационным моделям, что позволяет разработать более эффективную систему управления их реализацией. Актуальность изучения динамических характеристик моделей требует дальнейшей теоретической разработки данного направления.

Цель статьи – изучение и систематизация основных свойств двойственных оценок, полученных для оптимизационных задач планирования на активном множестве с целью выявления направлений повышения эффективности плана.

Постановка задачи. Согласно положениям экономической теории в экономике действуют стойкие количественные закономерности, поэтому существует возможность их строгого формализованного математического описания как сложной системы. Для изучения различных явлений и процессов экономисты используют упрощенные описания – экономические модели.

Само по себе использование математических моделей и методов в экономике позволяет выделить и формально описать наиболее важные, существенные связи экономических переменных и объектов, а также получить новую информацию, оценить возможные последствия воздействия на них и использу-

зовательные оценки при планировании и управлении экономической деятельностью.

Современные условия развития национальных экономических систем предполагают разработку, внедрение и использование экономических планов как моделей намечаемого будущего состояния систем. При этом учитывается динамичность развития и протекания процессов, что существенно усложняет планирование лишь на основе текущей имеющейся информации. План необходимо уже рассматривать как динамичную сложную систему, которая на основе фиксированных и прогнозируемых показателей определяет пути и способы достижения желаемых результатов, необходимые для этого ресурсы и их затраты.

Одной из основных качественных характеристик плана будет его эффективность, т.е. результативность, определяемая как отношение эффекта или результата к затратам, расходам, обеспечившим его получение. Показателями эффективности могут выступать рентабельность, прибыль, окупаемость и т. д., которые с изменением условий реализации не всегда будут соответствовать плановым ожиданиям. Возникает проблема устойчивости показателей эффективности плановых решений.

Разрешение данного вопроса зависит от степени адекватности отражения состояния планируемой системы, учета структуры, механизма функционирования и взаимодействия компонент, возможности управлять ими. Оптимальным будет такой план, который возникнет как результат целенаправленного выбора значений параметров и характеристик системы из множества возможных, позволяющих достичь наивысшего результата при минимальных ресурсных затратах.

Исходные множества объектов, технологий, способов функционирования, параметров в некоторой степени определяются состоянием и перспективами развития НТП, географической, внешнеполитической средой и т. д. Кроме того, их условно можно поделить на пассивные (не меняют границ и структуры при изменении системы ограничений) и активные (множество элементов обновляется другими при изменении внешних условий).

Изучение такого рода динамической системы (плана) возможно через построение и реализацию модели в форме задачи линейного программирования, в которой целевая функция, связи и ограничения выражены в виде линейных соотношений. Существует множество способов решения подобных задач: графический, симплексный метод и т. д.

Каждой задаче линейного программирования соответствует двойственная ей задача, разрешение которой в форме компонент оптимального решения дает двойственные оценки исходной задачи. Данные оценки могут служить инструментом анализа и принятия правильных решений в условиях меняющегося производства.

Все известные положения двойственности [3] доказаны для пассивных исходных множеств, для активных же существует обратная связь между объективными оценками решения задачи и компонентами исходного множества.

На основе решения двойственных задач получают оценки как отражение результата взаимодействия целевой функции и ограничений на ресурсы.

Поэтому динамика изменения границ исходного множества будет отражаться и через влияние системы оценок. Например, под влиянием системы технического развития совершенствуются способы производства, организационные решения, другими словами система оценок создает возможность формирования и стимулирования активного управления в оптимизационных задачах планирования.

Решение задачи. Рассмотрим задачу линейного программирования, сформированную на пассивном исходном множестве. Для этого введем обозначения x_j , $j = 1, n$ - количество продукции j -го вида. Тогда ограничения на расходование сырья (S) и на объемы выпуска продукции (P) будут иметь вид:

$$\sum_{j=1}^n \bar{a}_{ij} x_j \geq P_i, \quad i = 1, t';$$

$$\sum_{j=1}^n a_{ij} x_j \leq S_i, \quad i = t', t, \dots,$$

где \bar{a}_{ij} - коэффициент выпуска i -го продукта, a_{ij} - коэффициент расхода i -го ресурса.

Целевая функция, определяющая максимум прибыли, примет вид:

$$Z_{\max} = \sum_{j=1}^n c_j x_j \rightarrow \min;$$

$$x_j \geq 0, \quad j = 1, n.$$

Соответствующая ей двойственная задача

$$\sum_{i=1}^{t'} \bar{a}_{ij} y_i - \sum_{i=t'}^t a_{ij} y_i \leq c, \quad j = 1, n;$$

$$Z_{\min} = \sum_{i=1}^{t'} P_i y_i - \sum_{i=t'}^t S_i y_i \rightarrow \max;$$

$$y_i \geq 0.$$

Необходимо обратить внимание, что величина целевой функции двойственной задачи для оптимального плана по своему содержанию должна быть положительной, т. е. выручка от производства продукции должна покрывать затраты, связанные с производством. Оптимальное решение такой задачи существенно зависит от реальных экономических ситуаций, складывающихся на предприятии, влияние которых можно получить в ходе проведения экономико-математического анализа модели на чувствительность.

Рассмотрим поведение плана как системы на активном множестве параметров, что позволит придать модели некоторую динамичность, проанализировать влияние возможных изменений исходных условий на полученное ранее оптимальное решение.

Введем новые переменные z_j , q_i , \bar{a}_{ij} :

$$z_j = c_j x_j$$

$$q_i = \begin{cases} P_i y_i & (i = 1, \bar{t}'); \\ S_i y_i & (i = \bar{t}', t) \end{cases}$$

$$\alpha_{ij} = \begin{cases} \frac{\bar{a}_{ij}}{P_i c_j} & (i = 1, \bar{t}'); \\ \frac{\bar{a}_{ij}}{S_i c_j} & (i = \bar{t}', t), \end{cases}$$

где z_j - затраты на j -ый продукт, c_i - удельные затраты ресурса на единицу продукта; q_i - оценки заданного количества требуемой i -той продукции и заданного количества поставляемого i -того ресурса.

При этом затраты z_j сопоставимы между собой и выражают интенсивности затрат. Данные двойственные оценки показывают, насколько возросло бы значение целевой функции, если бы объем данного ресурса или продукта увеличился на 1 ед. Расходные коэффициенты α_{ij} для $i = 1, \bar{t}'$ характеризуют удельные выпуски i -той продукции на единицу затрат j -го способа (волях величины P), а для $i = \bar{t}', t$ - удельные затраты i -того ресурса, потребляемого при j -м способе (волях величины S).

В этом случае прямая и двойственная задача примут вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_j z_j = Z \rightarrow \min \\ \sum_i \alpha_{ij} z_j \geq 1, \quad i = 1, \bar{t}' \\ \sum_j \alpha_{ij} z_j \leq 1, \quad i = \bar{t}', t \\ z_j \geq 0, \quad j = 1, \bar{n} \end{array} \right. \quad \left\{ \begin{array}{l} \sum_{i=1}^{\bar{t}'} q_i - \sum_{i=\bar{t}'}^t q_i = Q \rightarrow \max \\ \sum_{i=1}^{\bar{t}'} \alpha_{ij} q_i - \sum_{i=\bar{t}'}^t \alpha_{ij} q_i \leq 1 \\ q_i \geq 0 \\ i = 1, \bar{t}, \quad j = 1, \bar{n} \end{array} \right.$$

При заданных ограничениях в пространстве оценок q_i будет существовать область допустимых планов, которая для пассивных множеств будет однозначно ограничена, а для активных такое ограничение будет представлять собой лишь некоторое возможное исходное состояние системы. При изменении первоначальных данных происходит деформация ограничивающей области, которая может быть направленной с целью достижения роста эффективности плановых решений.

Реализация задачи на активном множестве позволяет выделить основные направления воздействий и условия, позволяющие целенаправленно изменить исходный план, обеспечивая наилучшее решение:

1. Активные воздействия на абсолютные значения параметров a_{ij} , c_{ij} , P_i , S_i предпочтительнее для компонент с высокими оценками y_i и для способов с высокими интенсивностями x_j . Необходимо учитывать, что возможно изменение параметров как внутри системы (например, a_{ij}), так и во внешней среде (например, P_i), т.е. анализ оптимального решения будет усложняться рассмотрением системы во взаимосвязи со средой. При этом считается, что основные направления управления системой должны быть сосредоточены на ее входах и выходах, а не на внутренней структуре.

2. Аbsolute значения параметров в некоторых случаях могут изменяться неравнозначно, поэтому для их выбора необходимо сравнивать коэффициенты эластичности.

3. Воздействия на параметры, относящиеся к продукции, предпочтительнее воздействий на параметры ресурсов (для обеспечения достижения максимума целевой функции).

Таким образом, задачи оптимального планирования на активных исходных множествах отличаются от эквивалентных задач на пассивных множествах тем, что можно целенаправленно изменять исходные ограничения, преобразовывать ранее неэффективные способы исходного оптимального плана в эффективные.

Выводы. Выполненное исследование позволило получить лишь направления, по которым можно воздействовать на компоненты системы с целью повышения эффективности плана. При этом не учитывались изменения показателей затрат, связанные с переходом к новому ресурсу или привлечением дополнительных, что отразится на значении целевой функции, поскольку задача линейного программирования на активном множестве имеет несколько направлений и путей решения.

Список литературы

1. Бережная, Е. В. Математические методы моделирования экономических систем / Е. В. Бережная, В. И. Бережной. – М. : Финансы и статистика, 2002. – С. 235–250.
2. Замков, О. О. Математические методы в экономике / О. О. Замков, А. В. Толстопятенко, Ю. Н. Черемных. – М. : Дело и Сервис, 2001. – С. 130–134.
3. Полякова, О. Ю. Моделирование системных характеристик экономики / О. Ю. Полякова, А. В. Милов. – Харьков : Инжэк, 2004. – С. 176–195.
4. Taxa, X. Введение в исследование операций: В 2-х т. / X. Taxa. – М. : Мир, 1985. – С. 99–121.

Dyubo E. N.

Features of solving linear programming problems on an active set

The article is devoted to the study and systematization of the main properties of dual estimates obtained for planning optimization problems on the active set, in order to identify ways to improve the efficiency of economic plans.

Key words: linear programming problem, plan efficiency, dual estimate, active set.

УДК 53.087.4: 53.082.6

Нечаев Денис Викторович,
ст. лаборант кафедры
физики и методики преподавания физики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
denis_nechaev_3@mail.ru

Техтелев Юрий Владимирович,
зав. лабораторией кафедры
физики и методики преподавания физики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
tehtelev@gmail.com

Особенности калибровки узлов механического дилатометра

В работе рассматриваются аспекты градуировки механического дилатометра на базе платформы Arduino. Подробно описаны особенности получения показаний с основных узлов устройства. Результатом исследования стало получение основных градуировочных зависимостей для проведения достоверных измерений.

Ключевые слова: дилатометр, температура, градуировка, LVDT-датчик.

Практически во всех современных отраслях технологий и техники, использующих точное сопряжение деталей в условиях с изменением температурного режима, необходим учёт теплового расширения. Исследования теплового расширения позволяют получать сведения о силах, действующих между атомами, а также оценивать анизотропию и ангармонизм межатомного взаимодействия в твёрдых телах. Точные измерения температурного коэффициента линейного расширения (ТКЛР) необходимы также при фундаментальных исследованиях, например, образования точечных дефектов или фазовых превращений в физике твёрдого тела. ТКЛР играет важную роль при решении вопросов прикладного характера, в частности, изучении возможностей применения новых конструкционных материалов с заданными свойствами, соединений материалов с различными ТКЛР, а также материалов, работающих в сложных температурных условиях.

В настоящее время существует большое количество отечественных и зарубежных экспериментальных установок для проведения дилатометрических измерений [1–3]. При этом стоимость подобных решений измеряется десятками тысяч долларов, что является, в силу текущих экономических трудностей, неприемлемым для подавляющего большинства отечественных исследователей. На базе лаборатории кафедры физики и методики преподавания физики Луганского государственного педагогического университета ранее был разработан и сконструирован механический дилатометр на базе платформы Arduino [4]. Перед введением его в работу предстояло провести проверку всех систем, калибровку и настройку всех измерительных узлов. Об особенностях проделанных работ и будет рассказано в данной статье.

Основными измерительными узлами собранного дилатометра являются:

- 1) индукционный датчик, а именно LVDT (Linear Variable Differential Transformer);
- 2) термистор (термосопротивление);
- 3) термопара.

LVDT-датчик ввиду принципа своей работы [4] имеет ряд особенностей. На рис. 1а показано, как изменяется амплитуда дифференциального выходного напряжения E_{OUT} в зависимости от положения ядра внутри сердечника. Максимальное значение E_{OUT} обычно достигает нескольких вольт. Угол сдвига фаз выходного напряжения E_{OUT} относительно первичного напряжения остается постоянным вплоть до нулевой позиции, при пересечении которой сдвиг фаз изменяется на 180 градусов (рис. 1б). Сдвиг фазы можно использовать для определения направления движения относительно нулевой позиции при преобразовании сигнала переменного тока электронным модулем. Тогда выходной сигнал последнего будет иметь вид, как показано на рис. 1в. В данной установке просто сравниваются сигналы вторичных обмоток, что позволяет понять в какой части графика на рис. 1а находится сейчас сердечник.

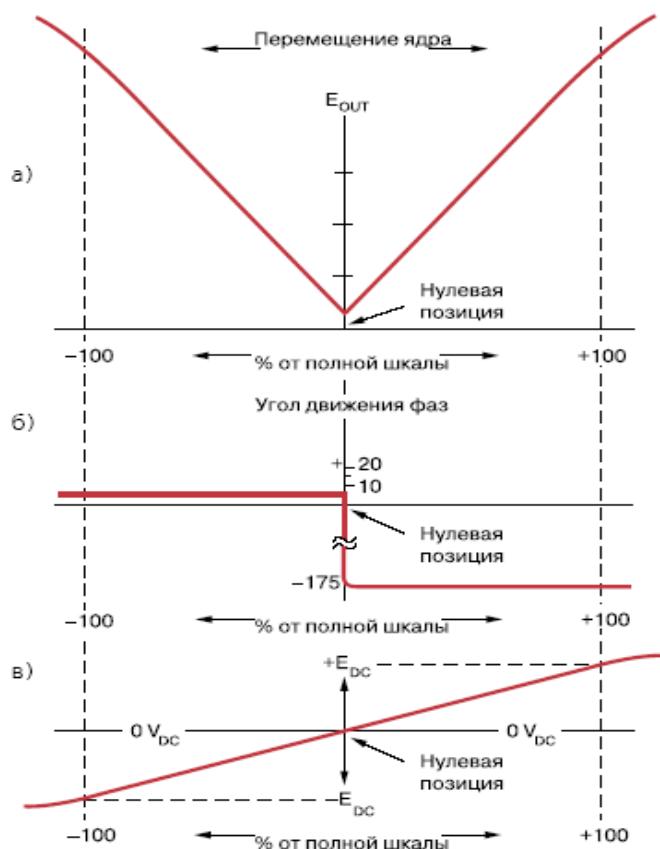

Рис. 1. Параметры сигнала LVDT-датчика: а) – дифференциальное напряжение; б) – сдвиг фазы дифференциального напряжения относительно первичного напряжения; в) – знакопеременный выходной сигнал постоянного тока.

Ввиду того, что реально созданный LVDT-датчик не может похвастаться идеальными прямыми, как на рис. 1а, а также того, что аналого-цифровой преобразователь (АЦП), который измеряет напряжение, имеет неидеальные линейные характеристики, требуется проведение градуировки такой связки во всем диапазоне измерений. Такая процедура была произведена с помощью микровинта держателя точностью до 1 мкм и была получена следующая зависимость напряжения от перемещения (рис. 2).

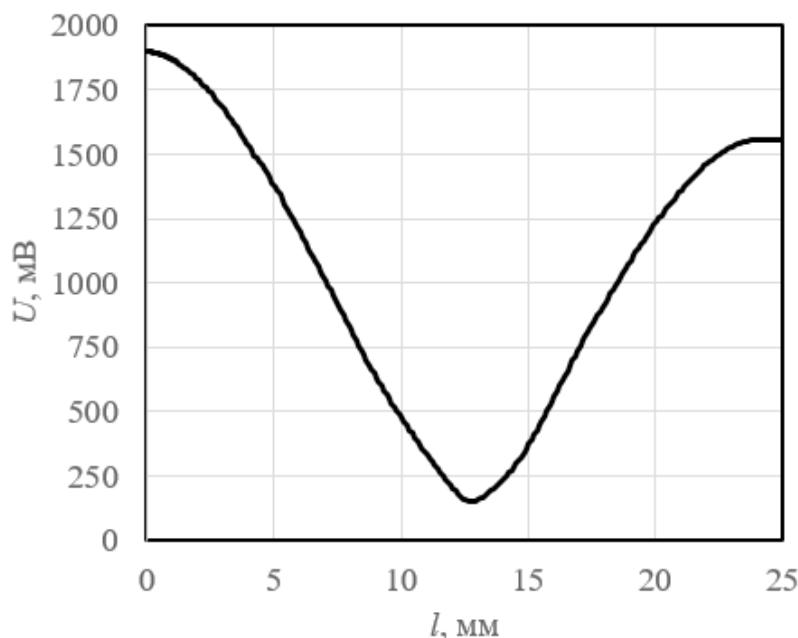

Рис. 2. Зависимость напряжения на LVDT-датчике от линейного перемещения

Как можно заметить, в центральном положении сердечника напряжение на выходе далеко от нуля, что связано, скорее всего, с разной индуктивностью вторичных обмоток. Также, немаловажным показателем для датчика является наклон ветвей на графике: чем резче подъем, тем большую разрешающую способность он может обеспечить. Поэтому участки по краям графика, а также центральная часть (± 1 мм) не могут быть задействованы в измерениях.

В результате калибровки были выявлены следующие характеристики LVDT-датчика:

- максимальное разрешение датчика: 180 мВ/мм;
- минимальная возможная цена деления датчика, которая ограничена разрешением АЦП: 0,22 мкм;
- цена деления датчика (реальная), которая ограничена процедурой калибровки: 1 мкм;
- максимальная длина хода штока: 25 мм;
- предельные размеры измеряемого образца: 10 мм высотой и 10 мм в диаметре;

– минимальное значение ТКЛР для предельного размера образца: $10 \cdot 10^{-6} \text{ К}^{-1}$.

Благодаря таким характеристикам, имеется возможность измерения высоты образца до нагрева, а также использования в исследованиях материалов с ТКЛР стали и выше.

В современных устройствах для контактного измерения температур зачастую используются термопары и термисторы. Каждый из них имеет свои области применения и характеристики.

Для контроля температуры холодного спая термопары было решено использовать «бусинковый» NTC (Negative Temperature Coefficient) термистор ($R = 10 \text{ кОм}$ при 25°C). Одним из существенных недостатков таких термисторов, как температурных датчиков, является то, что они не взаимозаменяемы и требуют индивидуальной градуировки. Не существует стандартов, регламентирующих их номинальную характеристику сопротивление — температура. «Дисковые» термисторы могут быть взаимозаменяемыми, однако при этом лучшая допускаемая погрешность не менее 0.05°C в диапазоне от 0 до 70°C .

Температура с термосопротивлений рассчитывается по уравнению Стейнхарта–Харта:

$$\frac{1}{T} = A + B \ln(R) + C [\ln(R)]^3,$$

где T – температура, К; R – сопротивление, Ом; A , B , C – константы термистора, определённые при градуировке в трёх температурных точках, отстоящих друг от друга не менее, чем на 10°C .

Процедура калибровки была произведена с точностью до 0.1°C в диапазоне температур от 0 до 50°C . Термистор был погружен в воду со льдом, которая подогревалась в течение часа. Сопротивление датчика измерялось непосредственно АЦП микроконтроллера Arduino. После этого были определены константы термистора и построена зависимость температуры от сопротивления (рис. 3):

$$A = 1.48801 \cdot 10^{-3}, B = 1.73399 \cdot 10^{-4}, C = 3.36436 \cdot 10^{-7}.$$

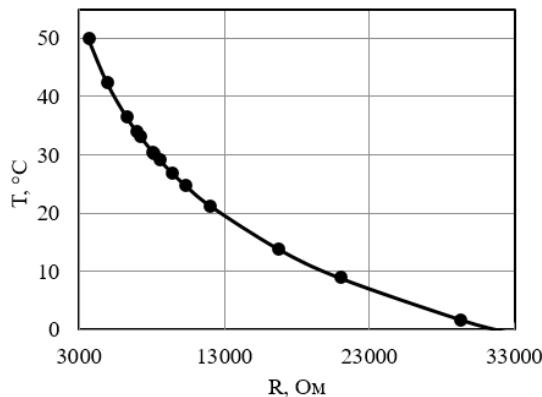

Рис. 3. Зависимость температуры от сопротивления термистора (точки – измерения, кривая – построенная зависимость Стейнхарта–Харта)

Для измерения температуры в нагревателе было решено использовать термопару (хромель-копель) с активным горячим и холодным спаем с рабочим диапазоном от -253 до $+800$ $^{\circ}\text{C}$. Для грубых измерений ($\pm 5\text{--}10$ $^{\circ}\text{C}$) предполагается, что зависимость термоэлектродвижущей силы (ТЭДС) для данного типа термопары должна быть почти линейной и составлять порядка 70–80 мкВ/ $^{\circ}\text{C}$. Также не гарантируется линейность измерения ТЭДС с помощью АЦП. Поэтому была произведена градуировка термопары $T(U)$ в диапазоне температур от 20 до 210 $^{\circ}\text{C}$ (рис. 4) с точностью до 1 $^{\circ}\text{C}$. Горячий спай термопары был погружен в песок, который постепенно нагревался в течение двух часов. При этом температура холодного спая контролировалась ранее проградуированным термистором.

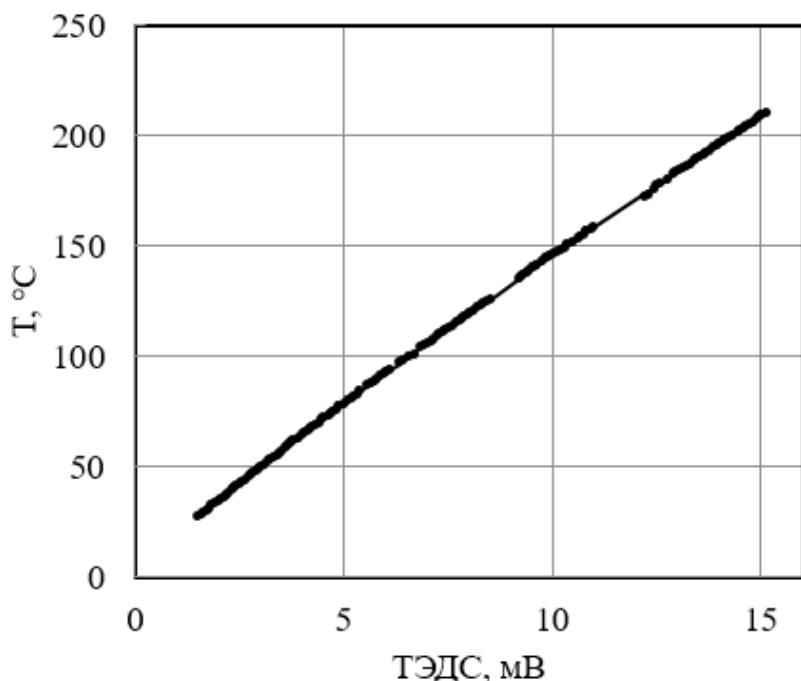

Рис. 4. Зависимость температуры от ТЭДС термопары (точки – измерения, кривая – аппроксимация полиномом 5-го порядка)

Следует заметить, что вышеприведенная зависимость будет справедлива только при температуре холодного спая при 0 $^{\circ}\text{C}$. Для обхода этого ограничения следует воспользоваться следующим алгоритмом:

- 1) получить значение температуры с термистора;
- 2) определить по кривой зависимости $U(T)$ какому ТЭДС $U_{\text{хол}}$ это соответствует;
- 3) получить значение ТЭДС U с термопары;
- 4) вычислить ТЭДС горячего спая $U_{\text{гор}}$ по формуле $U_{\text{гор}} = U - U_{\text{хол}}$;
- 5) определить по кривой зависимости $T(U)$ реальную температуру горячего спая.

Данный алгоритм был также учтен нами в [4].

Произведенная правильная градуировка измерительных узлов любых исследовательских приборов позволяет гарантировать правильность показаний и заявленную точность измерений. Для механического дилатометра данная процедура позволяет перевести это устройство из разряда проекта к разряду программно-аппаратного комплекса дилатометрических измерений.

Список литературы

1. Шарипов, И. З. Дилатометр для измерения теплового расширения образцов малых размеров / И. З. Шарипов, Х. Я. Мулюков // Вестник УГАТУ. Электроника, измерительная техника, радиотехника и связь. – Уфа, 2011. – Т. 15. – № 3 (43). – С. 109–111.
2. Бриндли, К. Измерительные преобразователи : справочное пособие / К. Бриндли – М. : Энергоатомиздат, 1991. – 113 с.
3. Волков, Д. П. Приборы и методы для измерения теплофизических свойств веществ : методические указания к лабораторным работам по курсу «Теплофизические свойства веществ» / Д. П. Волков, В. А. Кораблев, Ю. П. Заричняк – СПб. : СПб ГУ ИТМО, 2006. – 66 с.
4. Техтелев, Ю. В. Механический дилатометр на базе платформы Arduino / Ю. В. Техтелев, Д. В. Нечаев // Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. – Луганск : Книта, 2021. – № 1 (57): Серия 5. Гуманитарные науки. Технические науки. – С. 86–93.

Nechaev D. V.,
Tehtelev Yu. V.

Peculiarities of calibration of mechanical dilatometer assemblies

The paper discusses aspects of the calibration of a mechanical dilatometer based on the Arduino platform. The features of obtaining readings from the main components of the device are described in detail. The result of the study was to obtain the main calibration dependencies for reliable measurements.

Key words: dilatometer, temperature, calibration, LVDT sensor.

УДК 53.08:535.016

Черняков Валентин Евгеньевич,
студент 2 курса магистратуры
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nitnelav99@yandex.ru

Техтелев Юрий Владимирович,
зав. лабораторией кафедры
физики и методики преподавания физики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
tehtelev@gmail.com

Кара-Мурза Светлана Витольдовна,
канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры физики и
методики преподавания физики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
skaramurza@gmail.com

Тихий Александр Александрович,
канд. физ.-мат. наук,
докторант кафедры химии и биохимии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ea0000ffff@mail.ru

Методы решения обратной задачи эллипсометрии

В статье рассматриваются методы обработки результатов эллипсометрических измерений для исследований тонкослойных поглощающих и прозрачных покрытий различной структуры. Предложен модифицированный метод Малена-Ведама для определения оптических параметров поглощающих пленок. Для прозрачных пленок на прозрачных подложках предлагаются оптимизационные методы, основанные на минимизации целевой функции.

Ключевые слова: эллипсометрия, обратная задача, фаза, коэффициент пропускания.

Эллипсометрия – высокочувствительный метод оптических исследований поверхностей жидкостей и твердых тел.

При отражении эллиптически поляризованного света от поверхности твердого тела вследствие взаимодействия электромагнитного излучения с веществом параметры эллипса поляризации отраженной волны изменяются. Эти изменения характеризуются эллипсометрическими углами ψ и Δ , причем угол ψ определяет изменения амплитуд s - и p -составляющих электромагнитной волны при ее отражении, а угол Δ – разность изменений фаз этих составляющих. Углы ψ и Δ , являющиеся функциями длины волны λ и угла падения ϕ зондирующего излучения, толщин поверхностных слоев d_i ,

их показателей преломления n_i и коэффициентов экстинкции κ , оптических свойств подложки, связаны с амплитудными коэффициентами отражения $R^{(s)}$ и $R^{(p)}$ s - и p -поляризованных электромагнитных волн основным уравнением эллипсометрии

$$e^{i\Delta} \operatorname{tg}\psi = \frac{R^{(p)}}{R^{(s)}}. \quad (1)$$

В эллипсометрии возможна постановка двух задач – прямой и обратной (основной). Суть прямой задачи заключается в нахождении углов ψ и Δ по известным свойствам поверхности. Обратная задача заключается в восстановлении свойств исследуемой поверхности по значениям эллипсометрических углов, полученным экспериментально.

В статье будут рассмотрены несколько алгоритмов решения обратной задачи многоугловой отражательной эллипсометрии [1–2].

Первый метод – метод Малина-Ведама для покрытий с поглощением. Обратная задача эллипсометрии решается для модели однородного изотропного слоя, в общем случае поглощающего материала, нанесенного на однородное изотропное полупространство материала с другими свойствами. В этом случае коэффициенты отражения в (1) определяются соотношениями:

$$R^{(p,s)} = \frac{r_{12}^{(p,s)} + r_{23}^{(p,s)} e^{-2i\delta}}{1 + r_{12}^{(p,s)} r_{23}^{(p,s)} e^{-2i\delta}}, \quad (2)$$

где $r_{12}^{(p,s)}$ и $r_{23}^{(p,s)}$ френелевские амплитудные коэффициенты отражения p - и s -составляющих волн соответственно на границах воздух-пленка (12) и пленка-подложка (23). Множитель $e^{-2i\delta}$ определяет удвоенную фазовую толщину слоя

$$2\delta = \frac{4\pi}{\lambda} N_2 d_2 \cos\varphi_2, \quad N_2 = n_2 - i\kappa_2. \quad (3)$$

При этом уравнение (1) можно рассматривать как биквадратное относительно неизвестной величины $X = e^{-2i\delta}$. Дальнейшее решение выполняется по следующей схеме [1]:

- 1) для пары значений $n_2 = n_i$ и $\kappa_2 = \kappa_i$ из массива возможных ищутся решения $X_i = \rho_i e^{i\delta}$;
- 2) отбираются те из решений, которые обеспечивают затухание волны в материале пленки и для которых $\rho \leq 1$;
- 3) на диаграмме $n - k$ отражаются найденные решения, образующие номограмму, каждой точке которой соответствует свое значение толщины пленки;
- 4) процедура повторяется для других углов падения зондирующего излучения;

- 5) точка пересечения номограмм определяет истинные значения n_2 и κ_2 ;
 6) в соответствии с (3) определяется толщина пленки d_2 .

Разработанный в [1-2] алгоритм отличается от метода Малина-Ведама, основанного на отборе корней, обеспечивающих выполнение условия $\text{Im}\{d_2\} = 0$, большей точностью и возможностью определения порядка интерференции в том случае, когда $\text{Re}\{2\delta\}$ в (3) превышает половину длины волны.

Описанный способ решения обратной задачи эллипсометрии не позволяет определить реальную толщину прозрачных пленок, если их фазовая толщина превышает половину длины волны зондирующего излучения.

Второй метод – метод минимизации целевых функций. В большинстве случаев целесообразно применение оптимизационных методов, в основе которых лежит процедура минимизации определенным образом выбранной целевой функции

$$G(\Psi_i^{(e)}, \Delta_i^{(e)}, \Psi_i^{(c)}, \Delta_i^{(c)}, i = 1, 2, \dots, m).$$

Здесь индексами (e) и (c) обозначены экспериментальные и расчетные для заданных n , \hat{e} и d значения эллипсометрических углов, а m – число измерений при различных углах падения зондирующего излучения. Простейшая целевая функция имеет вид:

$$G = \sum_{i=1}^m \left(\frac{(\Psi_i^{(e)} - \Psi_i^{(c)})^2}{(\Psi_i^{(e)})^2} + \frac{(\Delta_i^{(e)} - \Delta_i^{(c)})^2}{(\Delta_i^{(e)})^2} \right). \quad (4)$$

Функция G вида (4) имеет множество локальных минимумов, причем в случае слабо поглощающих пленок эти минимумы практически неразличимы, а в случае сильно поглощающих – размыты настолько, что идентификация решения становится невозможной. Нами предложено включить в целевую функцию результаты измерений коэффициента пропускания T на длине волны эллипсометрических измерений [1–2]. Такая расширенная целевая функция имеет вид:

$$G' = m \frac{(T^{(e)} - T^{(c)})^2}{(T^{(e)})^2} + \sum_{i=1}^m \left(\frac{(\Psi_i^{(e)} - \Psi_i^{(c)})^2}{(\Psi_i^{(e)})^2} + \frac{(\Delta_i^{(e)} - \Delta_i^{(c)})^2}{(\Delta_i^{(e)})^2} \right). \quad (5)$$

Функция G' также характеризуется набором локальных минимумов, почти неразличимых для слабо поглощающих пленок. Однако совпадение минимумов для целевых функций G и G' позволяет судить о значениях искомых параметров.

Несмотря на громоздкость и трудоемкость вычислений, оптимизационные методы решения обратной задачи эллипсометрии являются практически единственным способом определения оптических параметров многослойных структур. Применение элементов метода градиентного спуска позволяет значительно ускорить нахождение минимума функций G путем уменьшения числа итераций вычисления.

Если электромагнитная волна падает из 0-вой среды на структуру, состоящую из N слоев, и выходит в $(N+1)$ -ую среду, то коэффициенты $R^{(p)}$ и $R^{(s)}$ в (1) определяются как компоненты матрицы рассеяния известными выражениями

$$R^{(p,s)} = \frac{S_{21}^{(p,s)}}{S_{11}^{(p,s)}} \quad \hat{S} = \left(\prod_{k=0}^{N-1} \hat{W}_{k,k+1} \hat{F}_{k+1} \right) \hat{W}_{N,N+1} \quad (6)$$

Следует отметить, что оптимизационные методы могут быть применены и в том случае, когда неизвестно и число слоев на поверхности.

Третий метод – метод решения обратной задачи эллипсометрии прозрачных пленок на прозрачных подложках. В основе метода лежат особенности зависимости углов ψ и Δ от угла падения φ : при $\varphi = \varphi_0$ (φ_0 – главный угол или угол псевдо-Брюстера) наблюдается минимум угла ψ и точка перегиба угла

Δ , причем $\Delta \varphi_0 = \pm\pi/2$ (рис. 1). Поэтому, как следует из (1), при $\varphi = \varphi_0$

$$\operatorname{Re} \left\{ \frac{R^{(p)}(\varphi_0)}{R^{(s)}(\varphi_0)} \right\} = 0. \quad (7)$$

Модель поверхности рассматривается как однородный изотропный слой материала с показателем преломления n_2 толщиной d на поверхности полу бесконечного однородного изотропного материала с показателем преломления n_3 . В этом случае обратная задача эллипсометрии сводится к решению квадратного уравнения относительно величины

$$X = \cos \alpha, \quad \alpha = \frac{4\pi}{\lambda} d \sqrt{n_2^2 - \sin^2 \varphi_0} + 2\pi m_0, \quad m_0 = 0, 1, 2, \dots \quad (8)$$

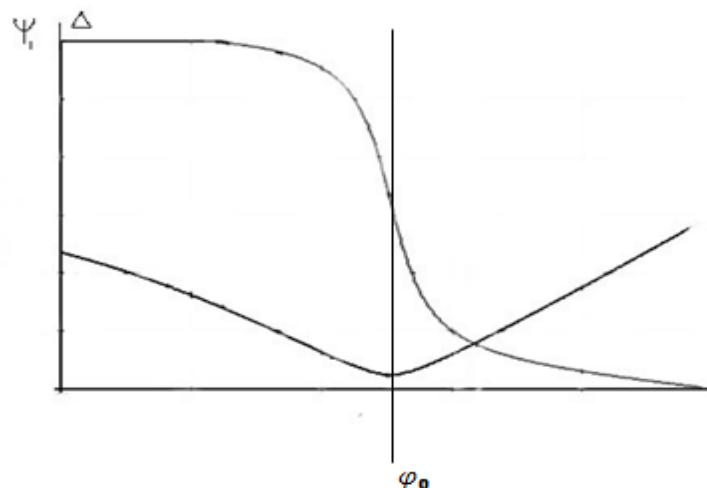

Рис. 1. Характерная зависимость углов ψ и Δ от угла падения φ

Корням уравнения $|X| \leq 1$ соответствуют значения аргумента

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha = \arccos X + 2\pi m_0, \text{ если } \operatorname{Im} \left\{ \frac{R^{(p)}(\varphi_0)}{E^{(s)}(\varphi_0)} \right\} = \frac{\pi}{2}, \text{ и} \\ \alpha = -\arccos X + 2\pi(m_0 + 1), \text{ если } \operatorname{Im} \left\{ \frac{R^{(p)}(\varphi_0)}{E^{(s)}(\varphi_0)} \right\} = \frac{3\pi}{2}, \quad (m_0 = 0, 1, 2, \dots). \end{array} \right. \quad (9)$$

$$(10)$$

Если фазовая толщина покрытия $d\sqrt{n_2^2 - \sin^2 \varphi_0} < \frac{\lambda}{2}$, то в выражениях (8)-(9) порядок интерференции $m_0 = 0$. Тогда в нулевом приближении назначается значение $n_{20} = \operatorname{tg} \varphi_0$, решается уравнение (7) и находится соответствующее значение $d^{(0)}$. Используя эти значения n_{20} и $d^{(0)}$ в качестве входных данных решается прямая задача эллипсометрии. Рассчитанные значения углов ψ_c и Δ_c для различных углов падения сравниваются с их экспериментальными значениями. Изменяя величину показателя преломления пленки, методом последовательных приближений определяются n_2 и d , обеспечивающие минимальные среднеквадратичные отклонения расчетных и экспериментальных значений эллипсометрических углов при различных углах падения зондирующего излучения.

Если $d\sqrt{n_2^2 - \sin^2 \varphi_0} > \frac{\lambda}{2}$, то возникает необходимость определения

порядка интерференции m_0 . Эта задача решается привлечением результатов спектральных измерений оптического пропускания (отражения). Дальнейшее решение обратной задачи осуществляется в соответствии с вышеописанным алгоритмом.

В заключение можно отметить, что все из предложенных методов решения обратной задачи эллипсометрии доказали свою применимость для исследования различных пленок на различных подложках [3-4].

Список литературы

1. Тихий, А. А. Особенности интерпретации результатов эллипсометрических измерений / А. А. Тихий [и др.] // Оптика и спектроскопия – 2012. – Т. 112. – № 2. – С. 329–334.
2. Тихий, А. А. Эллипсометрический метод определения оптических параметров тонкопленочных покрытий со сложной структурой / А. А. Тихий [и др.] // Оптика и спектроскопия – 2015. – Т. 119. – № 2. – С. 282–286.
3. Tikhii, A. A. Optical conductivity of LSMO films on Al_2O_3 substrates / A. A. Tikhii, etc. // Physica Status Solidi C. – 2013. – V. 10, No. 4. – P. 673–676.
4. Кара-Мурза, С. В. Структура и оптические характеристики пленок никобатов стронция-бария $\text{Ba}_{0.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Nb}_2\text{O}_6$ на кристаллических подложках Al_2O_3 / С.В. Кара-Мурза [и др.] // Оптика и спектроскопия. – 2019. – Т. 126, Б. 5. – С. 570–573.

Chernyakov V. E.,
Tehtelev Yu. V.,
Kara-Murza S. V.,
Tikhii A. A.

Methods for solving the inverse problem of ellipsometry

The article discusses methods for processing the results of ellipsometric measurements for studying thin-layer absorbing and transparent coatings of various structures. A modified Malen-Wedam method for determining the optical parameters of absorbing films is proposed. For transparent films on transparent substrates, optimization methods based on minimizing the objective function are proposed.

Key words: ellipsometry, inverse problem, phase, transmittance.

Технические науки

УДК 004.77:339.1

Швыров Вячеслав Владимирович,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
slsh@i.ua

Гвоздюкова Светлана Николаевна,
ассистент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
hvozdiukova@mail.ru

Категории рисков, связанных с киберпространством: характер убытков и бизнес-сектора

В данной статье представлены результаты анализа характера потерь от киберсобытий в различных категориях риска и секторах бизнеса. Используя ведущую отраслевую базу данных о киберсобытиях, мы оцениваем взаимосвязь между частотой и серьезностью отдельных событий и количеством записей, подтверждающих убыток. Мы обнаружили, что частота зарегистрированных событий значительно возросла в период с 2008 по 2020 год. Более того, частота и серьезность потерь зависят от сектора бизнеса и типа угрозы: наиболее значительные по количеству событий категории потерь были связаны с утечкой данных и несанкционированным раскрытием данных. Также мы обнаружили, что частота и серьезность потерь, связанных с киберрискаами, очень динамична и изменяется во времени.

Ключевые слова: киберриск, риск информационной безопасности, категории риска, бизнес-сектор, распределение с тяжелым хвостом.

Согласно недавней оценке, представленной в отчете о глобальных рисках Всемирного экономического форума [11], ожидается, что в отчете за 2021 год (который появится уже в апреле 2022 года) потери от киберрисков увеличатся до 6 триллионов долларов США. В связи с цифровизацией бизнеса и экономической деятельности посредством Интернета вещей (IoT), облачных вычислений, мобильных, блокчейн и других инновационных технологий, риск информационной безопасности является неотъемлемым и чрезвычайным. В целом, под киберриском (риском информационной безопасности) можно понимать любой риск финансовых потерь, нарушения деятельности или ущерба репутации организации из-за сбоя ее информационно-технологических (ИТ) систем, как это определено Институтом управления рисками (IRM) [7].

Целью исследования является изучение с эмпирической точки зрения взаимосвязи и динамики процессов потерь от киберрисков. Задачей является анализ частоты и серьезности последствий киберугроз в различных категориях риска информационной безопасности, а также секторах бизнеса.

Актуальность исследования подтверждается также тем, что статистический анализ растущего значения информационных угроз поможет разработать соответствующие стратегии управления рисками и поддержать инвестиции в их оптимальное снижение. Без адекватной количественной оценки рисков от различных категорий киберугроз для бизнес-секторов невозможно управлять выявленными рисками в пределах приемлемых уровней.

Основные проблемы анализа:

- отсутствие исторических данных; пример: в Австралии только в феврале 2018 года стало обязательным, чтобы организации, подвергшиеся утечке данных, сообщали подробную информацию об утечке данных [5];
- учитывая, что общепринятого определения и таксономии риска информационной безопасности не существует, то набор данных, содержащий единообразную и систематизированную информацию о тяжести и частоте событий, трудно найти и с ним трудно работать;
- доступ к национальным стандартизованным базам данных об убытках от реализованных рисков, являющихся открытыми, скучен и часто непомерно дорог;
- также закрытость данных объясняется тем, что предприятия и компании редко и неохотно сообщают о событиях, связанных с подобными рисками, чтобы избежать, помимо прочего, потери репутации и доверия со стороны своих контрагентов.

Одна из наиболее полных баз данных по убыткам от киберугроз представлена компанией Advisen [7]. Весь анализ был проведен, используя данные этой базы.

Сегодня понятие киберриска на законодательном уровне не существует. Часто это понятие отождествляют с понятием угрозы, где угроза информационной безопасности – это потенциально возможное происшествие, которое может быть совершено преднамеренно или случайно, но при этом оказывает нежелательное воздействие как на компьютерную систему, так и на информацию, которая находится и обрабатывается в ней.

Риск информационной безопасности включает в себя широкий спектр факторов риска и затрагивает практически каждый сектор государственной и частной сферы, представляя собой множество аспектов, сочетающих технические ноу-хау с поведенческими и культурными аспектами. Такая многомерная неоднородность делает классификацию киберсобытий не тривиальной задачей до такой степени, что принять глобально стандартизированную классификацию киберриска не представляется возможным. Вместо этого существуют таксономии, разработанные с различных отраслевых точек зрения. Наиболее ярким примером может служить банковский сектор, страхование, ИТ-сектор.

На рисунке 1 представлена одна из возможных классификаций. Эта классификация включает в себя следующие 16 категорий рисков.

Опираясь на базу данных Advisen, проанализируем количество киберсобытий, которые в итоге привели к ненулевым убыткам в статистическом анализе по разным направлениям бизнеса. Всего за период 2008–2020 гг таких событий в базе было 4667. Это число составляет 3,53% от данных всей базы, но так как акцент анализа на серьезности событий, то стоит ввести ограничение на ненулевых убытках.

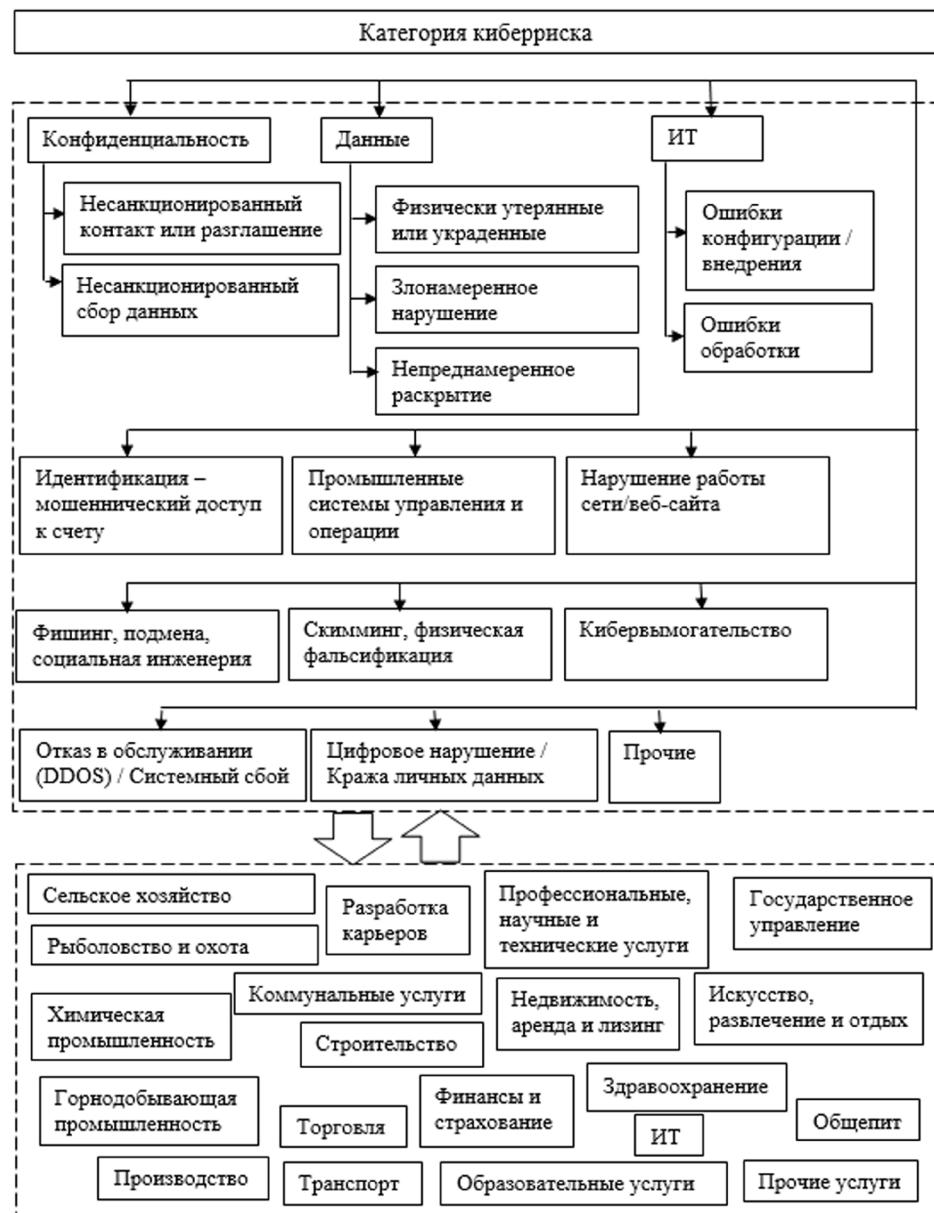

Рис. 1. Классификация рисков информационной безопасности

В таблице 1 приведена описательная статистика ненулевых убытков для каждой категории.

Таблица 1
Описательная статистика ненулевых убытков

№ п/п	Категория риска	Количество	Средние потери	Медиана	СтандОтклон	СКОС	ЭКСЦЕСС
1	Фишинг, подделка, социальная инженерия	202	12,36	0,57	79,3	9,72	95,53
2	Несанкционированный контакт или разглашение	1916	3,05	0,03	23,8	31,75	1185,92
3	Непреднамеренное раскрытие	217	1,34	0,1	8,81	12,73	172,27
4	Несанкционированный сбор данных	133	46,77	0,45	434,07	11,18	124,5
5	Злонамеренное нарушение	858	22,13	0,5	171,64	17,33	360,13
6	Идентификация - мошеннический доступ к счету	689	1,2	0,03	6,55	10,28	124,79
7	Физически утерянные или украшенные	97	23,91	0,24	202,14	9,63	91,16
8	Скимминг, физическая фальсификация	91	1,72	0,05	6,08	6,14	42,59
9	Ошибки обработки	44	76,55	0,66	264,77	5,32	29,25
10	Ошибки конфигурации / внедрения	63	17,06	0,8	43,3	3,23	10,41
11	Нарушение работы сети/веб-сайта	181	18,77	0,16	68,85	4,76	23,32
12	Кибервымогательство	137	0,52	0,01	2,78	6,86	48,24
13	Цифровое нарушение / Кражи личных данных	11	468,22	30,0	1064,11	2,65	5,24
14	Отказ в обслуживании (DDOS) / Системный сбой	1	0,39	0,39	-	-	-
15	Прочие	21	1,53	0,65	2,43	3,25	10,68
16	Промышленные системы управления и операции	6	30,7	2,07	62,39	1,78	1,18

Из таблицы видно, что существуют различия в количестве ненулевых потерь по разным категориям риска. Так, за весь период выборки 1916 ненулевых потерь для категории «Несанкционированный контакт или разглашение» и только 6 ненулевых потерь для категории «Промышленные системы управления и операции». Также по таблице видно неоднородность в величине убытков по всем категориям. Все категории риска демонстрируют средние потери выше медианы, что указывает на перекос распределения потерь вправо, что потенциально демонстрирует «тяжелые хвосты» (суть их состоит в том, что нельзя пренебречь крупными, но редкими событиями). В некоторых случаях этот эффект настолько выражен, что среднее значение более чем в 100 раз

превышает медиану. Убытки от киберсобытий обычно имеют очень высокое стандартное отклонение, положительный перекос в сочетании с высоким эксцессом.

Охарактеризуем риски информационной безопасности по следующим направлениям:

1. Количество событий.
2. Частота и тяжесть киберсобытий.
3. Распределение тяжести.

Первый этап представлен на рисунке 2. Бизнес-сектора ранжированы по частоте и серьезности киберсобытий. Каждый круг представляет собой сектор, а его площадь соответствует среднему количеству записей, пострадавших от этих событий.

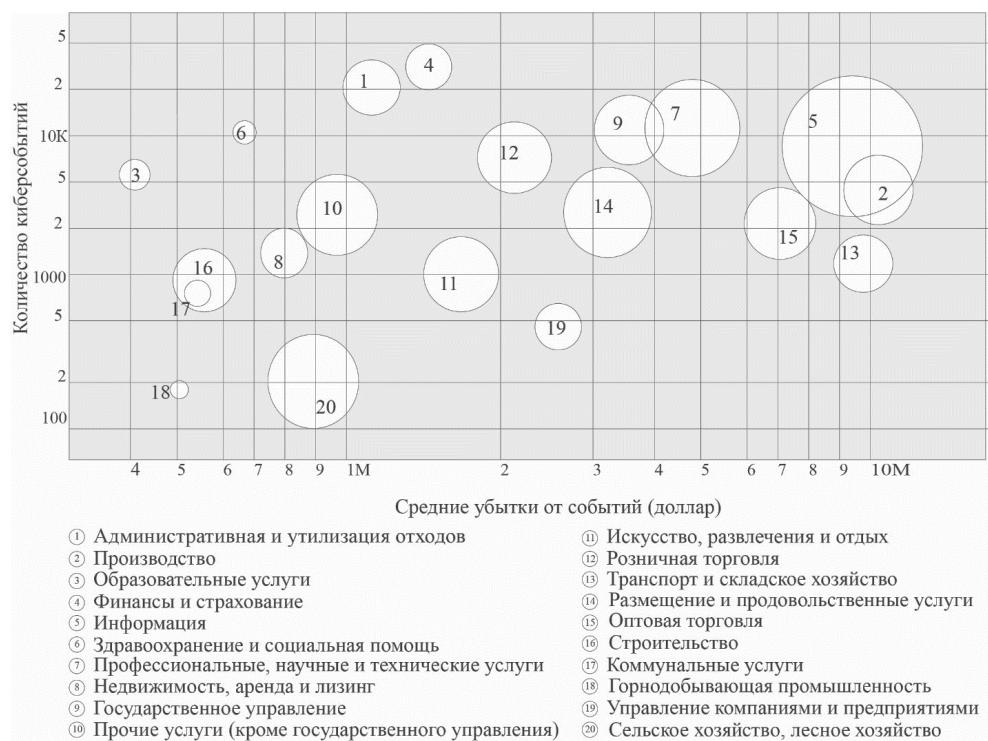

Рис. 2. Частота и серьезность киберсобытий

Секторами с самыми высокими средними убытками в долларовом эквиваленте являются: «Информация», «Производство», «Транспорт и складское хозяйство» и «Оптовая торговля». С точки зрения количества фиксаций данных по убыткам: «Информация», «Профессиональные, научные и технические услуги», «Сельское, лесное, рыбное и охотничье хозяйство» и «Услуги размещения и питания».

Вопросам распределения убытков также посвящена работа П. Шевченко [9], согласно которой можно выделить следующие типы потерь от реализа-

ции определенных видов риска информационной безопасности:

– средний ущерб менее 2 миллионов долларов: «Кибервымогательство», «Отказ в обслуживании (DDOS)/нарушение работы системы», «Несанкционированный контакт или раскрытие», «Непреднамеренное раскрытие», «Мошенническое использование личности/доступ к аккаунту» и «Скимминг, физическое вмешательство»;

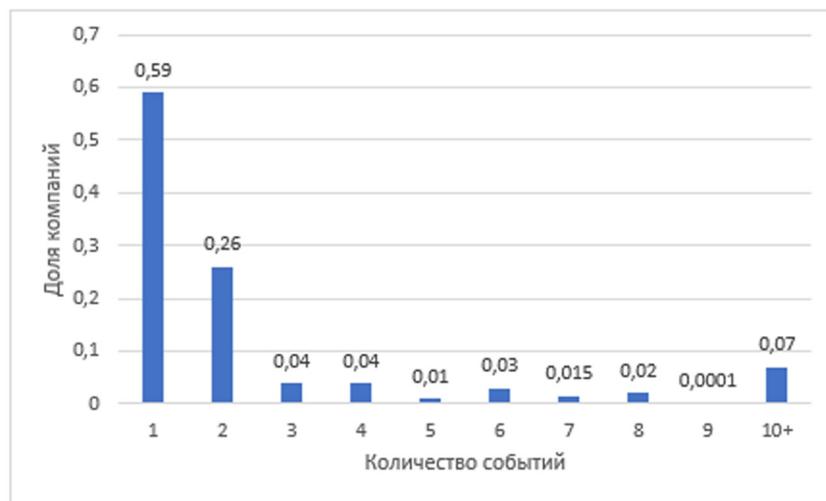
– средний ущерб от 10 до 100 миллионов долларов: «Фишинг, спуфинг, социальная инженерия», «Ошибка ИТ-конфигурации/внедрения», «Нарушение работы сети/веб-сайта», «Злонамеренное нарушение данных», «Несанкционированный сбор данных» и «Ошибка ИТ-обработки»;

– средний ущерб более 100 миллионов долларов: «Нарушение цифровых технологий/кражи личных данных».

По итогам данного этапа можно сказать, что существует связь между частотой событий, тяжестью убытков, а также секторами экономики.

На следующем этапе рассмотрим частоту и тяжесть киберсобытий.

Рисунок 3 иллюстрирует распределение количества кибератак на одну компанию в период с 2008 по 2020 год. Более 40% компаний пострадали от киберпреступлений более одного раза за этот период, при этом почти 3% компаний пострадали более 10 раз. Важно отметить, что набор данных содержит информацию только о тех событиях, связанных с киберрискаами, которые были обнародованы, и можно предположить, что реальное количество событий гораздо выше.

Rис. 3. Распределение количества кибератак по компаниям

Кибератаки меняются во времени по своей природе, как и основные причины убытков [1]. В отношении тяжести событий наблюдается гораздо большая неоднородность категорий рисков в течение всего периода времени. Некоторые убытки от киберсобытий чрезвычайно высоки, что приводит к ситуации, когда в некоторые годы очень мало событий (или даже одно событие)

может составлять относительно высокий процент от общего объема убытков за этот год [2]. Согласно исследованиям П. Шевченко, непреднамеренное раскрытие информации, злонамеренная утечка данных, нарушение работы сети или веб-сайта, а также фишинг, подделка и социальная инженерия становятся все более распространенными [9]. Не только характер рисков информационной безопасности меняется со временем, но и компании в разных секторах бизнеса несут разные убытки от киберсобытий в разное время. Сектора «Информация», «Профессиональные научные и технические услуги», «Финансы и страхование» относятся к наиболее пострадавшим секторам бизнеса.

Таким образом, в целом частота и серьезность потерь, связанных с киберугрозами, имеет очень динамичный и изменяющийся во времени характер [4]. Хотя в возникновении событий, по-видимому, преобладают определенные категории риска, экстремальные потери происходят в различных категориях киберриска или секторах бизнеса. Такое поведение также затрудняет прогнозирование характера и величины убытков от киберсобытий.

Следующим этапом является изучение распределения тяжести событий информационной безопасности по всем рискам и секторам. Из рисунка 1, учитывая выборку, стоит отметить, что большинство потерь, как правило, относительно небольшие, то есть 85% событий приводят к убыткам в разmere менее 1 млрд долларов. Таким образом, распределение потерь явно асимметрично и содержит несколько экстремальных наблюдений. М. Малаваси предлагает изучение соответствия вероятности серьезности киберсобытия с помощью логнормального распределения [9]. Так, на рисунке 4 представлен анализ М. Малаваси плотности вероятности тяжести потерь.

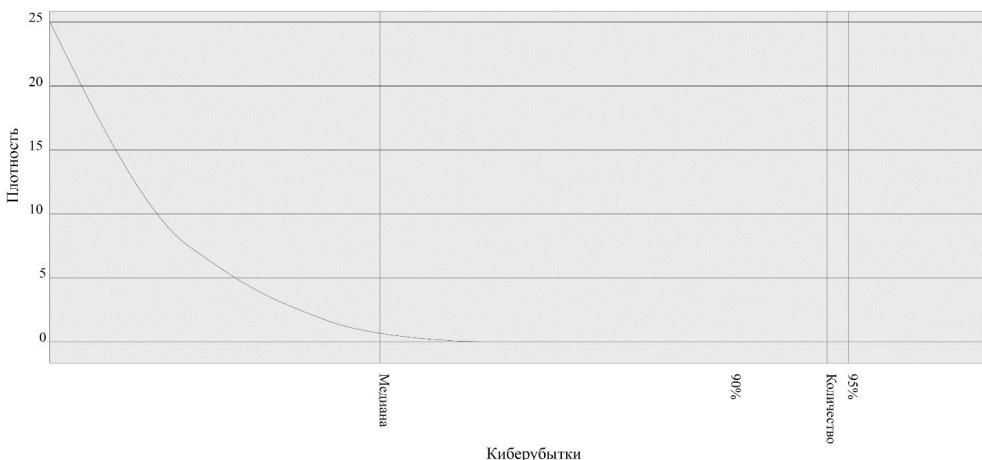

Рис. 4. Функция плотности вероятности тяжести потерь, связанных с киберпространством

Серые вертикальные линии соответствуют, в порядке возрастания величины, расчетной медиане потерь от киберсобытий (0,108 миллиона долларов), расчетному 90% квантилю (6,364 миллиона долларов), расчетному средне-

му (16,848 миллиона долларов) и расчетному 95% квантилю (20,180 миллиона долларов). Интересно, что среднее значение распределения убытков значительно выше (примерно в 160 раз), чем медиана. Средний убыток выше, чем 90% квантиль распределения, что подтверждает существенное влияние небольшого числа очень экстремальных событий на распределение убытков. Более того, кумулятивные верхние 0,5% самых высоких убытков дают примерно такую же сумму, как и кумулятивные нижние 99,5% [9]. В актуарной науке это явление называется «тяжелые хвосты» и относится к свойству определенных распределений вероятности выделять небольшую вероятность для очень экстремальных событий [3]. В страховании это также отражается в хорошо известной концепции «один убыток приводит к разорению», когда вероятность одного единственного события, способного вызвать настолько экстремальные убытки, что компания не сможет от них оправиться.

Таким образом, в этой статье мы использовали обширный набор данных о событиях, связанных с киберпространством, для изучения характера убытков от риска информационной безопасности в различных категориях риска и секторах бизнеса. В частности, мы сосредоточились на взаимосвязи между частотой и серьезностью отдельных событий и количеством наблюдений.

Проведенные исследования показали, что более 60% компаний, зафиксировавших убытки, связанные с кибератаками, пострадали от кибератак более одного раза в период 2008–2020 годов. Это говорит о том, что процессы управления, связанные со смягчением последствий таких событий, могут быть усовершенствованы, а регулирование и отчетность могут помочь смягчить повторение подобных событий.

Основные особенности рисков подобного рода, которые мы наблюдаем в наборе данных, и тот факт, что отдельные виды риска информационной безопасности имеют большой хвост, требуют дальнейших исследований, таких как анализ зависимости и асимптотический анализ хвоста [6]. Такие исследования должны представлять интерес для организаций частного и государственного сектора, занимающихся решением текущих проблем и новых динамик рисков, возникающих в киберпространстве.

Список литературы

1. **Беляев, А. Б.** Анализ методик оценки рисков информационной безопасности кредитно-финансовых организаций [Текст] / А. Б Беляев, О. А Емельянова, И. И. Лившиц // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 437–441.
2. **Гатчин, Ю. А.** Информационная безопасность критической информационной инфраструктуры: теоретико-методологические аспекты / Ю. А. Гатчин, В. В. Сухостат // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии : сб. тр. XVII Межд. научно-практ. конф.; [под. ред. С. У. Увайсова] – М. : Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Жуковского, 2020. – С. 213–217.
3. **Корнев, Л. В.** Нечеткая модель оценки рисков информационной безопасности и поддержки уровня защищенности ERP-систем [Текст] / Л. В. Корнев // Молодой ученый. – 2021. – № 27 (369). – С. 48–54.

4. **Моделирование рисков информационной безопасности в цифровой экономике** : моногр. / А. С. Минзов [и др.]; под ред. Е. Н. Черемисина; Университет Дубна. – М. : КУРС, 2021 – 112 с.
5. **Напсокова, М.** Риски информационной безопасности / М. Напсокова [и др.] // Состояние и перспективы развития современной науки и образования : сб. ст. V Межд. научно-практ. конф. – Петрозаводск : Новая наука, 2021. С. 92–97.
6. **Яблоков, Д. С.** Снижение рисков информационной безопасности [Текст] / Д. С. Яблоков, Д. В. Матвеев // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 31. – С. 456–459.
7. **Adisen: Insurance Data Provider** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adisenltd.com/> (дата обращения: 10.02.2022)
8. **Allianz, 2021. Allianz risk barometer** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agcs.allianz.com/news-and-insights/reports/allianz-risk-barometer.html> (дата обращения: 05.01.2022)
9. **Malavasi, M.** Cyber risk frequency, severity and insurance viability / M. Malavasi [et al.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=3940329> (дата обращения: 12.01.2022)
10. **McShane, M.** Cyber risk management: history and future research directions / M. McShane, M. Eling, T. Nguyen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/349929819> (дата обращения: 15.02.2022)
11. **World Economic Forum**, 2020b. Global risk report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020>.

Shvyrov V. V.,
Hvozdiukova S. N.

Cyberspace risk categories: nature of loss and business sectors

This paper presents the results of an analysis of the nature of cyber event losses across different risk categories and business sectors. Using an industry-leading cyber event database, we assess the relationship between the frequency and severity of individual cyber events and the number of records affected. We find that the frequency of reported cyber events increased significantly from 2008 to 2016. Moreover, the frequency and severity of losses depended on the business sector and type of cyber threat: the most significant categories of cyber loss events were related to data breaches and unauthorized data disclosures. Also, we found that the frequency and severity of losses related to cyber risk is very dynamic and changes over time.

Key words: *cyber risk, frequency and severity, risk categories, business sectors, distributions with heavy tails.*

УДК 629.3

Корнеева Анжелика Николаевна,
канд. пед. наук, доцент, и. о. заведующего
кафедрой безопасности жизнедеятельности и охраны труда
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
korneeva_an@mail.ru

Гузенко Андрей Леонидович,
ст. препод. кафедры безопасности
жизнедеятельности и охраны труда
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
guzenko-a@mail.ru

Оценка негативного воздействия прилежащей транспортной инфраструктуры на территорию университета

Автомобильный транспорт является неотъемлемой частью городской среды, но при этом и главным источником ее загрязнения, особенно в крупных городах. Транспортная инфраструктура становится местом сосредоточения значительного числа вредных факторов различной природы, поэтому требуется комплексная оценка ее негативного воздействия на прилегающие территории. В работе представлен анализ акустического и химического загрязнения территории студенческого городка ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Установлено, что более 80% выбросов загрязняющих веществ проезжающими автомобилями приходится на угарный газ CO, а средний уровень шума на прилегающих к проезжей части участках является допустимым, но превышает предел акустического комфорта в 60 дБА.

Ключевые слова: автомобиль, выхлопные газы, загрязнение, шум, проезжая часть.

Большая часть населения любой развитой страны проживает в городах, которые оказывают все большую нагрузку как на Биосферу в целом, так и на здоровье их жителей в частности. И, несмотря на существенный прогресс в вопросах современного городского и транспортного строительства, миллионы тонн вредных и токсичных веществ ежегодно выбрасываются в атмосферу селитебных территорий, а основным источником загрязнения является автотранспорт.

В странах Западной Европы около 70% токсичных веществ поступает в городскую воздушную среду от автомобильного транспорта, а в Российской Федерации этот показатель доходит до 90% [1]. Причина такой ситуации в большем среднем возрасте эксплуатируемых автомобилей и худшем качестве моторных топлив, чем в Европе. Аналогичная картина характерна и для ЛНР, не имеющей существенных различий с РФ в указанных факторах.

Отработанные газы современных автомобилей содержат более 200 различных загрязняющих веществ [2], главным из которых является оксид углерода CO. Вместе с ним в атмосферу также попадают оксиды азота NO_x , углеводороды C_nH_m , из которых особенно опасен метан CH_4 , и бенз- α -пирен, способный вы-

зывать развитие онкологических заболеваний. В табл. 1 представлена структура выбросов грузовых автомобилей, работающих на различных видах топлива.

Таблица 1

Пробеговые выбросы грузовых автомобилей [3]

Объем и тип двигателя		Пробеговые выбросы загрязняющих веществ, г/км			
		CO	CH	NO _x	SO _x
От 2 до 5 литров	Б	29,7	5,5	0,8	0,15
	Д	3,5	0,7	2,6	0,39
	Г	15,2	3,3	0,8	0,14
От 5 до 8 литров	Б	29,7	5,5	0,8	0,15
	Д	5,1	0,9	3,5	0,45
	Г	24,2	5,1	1,0	0,16

*Б – бензиновый, Д – дизельный, Г – газовый

Как видно из табл. 1, наибольшую нагрузку на Биосферу оказывают автомобили с бензиновыми двигателями, для отработанных газов которых характерны наибольшие значения выбросов угарного газа и углеводородов, тогда как дизельные двигатели лидируют по содержанию оксидов азота. Для легковых автомобилей характерна аналогичная структура содержания токсичных веществ в отработанных газах. Помимо этого, автомобили в процессе движения также повышают концентрацию пыли в воздухе, в городах она приблизительно в 30–50 раз выше, чем в сельских районах.

Но автомобиль не только загрязняет атмосферный воздух, но еще и активно его потребляет – современному автомобилю для сгорания 1 кг бензина необходимо около 12 м³ воздуха, что немного меньше суточного потребления воздуха человеком. Один легковой автомобиль за год поглощает более 4 тонн кислорода, выбрасывая при этом в атмосферу около 800 кг оксида углерода, 40 кг оксидов азота и 200 кг различных углеводородов [2].

Автотранспортные средства также являются источниками шумов и вибраций, на их долю приходится 80–90% общего акустического загрязнения городской среды [4]. Уровень шума в конкретной точке города зависит от интенсивности движения, средней скорости и структуры транспортного потока, также на его величину оказывают влияние расположение улиц, высота и плотность застройки, характер дорожного покрытия, наличие садово-парковых зон и т. д.

Таким образом, транспортная инфраструктура оказывает наибольшее негативное воздействие на городскую среду и поэтому крайне важно реализовывать мероприятия, направленные на снижение интенсивности такого воздействия. Но для реализации подобных мероприятий необходимо знать не только величину негативного воздействия, но и его структуру.

Кафедрой БЖД и охраны труда была проведена оценка негативного влияния транспортной инфраструктуры на территорию студенческого городка ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», непосредственно прилегающую к участку проезжей части по ул. Оборонная. Данная оценка включала измерение шумового загрязнения, а также изучение структуры транспортного потока и количественную оценку на ее основе загрязнения токсичными химическими соединениями.

Измерения транспортных шумов производилось с 8 до 17 часов в шести точках. Расстояние между точками измерений в направлении дороги – 15 м,

расстояние от границы территории университета до ближнего края дороги – 4 м, ширина полосы движения – 6 м.

Измерения акустического загрязнения производились каждые 2 часа на протяжении двух недель в течение пяти рабочих дней. В качестве измерительного прибора использовался шумомер K-MOON GM 1352 (рис. 1, *a*), имеющий пределы измерений 30–130 дБА при погрешности измерений $\pm 1,5$ дБА в диапазоне частот от 31,5 до 8 000 Гц. Сами измерения производились на высоте 1,5 метра, приблизительно соответствующей расположению органов слуха человека. Структура транспортного потока изучалась с помощью автомобильного видеорегистратора CarCam (рис. 1, *б*), обеспечивающего регулируемые промежутки записи по времени: 1 мин, 3 мин и 5 мин (время файла); выбор записи по промежуткам или до полного заполнения и по циклу при поддержке карт памяти типа SD/MMC.

Рис. 1. Средства измерения

По результатам измерений были найдены средние за весь период измерений значения уровней транспортного шума в каждой точке, их значения показаны на рис. 2.

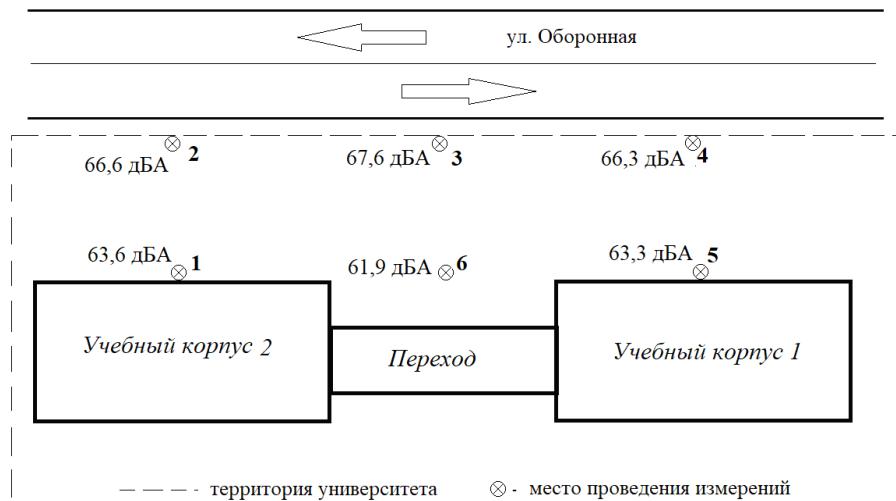

Рис. 2. Средние по местам измерения уровни шума

Среднее по территории значение уровня транспортного шума составило
 $L_{cp} = 64,85 \pm 0,92$ дБА.

Одновременно производилось изучение структуры транспортного потока по ул. Оборонная. Для каждого двухчасового интервала регистрировалось общее количество проехавших транспортных средств (ТС), результаты данного исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки структуры транспортного потока

Тип ТС	8.00-9.00	10.00-11.00	12.00-13.00	14.00-15.00	16.00-17.00
<i>Легковые</i>	1200	1080	1140	1188	1128
<i>Малые грузовые</i>	300	240	348	276	240
<i>Грузовые</i>	10	8	18	16	17
<i>Автобусы</i>	14	16	18	20	19
Всего:	1524	1344	1524	1500	1404

Среднее за час количество транспортных средств, проезжающих по ул. Оборонная вдоль территории студгородка университета, составило

$$N_{mp} = 1459 \pm 36$$
 штук.

Средняя скорость движения транспортных средств, в предположении их равномерного движения, рассчитывалась по формуле

$$v_{cp} = \frac{l}{t}, \quad (1)$$

где $l = 282$ м – длина участка дороги вдоль территории студенческого городка университета; t – время прохождения транспортным средством определенного типа данного участка дороги.

В результате средние скорости по каждому из типов ТС составили:

- легковые автомобили – $v_{лег} = 14,4$ м/с (52 км/ч);
- малые грузовые автомобили – $v_{м_2} = 9,7$ м/с (35 км/ч);
- грузовые автомобили – $v_{груз} = 10,3$ м/с (37 км/ч);
- автобусы – $v_{авт} = 11,4$ м/с (41 км/ч).

Определение интенсивности движения и структуры транспортного потока на участке автодороги по ул. Оборонная, примыкающей к территории университета, сформировало исходные данные для расчета загрязненности территории выхлопными газами.

При расчете выбросов вредных химических веществ на прилегающей проезжей части были сделаны упрощающие предположения и допущения:

1. Транспортный поток можно рассматривать как однородный и непрерывный на участке городской дороги по ул. Оборонная длиной $l = 282$ м за фиксированный период времени $T = 8$ часов.

2. Дизельный двигатель имеют 20% легковых автомобилей.

Экологическая нагрузка от такого потока, определяемая массовым выбросом вредных веществ Q , определялась по формуле [5]

$$Q = \sum_{i=1}^N \varphi_i \cdot w_i \cdot l, \text{ мг,} \quad (2)$$

где N – количество автомобилей, прошедших по участку длины l за время T ; φ_i – доля автомобилей данной группы в общем транспортном потоке; w_i – пробеговый выброс автомобиля i -ой группы, мг/м.

Результаты расчета выбросов вредных веществ автомобилями при данной структуре транспортного потока и интенсивности движения представлены в табл. 3, а структура транспортного загрязнения данной территории показана на рис. 3.

*Таблица 3
Средние значения выбросов вредных веществ автомобилями на участке
по ул. Оборонная за время измерения $T = 8$ часов*

Тип ТС	Доля φ	Пробеговые выбросы, мг/м				Конц. Q , кг	
		CO	CH	NO_x	SO_2		
<i>Легковые</i>	Б	0,629	17,0	1,7	0,4	0,07	24,81
	Д	0,157	3,5	0,7	2,6	0,39	2,33
<i>Малые грузовые</i>	0,192	15,2	3,3	0,8	0,14	7,70	
<i>Грузовые</i>	0,010	29,7	5,5	0,8	0,15	0,72	
<i>Автобусы</i>	0,012	79,0	10,2	1,8	0,24	2,26	
Всего:	1,0	31,68	4,09	1,76	0,28	37,82	

* БиД – автомобили с бензиновым и дизельным двигателем соответственно

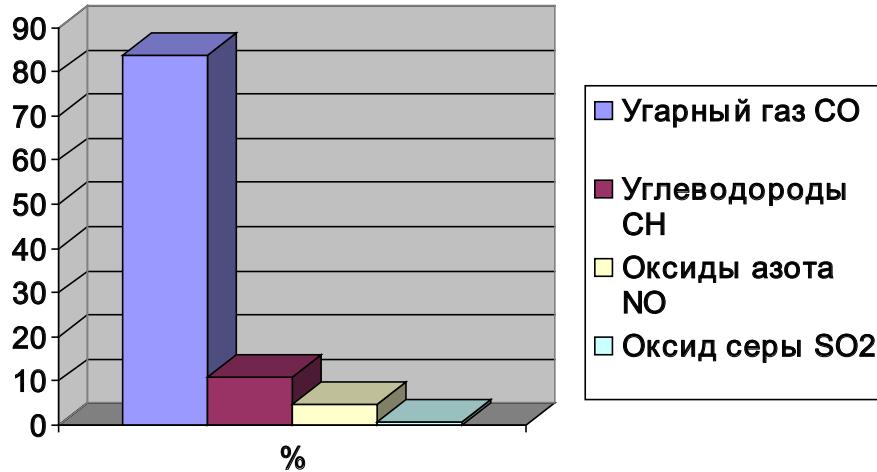

Рис. 3. Структура выбросов загрязняющих веществ автомобилями при движении по ул. Оборонная

Таким образом, в ходе исследования установлено, что около 84% выбросов загрязняющих веществ автомобилями приходится на угарный газ *CO*. Оценка транспортного шума на территории университета показала, что его средний уровень составляет $L = 64,85$ дБА, что является допустимым, но превышает предельное значение зоны акустического комфорта (60 дБА).

Список литературы

1. Абржина, Л. Л. Методический подход к экономической оценке ущерба атмосферному воздуху / Л. Л. Абржина, Е. Р. Магарил // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление, 2008. – № 2. – С. 100–103.
2. Пырерко, Л. В. Влияние автомобильного транспорта на окружающую среду и здоровье человека / Л. В. Пырерко // Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Научные исследования XXI века: теория и практика». – Красноярск : Мир науки, 2018. – С. 528–531.
3. Тойлыбаев, А. Е. Воздействие автомобильного транспорта на окружающую среду и расчет концентраций вредных выбросов / А. Е. Тойлыбаев, Т. К. Бекжанова, Ж. О. Кулотаев // Вестник Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева, 2017. – № 4 (103). – С. 122–129.
4. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году». – М. : Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора. – 215 с.
5. Амбарцумян, В. В. Экологическая безопасность автомобильного транспорта / В. В. Амбарцумян, В. Б. Носов, В. И. Тагасов, В. И. Сарбаев. – М. : Научтехлитиздат, 2009. – 235 с.

Korneeva A. N.,
Guzenko A. L.

Negative impact assessment of the adjacent transport infrastructure on the university territory

Road transport is an integral part of the urban environment, but it is also the main pollution source, especially in large cities. Transport infrastructure is becoming a place with a significant number of harmful factors of various natures; therefore, a comprehensive assessment of its negative impact on adjacent territories is required. The paper presents an analysis of the acoustic and chemical pollution of the Lugansk State Pedagogical University campus territory. It has been established that more than 80% of pollutant emissions from passing cars are carbon monoxide CO, and the average noise level in areas adjacent to the carriageway is acceptable, but exceeds the acoustic comfort limit of 60 dBA.

Key words: car, exhaust, pollution, noise, roadway.

Экономические науки

УДК [330.101.542:330.11] – 047.48

Скороход Наталья Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nskorohod67@mail.ru

Макроэкономическое равновесие в проекции бюджетной и денежно-кредитной политики

В статье рассматривается макроэкономическое равновесие как соответствие совокупного спроса и совокупного предложения в контексте кейнсианского и смешанного неоклассического-неокейнсианского подходов. Процесс достижения макроэкономического равновесия определяется на основе регуляторов как дискреционного характера (гибких), так и автоматических (встроенных). Предложено учитывать в современной макроэкономической политике взаимообеспеченность и взаимозаменяемость инструментов бюджетной и денежно-кредитной политики. Автор подчёркивает, что переход к смешанной макроэкономической политике в регулировании совокупного спроса позволяет, в том числе, минимизировать риски политического характера.

Ключевые слова: макроэкономика, совокупный спрос, совокупное предложение, макроэкономическое равновесие, бюджетная политика, денежно-кредитная политика.

Макроэкономический анализ, основоположниками которого являются английский экономист Дж. М. Кейнс и шведский экономист Г. Мюрдал, в исследовании понятий «совокупный спрос» и «совокупное предложение», «макроэкономическое равновесие» не разделяют методологию микроанализа рынка и его параметров спроса, предложения и цены, которую предлагали и применяли неоклассики.

Проблема макроэкономического равновесия, т. е равенства совокупного спроса и совокупного предложения, относится к числу важных в экономической теории. Для обеспечения выбора достаточно взвешенной по критериям оптимальности экономической политики необходимо выяснить сами дефиниции совокупного спроса и совокупного предложения, которые теоретически отражают определённые экономические явления. По мере развития экономической системы, её принципиальных исторических трансформаций теоретическое обоснование природы и факторов макроэкономического равновесия не только не теряет своей актуальности, но всё более и более затребовано в макроэкономической политике.

Макроэкономическая политика представляет собой систему целей, задач, мероприятий, которые реализуют экономико-правовые институты разных уровней по обеспечению эффективного, рационального и оптимального поведения экономических субъектов. Как правило, основным и даже единственным

институтом формирования и реализации макроэкономической политики рассматривают государство. Государство, имея широкий арсенал средств воздействия на поведение экономических субъектов, оказывает существенное влияние на экономические процессы, их направленность и динамику. Однако подчеркнём, что не только государство должно рассматриваться в качестве центра макроэкономической политики, но также и другие институты и институции. Среди последних необходимо выделить сообщества (союзы) предпринимателей, корпораций, общественных организаций, системы образования и права, а также сложившиеся типы культур различных слоёв населения.

Государство и другие институты, осуществляя макроэкономическую политику, должны, во-первых, основываться на научно-верифицированных теоретических экономических концепциях, во-вторых, иметь способность, возможность выбора таких концепций, не впадая в иллюзии популизма и, тем более, не становясь на путь демонстрации действительного отсутствия экономической грамотности и научного экономического мышления.

В современной экономической науке и в экономической политике принято говорить о трёх основных концепциях, определяющих экономическое мировоззрение. К этим концепциям следует отнести неоклассический подход, кейнсианскую стратегию, неолиберальный подход. При этом так или иначе над всеми ими витает дух марксистской политической экономии. В современной экономической науке представлены концептуально смешанные теории, авторы которых задаются целью, с учётом современных реалий, объединить достижения разных экономических школ и направлений для взвешенного и всестороннего анализа экономических процессов, на основе чего определить наиболее оптимальную парадигму экономической политики. Очевидно, такой подход к выбору своего рода универсальной концепции, учитывающей всё выработанное положительное, доказанное экономической наукой, имеет основание. Сложность реализации данной задачи связана с тем, что различные концепции в своей основе, по своим принципам построения не могут механически соединяться в лучших своих сторонах. Поэтому авторы смешанных концепций экономического исследования берут за основу какую-либо базовую концепцию, к которой привязывают наиболее обоснованные, на их взгляд, теоретические положения и выводы других концепций.

В экономической литературе вопрос о совокупном спросе и совокупном предложении рассматривается с позиций 3-х основных концепций: неоклассической, кейнсианской и неоклассического (неокейнсианского) синтеза [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8]. Исследование природы совокупного спроса и совокупного предложения, а также макроэкономического равновесия следует проводить в разрезе кейнсианского подхода, поскольку Дж. М. Кейнс рассматривает категории, относящиеся к макроэкономике, как специфические и имеющие самостоятельное значение, отличное от категорий микроэкономики [1; 7, с. 128].

Дж. М. Кейнс представил модель макроэкономики как сложную систему взаимосвязи и взаимодействия всех сфер и секторов экономики, где рыночный механизм находится под воздействием ряда факторов, не имеющих непосредственного влияния на параметры совокупного спроса и совокупного предложения. Цены на уровне макроэкономики, по его мнению, не имеют зна-

чения. Ибо отклонение цен вверх на одни товары погашается их отклонением вниз на другие товары.

В развертывании макроэкономических процессов исходным экономическим явлением становится совокупный спрос (AD), который следует рассматривать как спрос на потребительские и инвестиционные товары. К потребительским товарам относятся блага и услуги, приобретаемые и потребляемые домашними хозяйствами, населением в процессе удовлетворения личных потребностей. Инвестиционные товары представляют собой блага и услуги, которые приобретают предприятия (фирмы) для производственного использования.

Потребительский спрос, как часть совокупного спроса, зависит от совокупного денежного дохода и от того, как расходуется этот доход. Потребительский спрос формируется в процессе создания национального дохода. Он, как и спрос на инвестиционные товары, определяется системой общественных потребностей.

Экономическая наука рассматривает экономические потребности как потребности, обусловленные экономической деятельностью. Удовлетворение потребностей обеспечивает поддержание жизнедеятельности человека, его развитие, а также развитие социальных групп и общества в целом. Формирование системы личных потребностей с конца XIX века переходит от преимущественно стихийного (естественного) способа к целенаправленному механизму формирования системы личных потребностей. Переход к целенаправленному воздействию на систему личных потребностей людей постулировался в марксистско-ленинской политической экономии в концепции воспитания человека с разумными потребностями. Этот же подход целенаправленного воздействия на формирование личных потребностей людей присущ не только кейнсианству, но и неоклассической школе и неолиберальным концепциям. Немарксистские концепции экономической науки реализовали данный подход практически в построении общества массового потребления и в развитии субкультуры потребительского поведения. Суть полученных результатов в формировании личных потребностей требует специального отдельного рассмотрения. В целом, каким бы образом не формировались личные потребности, они находят отражение, в частности, в совокупном спросе.

Совокупный спрос, в свою очередь, определяется уровнем национального дохода ($AD = f(Y)$), где Y – национальный доход. Дж. М. Кейнс на основе действия сформулированного им закона склонности к сбережению указывает на причины отклонения совокупного спроса от совокупного предложения вследствие возрастания сбережений с ростом объемов производства и национального дохода. Сбережения Дж. М. Кейнс относит к изъятиям из экономики, изъятиям из совокупных расходов и совокупного спроса. Поэтому в определенные отрезки времени совокупный спрос может быть меньше произведенного национального дохода (Y). При этом всегда существует некоторое устойчивое потребление (автономное потребление C_a), которое будет положительным в условиях отсутствия производства национального дохода (точка K на рисунке 1). В этой модели цена не является исходным условием экономической конъюнктуры. На рисунке 1 отражается график совокупного спроса.

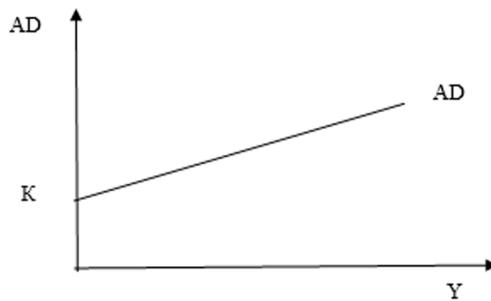

Рис. 1. График совокупного спроса

Произведённый общественный продукт в форме валового внутреннего продукта (ВВП) представляет собой результат экономической деятельности людей в течение определённого временного отрезка (например, в течение года).

Произведённый общественный продукт будет представлять совокупное предложение (AS). В статистической проекции совокупное предложение – это валовой внутренний продукт, рассчитанный производственным методом, и являющийся по своему экономическому содержанию ничем иным как валовой добавленной стоимостью, которая в распределении представляет собой доходы экономических субъектов, а в использовании она равна расходам, которые характеризуют совокупный спрос. На рисунке 2 отражён кейнсианский график совокупного предложения.

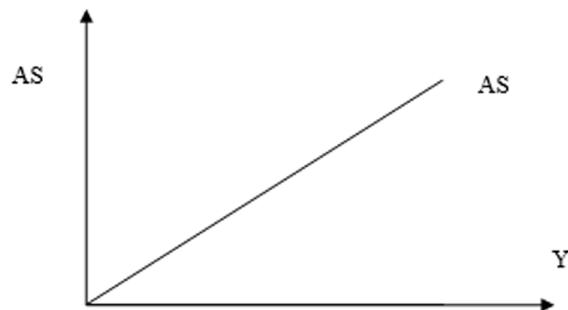

Рис. 2. Кейнсианский график совокупного предложения

В неоклассической концепции совокупный спрос и совокупное предложение определяют аналогично тому, как они рассматривались на микроуровне. По критериям логики данный подход нельзя считать корректным, поскольку все факторы, рассматриваемые для параметров отдельного рынка, при исследовании целой (совокупной и комплексной) экономики не действуют. Так, изменение цены на рынке отдельного товара приводит к изменению объёмов спроса на отдельный товар. Характер такого изменения, как известно, обусловлен эффектами замещения (субSTITУции) и дохода вследствие изменения цены. Когда рассматривается в целом экономика, то данные эффекты уже не действуют.

Указанные эффекты на рынке каждого отдельного товара накладываются друг на друга и нивелируют отклонения, возникающие по данным параметрам при рассмотрении всех рынков как целостной системы. Так, снижение цены на отдельный товар приводит к эффекту замещения, который выражается в том, что растёт доля спроса на подешевевший товар, эта доля переходит от объёма спроса относительно более дорогих товаров. Но, когда берутся все рынки вместе, то результат по данному эффекту будет нулевым (от одних товаров часть спроса «ушла» и «пришла» к другим товарам).

Эффект дохода выражается в том, что удешевление товара приводит к росту реального дохода и покупатели купят больше данного товара при прочих равных условиях (объём спроса возрастёт). Когда берутся все рынки всех товаров и при этом, например, все цены на всех рынках снижаются, то растут реальные доходы потребителей (всех покупателей), они купят больше товаров. Но для того, чтобы их купить, нужно, чтобы эти товары были произведены. Иными словами, произведённый валовой внутренний продукт (ВВП) в реальном измерении должен соответствовать доходам потребителей, которые предъявляют спрос на продукты, входящие в него. Если это соблюдается, то тогда совокупный спрос будет равен произведённому ВВП, т. е. совокупному предложению. Совокупный спрос, таким образом, является функцией от валового внутреннего продукта.

Безусловно, инфляцию (уровень цен) необходимо отразить в структурном изменении совокупного спроса. Так, например, для тех людей (домохозяйств), которые получают фиксированные денежные доходы, необходимо инфлировать (индексировать) эти доходы с целью обеспечения совокупного спроса на потребительские товары соответственно совокупному предложению этих товаров.

Кейнсианская стратегия основана на идее, что государство, взвешивая предельную эффективность капитальных благ с точки зрения длительных перспектив и общих социальных выгод, должно взять на себя ответственность за прямую организацию инвестиций [1, с. 156].

Недостаточность рыночного механизма («невидимой руки») требует государственного регулирования экономики. Государство, по мнению кейнсианцев, должно взять на себя те функции, которые утратил рынок.

Государство может проводить своё влияние на совокупный спрос и на заданные параметры макроравновесия посредством бюджетной (налогово-бюджетной) политики. Она представляет собой целенаправленные действия государства на уровень деловой активности посредством изменения государственных расходов и налогообложения. В результате изменения государственных расходов, например, их увеличения, возрастут совокупные расходы или совокупный спрос и, таким образом, растёт уровень равновесного дохода. При проведении политики сокращения государственных расходов, наоборот, совокупный спрос сокращается, и точка равновесия сдвигается вниз.

При определённом уровне ВВП (Y) может быть достигнуто равновесие, $AD=AS$. И далеко не всегда эта точка равновесия может соответствовать ВВП при полной занятости (Y^*), т.е. потенциальному ВВП.

Если равновесный уровень ВВП (Y) ниже, чем потенциальный ВВП (Y^*), то это потребует проведения стимулирующей государственной политики. В результате её совокупный спрос (AD) возрастёт, и равновесие будет достигнуто на новом уже потенциальном уровне ВВП (Y^*).

На рисунке 3 в точке $E_1 AD_1 = AS$. Однако в этой точке равновесия созданный равновесный ВВП (Y) меньше потенциального ВВП (Y^*).

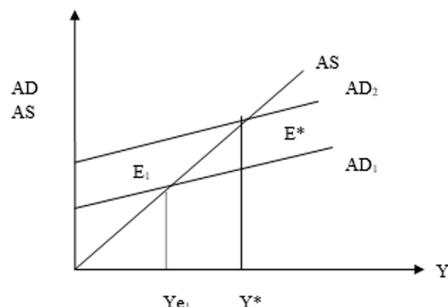

Рис. 3. Графики совокупного спроса и предложения

Данный объём ВВП получен в условиях неполной занятости. Обеспечить полную занятость по Кейнсу возможно на основе стимулирования совокупного спроса (AD) или совокупных расходов (AE). Дж. М. Кейнс отдавал предпочтение фискальной (бюджетной) политике. На основе снижения налогов, увеличения государственных расходов возрастает совокупный спрос, что стимулирует производство и поднимает его на новый уровень, обеспечивающий производство потенциального ВВП (Y^*).

В точке $E^* AD_2 = AS$ достигается равновесие при значении потенциального уровня ВВП (Y^*), т. е. ВВП при полной занятости.

Совокупный спрос (AD_1) формируется на уровне национального дохода или ВВП (Y), достигаемого в условиях неполного использования ресурсов и неполной занятости. Его значение (AD_1) не может стимулировать рост ВВП (Y), поэтому необходимо провести стимулирующую политику и вывести объём совокупного спроса на уровень (AD_2), который будет стимулировать производство потенциального ВВП (Y^*).

Сдвиг графика совокупных расходов или совокупного спроса (AE или AD) вверх/вниз обусловливается увеличением/уменьшением любого из компонентов автономных совокупных расходов.

На динамику отклонения совокупного спроса оказывает влияние также денежно-кредитная политика, представляя собой комплекс взаимосвязанных мероприятий Центрального банка для регулирования деловой активности путём планируемого воздействия на состояние кредита и денежного обращения.

Важнейшими экономическими инструментами денежно-кредитной политики Центрального банка являются операции на открытом рынке, дисконтная политика, регулирование банковского резервирования.

В условиях вялой деловой активности, точно так же, как и в случае бюджетной политики, необходимо проводить стимулирующую денежно-кредитную политику или политику дешёвых денег. В результате такой политики

увеличивается денежная масса (M) вследствие покупки Центральным банком государственных ценных бумаг, снижения учётной (ключевой) ставки процента и снижения нормы резервирования. Увеличение денежной массы (M) обеспечивает экономическое оживление и рост.

В случае «перегретой» экономики, когда совокупный спрос превышает совокупное предложение, для экономической стабилизации осуществляют как сдерживающую бюджетную политику, так и рестриктивную денежно-кредитную политику. В данном случае все процессы запускаются с обратным знаком относительно их направленности при стимулирующей политике: налоги растут, государственные расходы сокращаются, центральный банк продаёт государственные ценные бумаги, увеличивает учётную (ключевую) ставку процента, увеличивает норму резервирования в коммерческих банках. В результате совокупный спрос сокращается: на графике это будет выражаться в смещении линии совокупного спроса (AD) вниз. Это приводит к равновесию в более низкой точке ВВП (Y).

Необходимо учитывать, что любое изменение в макроэкономической политике влечёт за собой мультипликативные эффекты. Известно, что дополнительные расходы (ΔE) из дополнительного дохода (ΔY) будут сопровождаться кратным ростом совокупных расходов (AE) или совокупного спроса (AD). Мультипликатор совокупных расходов зависит от предельной склонности субъектов к расходам (MPE): $MULT=1/1-MPE$. Если предельная склонность к расходам в экономике (MPE) стремится к 1, то мультипликатор совокупных расходов будет стремиться к бесконечности.

В случае осуществления сдерживающей бюджетной политики и рестриктивной денежно-кредитной политики мультипликатор совокупных расходов будет действовать в противоположном направлении: совокупные расходы, следовательно, совокупный спрос в экономике будут кратно сокращаться.

К мультипликатору инвестиций как обобщающему и основному мультипликативному эффекту присоединяется эффект акселератора. Их двойное действие имеет эффект синергии, последствия которой могут быть сложно прогнозируемыми и неуправляемыми. Это особенно важно учитывать, проводя глубокий и детальный анализ синергетического эффекта в определении характера деловой конъюнктуры и выбора взвешенной политики по обеспечению должной экономической динамики.

В экономике могут возникать инфляционный и дефляционный разрывы (Рис. 4). Проблема, как отмечалось ранее, заключается в том, что ВВП при полной занятости (Y^*) может не совпадать с фактическим равновесным уровнем ВВП (Y_e). Когда совокупный спрос (AD_2) превышает выпуск ВВП при полной занятости (Y^*), в экономике будет наблюдаться инфляционный разрыв. На оси ординат инфляционному разрыву соответствует разница между AD_{inf} и AD^* . Когда же совокупный спрос (AD_1) оказывается ниже выпуска ВВП при полной занятости (Y^*), в экономике будет наблюдаться дефляционный (рецессионный) разрыв. На оси ординат дефляционному разрыву соответствует разница между AD_{def} и AD^* .

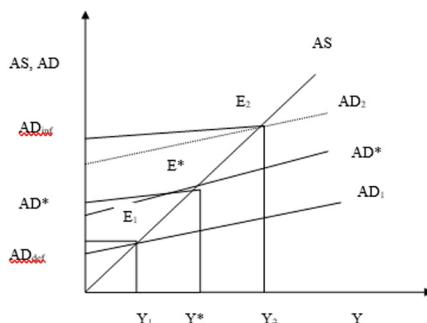

Рис. 4. Инфляционный и дефляционный разрывы

Таким образом, инфляционный разрыв можно определить как превышение совокупного спроса над совокупным предложением на уровне потенциального ВВП. Превышение совокупного предложения на уровне потенциального ВВП над совокупным спросом представляет собой дефляционный разрыв.

Следует различать инфляционный и дефляционный разрывы от разрыва ВВП. Разрыв ВВП представляет собой разницу между равновесным и потенциальным уровнем ВВП. Разрыв ВВП графически отображается на оси абсцисс. В нашем случае, это разница между Y^* и Y_1 и Y_2 , соответственно в условиях рецессии и в условиях инфляции.

В обеспечении экономической стабилизации, необходимость которой вызывается возникающими разрывами ВВП (Y), следует осуществлять комбинацию бюджетной и денежно-кредитной политики.

Дж. Тобин, представляющий «неоклассический, неокейнсианский» манифест П. Самуэльсона, доказывает необходимость денежной и бюджетной политики для обеспечения эффективного влияния на совокупный спрос, при этом он подчёркивает, что данная процедура является тонкой и рискованной операцией. Учёный настаивает на такой смешанной денежно-бюджетной политике, которая с помощью разнообразных доступных инструментов даст достаточно места для манёвра различными вариантами сбалансированного совокупного спроса и для иных целей [8].

На наш взгляд, важно учитывать, что и бюджетная и денежно-кредитная политика каждая в отдельности является синтезом дискреционных (целенаправленных) действий государства и других институтов в стране и встроенных (автоматических) стабилизаторов влияния на экономическую динамику.

В случае использования механизмов смешанной бюджетной и денежно-кредитной политики получается своего рода «пирог», своеобразными слоями которого являются собственно инструменты целенаправленного действия и инструменты автоматического действия по регулированию экономики.

В пользу кейнсианской стратегии и необходимости смешанной денежно-бюджетной политики влияния на совокупный спрос говорят статистические данные, приводимые Дж. Тобином [8].

Об этой зависимости свидетельствуют также данные (хотя и весьма общего характера) статистики Луганской Народной Республики. В таблице 1

представлены данные, характеризующие макроэкономические показатели, которые так или иначе связаны с совокупным спросом и совокупным предложением, и отражают их соотношение в экономике республики.

В анализ включены показатели добавленной стоимости, которая характеризует в общем виде совокупное предложение, и объёма реализованной промышленной продукции, которая может быть рассмотрена как совокупный спрос.

Динамика показателей, характеризующих деловую конъюнктуру в ЛНР

Таблица 1

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Добавленная стоимость (% к предыдущему периоду)	140,6	125,2	101,1
Объём реализованной промышленной продукции (% к предыдущему периоду)	96,1	216,3	119,1
Соотношение объёмов реализованной продукции к объёмам добавленной стоимости (Реал. пром. прод./ВДСт.)	1,3	2,25	2,65
Динамика отклонений объёмов реализуемой продукции от объёмов добавленной стоимости (% к предыдущему периоду)	46,9	518,6	133,6
Индекс номинальной заработной платы (% к предыдущему периоду)	108,3	117,1	120,4
Индекс реальной заработной платы (% к предыдущему периоду)	108,8	108,7	114,0
Индекс потребительских цен (% к предыдущему периоду)	99,5	107,7	103,3

[Рассчитано по: 3, с.17, 18, 150]

Расчётные данные свидетельствуют, во-первых, об устойчивой положительной динамике всех показателей (исключение составил показатель динамики объёма реализованной промышленной продукции в 2017 году). Во-вторых, имело место положительное отклонение объёма реализованной промышленной продукции (исключение относится к 2017 году) от объёма добавленной стоимости. В-третьих, рост цен покрывался ростом номинальной заработной платы, поэтому реальная заработка показывала положительную динамику.

Это свидетельствует о том, что, действительно, цены и их уровень для явлений, характеризующих совокупный спрос и совокупное предложение, не имеют значения.

Положительная динамика отклонений объёма реализованной промышленной продукции от объёма добавленной стоимости свидетельствует

о том, что в экономике республики образовался своего рода инфляционный разрыв, иными словами, экономика является «перегретой». В этом случае в соответствии с разработанными механизмом и инструментами бюджетной и денежно-кредитной политики, которые представлены в «неоклассическом, неокейнсианском» манифесте П. Самуэльсона, необходимо проводить сдерживающую бюджетную и рестриктивную денежно-кредитную политику. Однако следует помнить, что эта «процедура является тонкой и рискованной операцией» [8].

Безусловно, что снижение доходов домашних хозяйств не может рассматриваться в качестве одного из инструментов стабилизации экономики. Данное предостережение не является популизмом, оно объективно в разрезе социальной политики обеспечения высокого и устойчивого уровня благосостояния населения страны. Очевидно, что предпочтение необходимо отдавать политике повышения налоговых ставок и инструментам рестриктивной денежно-кредитной политики. При этом сам механизм повышения налоговых ставок должен быть чувствительным к специфике налогообложения различных групп субъектов.

Требуется также учесть эффекты мультипликатора и акселератора, которые будут корректировать глубину влияния на деловую активность инструментов бюджетной и денежно-кредитной политики.

В решении данной проблемы инфляционного разрыва следует учесть структуру занятости и структуру дефицита/профицита рабочей силы.

Анализ макроэкономического равновесия относительно критериев занятости и безработицы, а также особых условий внешних ограничений автор продолжит в дальнейшем и отразит в следующей статье.

Список литературы

1. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 1999. – 352 с.
2. Киселёва, Е. А. Макроэкономика. Экспресс-курс : учеб. пособие / Е. А. Киселёва. – М. : КНОРУС, 2012 – 380 с.
3. Луганская Народная Республика в цифрах за 2020 год : статистический сборник / Государственный комитет статистики Луганской Народной Республики; под ред. И. В. Шаблиенко. – Луганск, 2021. – 324 с.
4. Макконнелл, К. Р. Экономикс: проблемы и политика : учеб. пособие для вузов / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 972 с.
5. Маршалл, А. Принципы политической экономии : в 3-х т. / А. Маршалл.– М. : Прогресс, 1983. – 416 с.
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер с англ., предисл. В. С. Афанасьева. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
7. Эклунд, К. Эффективная экономика: Шведская модель / К. Эклунд. – М. : Экономика, 1991. – 354 с.
8. Tobin, J. The Monetary-Fiscal Mix in the United States // J. Tobin. Policies for Prosperity . Essays in Keynesian Mode. Brighton: Wheatsheaf Books LTD, 1987. – P. 142–165.

Skorokhod N. N.

**Macroeconomic equilibrium in the projection
of fiscal and monetary policy**

The article examines the macroeconomic equilibrium - the correspondence of aggregate demand and aggregate supply in the context of the Keynesian and mixed neoclassical – neo-Keynesian approaches. The process of achieving macroeconomic equilibrium is determined on the basis of regulators, both discretionary (flexible) and automatic (built-in). It is proposed to take into account in the modern macroeconomic policy the intersufficiency and interchangeability of the instruments of budget and monetary policy. The author emphasizes that the transition to a mixed macroeconomic policy in the regulation of aggregate demand allows, among other things, to minimize political risks.

Key words: macroeconomics, aggregate demand, aggregate supply, macroeconomic equilibrium, fiscal policy, monetary policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бернацкая Любовь Вячеславовна, старший преподаватель кафедры психологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Бугакова Татьяна Андреевна, аспирант кафедры психологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Выдрина Людмила Аркадиевна, преподаватель предметно-цикловой комиссии психолого-педагогических дисциплин обособленного подразделения «Стахановский педагогический колледж ЛГПУ» (Луганская Народная Республика)

Гвоздюкова Светлана Николаевна, ассистент кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Гузенко Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности и охраны труда ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Даренская Вера Николаевна, и. о. заведующего кафедрой философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат философских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Дибас Оксана Андреевна, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Дюбо Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры высшей математики и методики преподавания математики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Кара-Мурза Светлана Витольдовна, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат физико-математических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Ковалева Антонина Валериевна, доцент кафедры психологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (Луганская Народная Республика).

Ковшарь Мария Константиновна, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Корнеева Анжелика Николаевна, и. о. заведующего кафедрой безопасности жизнедеятельности и охраны труда ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Литвин Лилия Анатольевна, доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат политических наук (Луганская Народная Республика)

Марусенко Елена Андреевна, преподаватель предметно-циклической комиссии психолого-педагогических дисциплин обособленного подразделения «Стахановский педагогический колледж ЛГПУ», кандидат медицинских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Милокост Любовь Сергеевна, и. о. заведующего кафедрой всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Нечаев Денис Викторович, старший лаборант кафедры физики и методики преподавания физики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Новодран Екатерина Михайловна, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Семенова Оксана Николаевна, ассистент кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Скороход Наталья Николаевна, и. о. заведующего кафедрой экономики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат экономических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Тхетелев Юрий Владимирович, заведующий лабораторией кафедры физики и методики преподавания физики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Тихий Александр Александрович, докторант кафедры химии и биохимии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат физико-математических наук (Луганская Народная Республика)

Хижняк Анастасия Владимировна, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Черняков Валентин Евгеньевич, студент 2 курса магистратуры направления 44.04.01 «Педагогическое образование. Физическое образование» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Швыров Вячеслав Владимирович, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат физико-математических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющимserialную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакоммуникации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („ „) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (:). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.
2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).
3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.
4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.
5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.
6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.
7. Данные о методике проводимого исследования.
8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.
9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.
10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключающими двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник научных трудов

Серия 5

Гуманитарные науки

Технические науки

Главный редактор – *Л. А. Черных*

Выпускающий редактор – *Г. Г. Калинина*

Редактор серии – *С. В. Темникова*

Корректор – *О. И. Письменская*

Дизайн обложки – *Р. В. Жила*

Компьютерная верстка – *Р. В. Жила*

Подписано в печать 01.11.2022. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 10,73.

Тираж 21 экз. Заказ № 126

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru